

МОСКОВСКИЙ
КОД

МОСКОВСКИЙ КОД

Сборник статей по краеведению

2.0

2022

По QR-коду вы можете ознакомиться с электронным архивом журнала «Московское наследие» и скачать любимые номера

Скачайте электронную версию сборника «Московский код» 2020

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 5

Участие органов власти и гражданского общества в изучении
и трансляции культурной истории Москвы 7

Москва детства. От первого лица 13

Пять «китов» для наследия или
Несколько слов о проблеме восстановления усадеб в наши дни 17

Нелегальные копатели 27

Новые форматы краеведения: опыт Центра Гиляровского 33

Москва XVI века, как пространство дипломатического ритуала.
Церемониал и топография 39

Книга В.А. Гиляровского «Москва и москвичи» как документ
культуры Москвы XIX–XX веков (для создания уроков
по краеведению в общеобразовательной школе) 45

Виртуальная и дополненная реальность как ресурс
проектирования современного москвоведения 51

Москва в мифологическом пространстве
«Войны и мира» Л.Н. Толстого 57

Проект «Московский Достоевский: семейное путешествие» 67

Парадокс об Останкине. Несколько тезисов к экзегетике
Останкинского ансамбля 73

Проблематика краеведения и москвоведения
в образовательных программах
исторических профилей МГПУ 87

Музею Москвы – 125. История в документах 95

Лефортово моей юности. Памятные фрагменты
исторической географии района 107

«Московский код»: версия 2.0

Ф.И. Смирнов, главный редактор журнала «Московское наследие», член Общественной палаты города Москвы, гид-экскурсовод, радиоведущий

Любое знание о правилах, обычаях, традициях города ценно уже тем, что позволяет нам полюбить город. Опыт разговоров о наследии города в преломлении краеведческого сборника, изданного в 2020 году, показал, что интерес к краеведению во всем многообразии его форм в современном городском сообществе возрастает. Город (и прежде всего его житель) хочет знать, что есть в городе, чем он славен, как быть с ним, как разрешить его проблемы или разгадать его загадки. Как быть с Москвой на одной волне и на короткой ноге? Чем руководствоваться в отборе источников? Какие бывают способы и методы краеведения и преподавания наук о городе? На эти и другие вопросы отвечает сборник статей по краеведческой тематике.

Особо стоит отметить интерактивный характер нашей книги и иллюстративный ряд. В первом случае в QR-кодах мы приводим ссылки на материалы, которые (по разным причинам) не могли быть опубликованы в самом сборнике – или из-за их объема, или из-за их формата. Все эти материалы дополняют картину сегодняшнего «московского кода» – того, который невозможно отменить, который и есть часть нас с вами.

А отношении иллюстративного ряда позволю себе одно лишь наблюдение: мы все даже не знаем, какой Москву увидят грядущие поколения, что для них окажется значимым и важным. Любой из авторов этого сборника (задайся он такой целью) смог бы увидеть в работах лауреатов конкурса детского рисунка определенные тренды в восприятии материального и нематериального культурного наследия, нашей памяти, наших «реперных точек» московского мироздания – ведь все работы, сделаны они ребятами из профессиональной среды или наивными художниками, говорят об «акцентах» столичной жизни и нашем культурном коде куда больше тысяч букв.

Дарья Рукина. «Парк Торфянка»

Участие органов власти и гражданского общества в изучении и трансляции культурной истории Москвы

Пётр Узун. «Ночной город»

С.В. Орлов, заместитель Председателя Московской городской Думы

Современное краеведение – это изучение своей «малой» Родины: этнографии, материальной и духовной культуры, быта¹. Выдающийся советский и российский историк и краевед С.О. Шмидт под краеведением понимал изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо территории или объекта. Сейчас мы наиболее остро осознаем, что это не только предмет, относящийся к сфере образования, но и знания, необходимые каждому уважающему себя человеку. История – это уважаемая фундаментальная наука, но и в тоже время – это часть нашего культурного кода, это часть культуры, часть идеологии, мы тоже должны это понимать. Если мы хотим говорить о развитии России в XXI веке, мы это можем делать, в том числе, опираясь на знание истории, понимание истории

В начале хотелось бы дать небольшой исторический экскурс к самому предмету краеведения.

В качестве самостоятельной науки российское краеведение начало формироваться в XVIII веке: в 1759 году было создано «Архангельское общество для исторических исследований».

В конце XVIII века были опубликованы десятки сочинений по истории отдельных краев, городов, монастырей, издавались описания путешествий, статистические труды. В 1800 году с изданием труда митрополита Евгения (Болховитинова) «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии», **местнография или местнознание** утверди-

¹ Киселев М.Ю. Краеведение и наука: к истории вопроса. Культурный ландшафт регионов 2020. Том. 2. № 1. С. 16.

Валерия Поповкина. «Дворец культуры в Щербинке»

лась как отдельно развивающаяся отрасль исторической науки.

Важную роль в развитии местнознания играли крупные научные общества, в частности Русское географическое общество (1845), Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (1863), Московское археологическое общество (1864), Императорское Русское историческое общество (1866), которые не только регулярно издавали сборники краеведческих материалов, но и активно помогали в организации сети провинциальных или местных музеев.

На рубеже XIX–XX веков **местнознание** в Москве концентрировалось в таких значимых учреждениях, как Исторический музей, Музей городского хозяйства (реорганизованный П.В. Сытиным в 1920 году по инициативе отдела московского коммунального хозяйства Моссовета в Московский коммунальный музей, Комиссия (общество) «Старая Москва» (созданная как отделение Московского

археологического общества (МАО) в 1909 году графиней П.С. Уваровой.)

В 1920–е годы произошел расцвет краеведения, когда оно воспринималось и как сфера научной и научно-просветительской деятельности. В 1921–1930 годах один раз в три года проводились всероссийские (с 1924 года всесоюзные) краеведческие конференции, посвященные проблемам краеведческого движения и результатам краеведческих исследований (наряду с ними систематически созывались краевые, губернские, областные, уездные и волостные; всего к середине 1927 года состоялось свыше 100 научных краеведческих конференций).

Новый всплеск интереса к краеведению/москвоведению произошел в конце 40–х годов – начало 50–х, к 800-летию Москвы. Именно тогда вышел целый ряд замечательных трудов С.В. Бахрушина, Б.А. Рыбакова, М.Н. Тихомирова.

К новому юбилею Москвы, к 850-летию, также вышел ряд работ. В этот же период в школах Москвы в качестве учебного

предмета стало преподаваться москвоведение. В последующем структура данного курса была воспринята исследователями и в преподавании предметов, не связанных с изучением истории².

Отмечая в 2021 году 100-летие краеведения и в 2022 году – 100-летие доктора исторических наук, профессора РГГУ, академика РАО, основателя собственной научно-педагогической школы С.О. Шмидта, мы относимся к этим событиям не как к проходящей дате, а как к значимой точке отсчета, которая послужила и послужит импульсом для развития исторической мысли в последующие годы.

1 сентября 2021 года Президент Российской Федерации Владимир Путин на встрече во Всероссийском детском центре «Океан» (в рамках участия в Восточном экономическом форуме) отметил важность изучения *истории малой родины и истории семьи*³.

Совместно с Московским городским педагогическим университетом, Российским историческим обществом, Музеем Москвы, Парламентской библиотекой Московской городской Думы был организован «круглый стол» на тему: «Москвоведение 2.0», посвященный вопросам изучения региональной истории (регионоведения) в образовательных организациях общего, среднего профессионального и высшего образования. Заседание круглого стола состоялось в Московском городском педагогическом университете 14 сентября 2021 года. В его работе приняли участие депутаты Мосгордумы, представители столичных и федеральных органов власти, Российского исторического общества, преподаватели ведущих вузов столицы.

С точки зрения регулирования, вопрос о преподавании региональной истории решается в настоящее время на уровне образовательной организации.

На данном этапе ни на федеральном, ни на региональном уровне нет общих подхо-

дов, как нет и синхронизации курса региональной истории с курсом истории отечества и всеобщей истории.

В связи с этим, обсуждая вопрос о возвращении преподавания москвоведения в школах Москвы в качестве самостоятельного предмета, хотелось бы затронуть несколько аспектов данной проблемы.

Говоря о москвоведении (регионоведении, краеведении), мы так же должны понимать, что мы изучаем: историю города или нечто более широкое, в том числе модели его развития в будущем. Говоря о Москве – что сегодня делается в Москве и как Москва развивается на том историческом фундаменте, который складывался веками. Само по себе изучение процессов становления городской среды является как бы «чистым знанием». Но для получения новых компетенций необходимо затрагивать процессы, происходящие и происходившие в обществе, рассказывать, из чего состоит городское пространство и чему служит тот или иной объект культурного наследия в городе. Кроме того, это и экономический аспект – история один из драйверов развития крупных городов. Развитие туризма невозможно без развития истории города, истории Москвы. Все очень взаимосвязано, и история, и культура, и экономика, и туризм, и отношение к окружающей среде. История является в данном случае такой «точкой связки» или «точкой сборки».

Москвоведение само по себе раскладывается на историю отдельных округов, отдельных районов. И очень важно изучать и популяризировать историю не только в целом города, но и историю Бибирево и Бирюлево, Орехово-Борисово и Тушино, которые «обладают собственной историей и своим прошлым, иногда далеким, иногда более близким, но без исторической идентичности район становится серым и безликим, нужно почувствовать эту историческую идентичность, ведь история района важна

² Бахчиева О.А. Разработка содержания и структуры комплексного регионального курса географии: На примере «Москвоведения». Автореферат дис. канд. пед. наук. М., 2000.

³ Сайт Министерства просвещения РФ. Новость от 01 сентября 2021 года. <https://edu.gov.ru/press/4079/vladimir-putin-obsudil-so-shkolnikami-izuchenie-istorii-v-shkole/>

Андрей Шишов. «Вестибюль станции метро «Новопеределкино»

для жителей»⁴. И именно москвоведение на нескольких уровнях – город, округ, район – как раз и помогает формировать и городской и местный патриотизм, и самоидентификацию.

Одной из особенностей Москвы как мегаполиса является ее миграционная привлекательность, обусловленная сильной экономикой, развитой социальной сферой, и в целом высоким уровнем и качеством жизни населения.

Одним из базовых и необходимых условий для включения мигрантов в сообщество и выхода за пределы собственной миграционной субкультуры является внедрение принципов толерантности, уважения ценностей и норм как собственной, так и другой культуры, в том числе уважения мигрантами культуры принимающего московского сообщества и т.д.

Важно уделять внимание детям мигрантов, поскольку эффективность интеграции определяется не в первом поколении, которое до конца никогда не интегрируется, а через второе. В этой связи благоприятным фактором является то, что в Москве, как и в России, дети мигрантов учатся в смешанных школах, что, как отмечают исследователи, позволяет мигрантам второго поколения достаточно успешно интегрироваться в российское пространство.

Если говорить о внутренней миграции, то преподаватели высшей школы зачастую отмечают, что люди, которые приезжают из других регионов, неплохо знают историю своих регионов, а московские школьники – историю Москвы, и даже историю своего района – значительно хуже.

В этом смысле, наверное, особенно важно формирование ощущения родины, сопричастности к истории места, где они живут. При этом трансляции богатой

культурной истории Москвы в сознание москвичей не хватает. Поэтому говоря о предмете «москвоведение» ряд исследователей и педагогов считает, что требуется не вводить его в школьное расписание, а нацелить московских учителей и московские школы на культивирование Москвы как таковой в различных дисциплинах и в различных предметах.

В то же время возможно возвращение в качестве самостоятельного курса «Москвоведения», как и включение краеведения в качестве интегрированного модуля в предметы (дисциплины) «История» и «Обществознание», либо реализация их в системе дополнительного образования. Сейчас продолжается общественное обсуждение данной темы и проработка вопроса на уровне органов власти. Москва со всеми своими ресурсами, и интеллектуальными, и технологическими, безусловно, должна лидировать в процессе возвращения региональной истории в школы.

Я приветствую важные инициативы Департамента культурного наследия города Москвы, направленные как раз на узнавание москвичами, и, в первую очередь, молодежью, своего города. Это и краеведческие диктанты, и конкурс детского рисунка «Наследие моего района», и Молодежный форум «Наследие».

Полагаю, что новая традиция, инициированная Московской городской Думой, проводить ежегодные конференции, посвященные истории Москвы «История Москвы: методология, источниковедение, историография, популяризация», как и 100 лет назад будет способствовать продвижению этих идей.

⁴ Мэр Москвы С.С. Собянин на встрече с депутатами Московской городской Думы, посвященной реализации программы «Мой район». 25.09.2018 г.

Москва детства.

Рассказ от первого лица

Кристина Лисютина. «Моя Малая Бронная»

Е.В. Герасимов, актёр театра и кино, кинорежиссёр, политический и общественный деятель; народный артист Российской Федерации. Депутат Московской городской думы.

Я помню Плющиху как заповедный уголок Москвы с архаичной застройкой, но тем не менее это был самый центр Москвы, которого тогда еще не коснулось массовое строительство, и уклад жизни там был такой же как в 1920–1930–е годы.

Хочу рассказать о районе улицы Плющиха (сегодня – район Хамовники), где я родился и где прошло мое счастливое детство. Плющиха и ее окрестности – достаточно необычный район Москвы. Вроде бы, с одной стороны, древностей тут никаких не осталось – генеральные планы XX века здорово все перекроили. С другой стороны, есть у этой московской улицы что-то такое неуловимое, что старожилы называют «московским духом». Современная Плющиха проходит от Смоленской улицы до сквера Девичьего поля. До революции деревянные домишки чередовались с каменными доходными домами в два-три этажа, но в советские годы началась неспешная застройка района жилыми многоэтажками. Сталинки, хрущёвки, брежневки и новоделы перемешались на Плющихе, в следствие чего улочка частично утратила своё провинциальное очарование.

Я помню Плющиху как заповедный уголок Москвы с архаичной застройкой, но тем не менее это был самый центр Москвы, которого тогда еще не коснулось массовое строительство, и уклад жизни там был такой же как в 20–30–е годы. Именно там снимали фильмы про эпоху 20-х годов. В одном из них («Испытательный срок») это хорошо показано. Название «Плющиха» стало известно всему Советскому Союзу после фильма «Три тополя на Плющихе», где тоже очень хорошо показана архитектура, уклад жизни и атмосфера того времени, несмотря на то, что фильм там так и не снимался, хотя планировался. Кстати, в Доме культуры завода «Каучук» (Плющиха, 64) снимались сцены спектакля «Гамлет» из фильма «Берегись автомобиля».

В Москве много дорогих и близких мне мест, но Плющиха остается роднее всего. Я учился в школе №31, а напротив нее находится Центральная городская детская библиотека им. А.П. Гайдара, в которую я был записан и регулярно посещал ее небольшой, но очень уютный читальный зал. Будучи уже депутатом, мне уда-

Вид на Плющиху
в сторону Девичьего поля,
фотография Владимира Тимирева,
1929 год

Плющиха знаменита и своими жителями. В начале 1837 года в доме 11 поселилась семья Толстых. На Плющихе жил поэт А.А. Фет, художник В.И. Суриков, писатель И.И. Лажечников, художник С.В. Иванов, художник С.В. Малютин. На углу Плющихи и Ружейного переулка жил русский философ Иван Ильин.

лось спасти пострадавшую после затопления и планируемую к закрытию библиотеку. Там сделали ремонт, и она до сих пор работает.

В дворах Плющихи мы играли в футбол, ходили двор на двор. Дрались, мирились, дружили. В Доме культуры завода «Каучук» был школьный кружок по танцам, в котором я занимался. С каждым переулком и улочкой меня что-то связывает.

Небольшая историческая справка – улица Плющиха получила современное название в XVIII веке по названию питейного заведения (кабака Плющева). В народе

его так и называли – Плющиха. Московский пожар 1812 года Плющиха пережила с потерями, но небольшими, выгорело всего два дома.

Плющиха знаменита и своими жителями. В начале 1837 года в доме 11 поселилась семья Толстых. На Плющихе жил поэт А.А. Фет, художник В.И. Суриков, писатель И.И. Лажечников, художник С.В. Иванов, художник С.В. Малютин. На углу Плющихи и Ружейного переулка жил русский философ Иван Ильин.

Плющиха – отличное место, где можно попытаться прочувствовать старую Москву. Конечно, не ту, дореволюционную – той уже не осталось нигде. Но вот «Москву детства», знакомую по старым фильмам, пожалуй, встретим. Картинки из моего детства – улица Плющиха, Ростовские переулки, двор Дома Архитектора с его тополями, пройдя которые можно выйти на набережную Москвы-реки с видами на снежную горку, на Киевский вокзал, наверное, мои самые светлые воспоминания.

Вид на Плющиху
в сторону Девичьего поля,
собрание Готье-Дюфайе, 1910-е годы

Вид на Плющиху, дом Шеншина (Фета),
собрание Готье-Дюфайе, 1910-е годы

По QR-коду вы можете посмотреть трансляцию прогулки по Плющихе с Александром Усольцевым

Пять «китов» для наследия или Несколько слов о проблеме восстановления усадеб в наши дни

В.А. Разумов, фотограф, создатель проекта «Летопись русской усадьбы», участник проектов Викимедиа

Юлия Лимаренко. «Коробковский сад»

О теме восстановления разрушенных усадеб в России в наши дни не говорит, разве что, только самый ленивый. Одни предпочитают писать эмоциональные комментарии про «Россию, которую мы потеряли». Другие – примерно оценивают, смогут ли они самостоятельно совершить такой подвиг. Третьи – создают волонтерские объединения, чтобы помочь усадьбам уже сейчас. А четвертые организуют круглые столы и пленарные заседания для того, чтобы в очередной раз обсудить, как объять необъятное.

Между тем, опыт всех европейских стран показывает: восстановление и дальнейшее функционирование возможно только в том случае, если представители всех элементов общества объединятся и будут сообща идти к цели. Ведь те времена, когда одна семья могла единолично содержать огромную усадьбу, канули в прошлое. Поиск новых форм усадебного бытования требует определенных компромиссов. А в российском обществе все еще жив запрос на народное обладание усадебным наследием. Так рождается масштабный конфликт между меценатами, краеведами, государством, потомками владельцев усадеб и охраняемыми организациями. И пока мы выясняем отношения друг с другом, усадьбы действительно гибнут: разрушаются, горят, становятся жертвами вандалов. Давайте же порассуждаем о том, какие конфликты вокруг восстановления усадеб наиболее распространены в наши дни. Почему мотивы многих общественных объединений бывают деструктивны, о том, по-

чему новым владельцам усадьбам не стоит стыдиться обращаться за помощью и о том, что охранным органам следует стать союзниками меценатов в деле возрождения наследия.

Психологи часто любят давать своим клиентам любопытное задание: нарисовать «колесо баланса», где должны присутствовать различные сферы жизни: работа, семья, хобби, здоровье, друзья, отдых, творчество. Если какая-то из этих сфер отсутствует полностью, или почти не развита, то в результате тяжелого жизненного потрясения человек, утративший несколько своих основных «опор», запросто может сломаться. Это же правило справедливо применить и к усадьбам. Ведь их процветание и благополучие зиждется на пяти «китах»: наличии нового владельца, поддержке государства, помощи заинтересованного профессионального сообщества, наличии преемственного института «хранителей», а также – помощи, ну или хотя бы – лояльности широкой общественности. Все это выглядит понятно и логично лишь в теории. Однако, в современной российской действительности мы сталкиваемся с различными вариантами искажения этого баланса. Почему же так происходит?

Корни описываемой проблемы, безусловно, лежат в нашем тяжелом историческом наследстве. В прошлом веке институт усадебного владения претерпел существенные изменения во всем мире. Но, пожалуй, на территории СССР масштабы разрушения были особенно внушительными. Большинство усадеб не только были стерты с лица земли – было предано забвению само понятие усадебной жизни, имена владельцев усадеб и их заслуги перед Отечеством. Историкам потребовались многие десятилетия только лишь на то, чтобы тема усадебного наследия снова могла беспрепятственно звучать в обществе. Но о том, что когда-то усадьбы вновь обретут хозяев, никто не мог и помыслить. Однако, новая реальность сформировала новые запросы, и усадьбы вновь стали переходить в частные руки. Казалось бы, можно было бы смело скопировать западный опыт, лишь немного адаптировав его под наши

реалии. Но, увы, все прекрасные истории про то, как сотни волонтеров помогают некому английскому графу ухаживать за огромным парком и про то, как семье удастся возродить старинный замок, открыв при нем процветающее хозяйство, плохо адаптировались на нашей почве. На то есть несколько важнейших причин. За годы существования СССР у большинства россиян сформировалось специфическое отношение к усадьбам и их владельцем. В сознании советского человека усадьбы всегда были достоянием широкой общественности: музеями, государственными учреждениями, или же просто руинами, которые находились в свободном доступе. Поэтому сама мысль о том, что новый собственник может каким-либо образом ограничить вход на территорию усадьбы, показалась революционной и даже оскорбительной. Во-вторых, сложная экономическая ситуация в стране и лихие 90-е наложили очень негативный отпечаток на общественный образ «помещика». Многие люди по умолчанию стали понимать под этим термином собирательный образ некоего «нувориша» – человека нечестного, беспрецедентно богатого и максимально далекого от народа. Это отношение, увы, очень прижилось в России. Образ крайне неприятный и оскорбительный. Он является одним из ответов на вопрос о том, почему даже интересующиеся историей состоятельные люди до сих пор боятся восстанавливать усадьбы.

Тема многочисленных опасений потенциальных инвесторов стоит отдельного рассмотрения. Я занимаюсь взаимодействием с потенциальными меценатами и собственниками усадеб уже 8 лет. За это время мне удалось пообщаться с совершенно разными людьми. Это были и «романтики», которые хотели восстановить небольшую усадебку без охранного статуса «для себя», и предприниматели, которые искали историческое здание для дальнейшего приспособления, и владельцы крупных компаний, которые искали настоящий дворец для отдыха сотрудников и проведения мероприятий. Однако, несмотря на объем предстоящих работ, их страхи были очень похожи.

Усадебные аллеи. Фото автора

1) У меня не хватит времени и денег на восстановление.

Сперва этот страх может показаться надуманным. Ведь каждый человек, взявшийся за восстановление усадьбы – большой или маленькой, сперва должен все взвесить, разработать проект восстановления, соответствующие сметы и бизнес-планы. Однако, не все так просто. До недавнего времени все государственные механизмы, предполагающие привлечение меценатов к восстановлению усадеб, предполагали рекордно сжатые сроки на реализацию проекта. Как правило, речь шла о семи, или даже пяти годах. В столь сжатые сроки может не успеть уложиться даже самая заинтересованная и обеспеченная компания – слишком уж высока финансовая нагрузка и ответственность вкупе с неблагоприятной ситуацией в мире. Нынешняя обстановка с коронавирусом лишь подчеркнула необходимость расширения данных сроков. Ведь сейчас мы можем наблюдать как целые сферы бизнеса впали в состояние стагнации на целых два года! И речь идет о тех сферах, которые в основном применяются в проектах приспособления восстановленных усадеб – ресторанном и гостиничном бизнесе, туризме и деятельности по проведению мероприятий.

К счастью, распоряжения о пересмотре сроков восстановления усадеб в сторону их расширения уже рассматриваются на самом высоком уровне. Необходим также индивидуальный подход в каждом меценату и его конкретной ситуации. В противном случае сжатые сроки и необходимость практически единовременной траты огромной суммы денег и дальше будут отпугивать потенциальных инвесторов.

2) У меня отнимут усадьбу.

Сразу оговорюсь: речь идет вовсе не о страхе изъятия усадьбы в связи с недобросовестным использованием, причинением ущерба объекту или другими негативными обстоятельствами, зависящими от собственника. Речь идет о туманных перспективах, проистекающих из распространенных в нашей стране механизмов льготной аренды памятников архитек-

туры. До недавнего времени большинство усадеб, переданных новым собственникам, передавались им на условиях аренды. Как правило, речь идет о долгосрочной аренде – на 49 лет. Срок, казалось бы, немалый. Но и здесь логичны опасения: а что будет с нашим «детищем» после? Смогу ли я передать его своим потомкам или преемникам в компании? Или государство по истечении срока не продлит договор аренды? Слишком много неизвестности при огромной ответственности!

В связи с этими обстоятельствами во всем мире принято считать «золотым стандартом» взаимодействия с инвестором именно передачу усадеб в собственность. Минусы такого подхода очевидны – они вряд ли могут быть применены к крупным памятникам, объектам федерального значения. Зато для тысяч других усадеб это будет реальный шанс получить вторую жизнь. Примечательно, что первые 100 усадеб уже подготовили для льготной передачи в руки новых собственников. Это будет возможно в рамках федерального проекта «Усадебное достояние РФ», который поддержал Фонд Президентских грантов.

3) Проект восстановления либо не окупится вообще, либо приведет меня в серьезный «минус».

В современной российской действительности окупаемость усадьбы действительно является вопросом времени и бизнес-хватки нового собственника. Однако, в нашей стране есть несколько ярчайших примеров усадеб, приносящих своим собственникам доход и постепенно окупающих их расходы на реставрационные работы.

4) У меня будут конфликты с местными жителями, и я не буду чувствовать себя в безопасности в отреставрированном доме.

Нельзя отрицать того факта, что многие жители приусадебных окрестностей сперва с опаской и недоверием относятся к своим новым соседям. Случались даже случаи вандализма, ярким примером которого послужила трагическая гибель лебедей в усадьбе Марьино. Нередко

местные жители воспринимают в штыки попытки нового собственника установить минимальную входную плату за посещение усадьбы. Однако, на деле постепенно ситуация сглаживается. Люди понимают, что заплатив символические 100-200 рублей, они будут гулять уже не в диком лесу, а в ухоженном парке с лавочками, дорожками и клумбами. А видя масштаб проделанных восстановительных работ люди невольно проникаются уважением к труду новых хозяев усадьбы. Разумеется, случаи вандализма полностью предотвратить никак нельзя. Но в сухом остатке остается факт – вандализм промышленный в усадьбах не больше, и не меньше, чем в других местах.

5) Меня будут травить в прессе. Отсутствие культуры общения в сети и безнаказанность интернет-провокаторов тоже дает свои плоды. Нередко мишенью сетевых хамов становятся и владельцы исторических усадеб. Но следует помнить о том, что не критикуют только тех, кто ничего не делает.

6) В случае возникновения трудностей мне никто не поможет.

Этот страх проистекает из-за нарушения контакта владельца усадьбы с обществом и государством. Органы охраны памятников на местах имеют разный уровень взаимодействия с инвесторами. Одни готовы во всем поддержать мецената, в любое время оставаясь на связи. Другие же предпочитают дистанцироваться, отдав решение всех проблем на откуп владельцу усадьбы. Последняя ситуация крайне нежелательна для усадеб. Ведь многие вопросы, касающиеся участие в государственных программах, создания необходимой инфраструктуры и проведения крупных мероприятий требуют тесного взаимодействия. Кроме того, часто владельцы усадеб стесняются обращаться за помощью к волонтерам. Причина тому – пресловутое общественное мнение, которое часто рисует владельца усадьбы всемогущим богачом, далеким от всяких нужд. Потихоньку это отношение меняется в сторону взаимного диалога и приносит свои позитивные плоды. Так, летом этого года в усадьбе

По QR-коду вы можете посмотреть запись работы круглого стола «Объекты культурного наследия в ландшафтно-парковых зонах Москвы. Вопросы учета и сохранения» прошедшего в рамках научно-практической конференции им. А.Г. Векслера

Усадьба Студенец. Фото автора

Усадьба Кусково. Фото автора

Воронино произошла беда. Сильнейший ураган уничтожил значительное количество деревьев в парке. Своими силами справиться с последствиями урагана было очень сложно. Потомственные владельцы усадьбы – семья Леонтьевых, решила обратиться за помощью волонтеров. И получила огромный общественный отклик! На протяжении нескольких недель в Воронино работал волонтерский лагерь, в котором приняли участие десятки активистов из разных регионов. Последствия урагана были полностью устранены сообществом! И этот случай можно рассматривать как яркий пример тесного взаимодействия владельцев усадьбы и волонтеров в рамках общего дела сохранения наследия. Как мы видим, описанные выше страхи можно поделить на несколько категорий: страх не справиться самому, неуверенность в поддержке и отсутствия общественного отклика. Как мы понимаем, вторая и третья группа опасений непосредственно связана с обществом, а значит – зависит от каждого из нас. Как же мы можем поддержать потенциального инвестора? Существует множество

механизмов поддержки для разных категорий специалистов. Начнем, пожалуй, с историков, краеведов и охранных организаций. Среди представителей этих профессий и объединений есть множество порядочных людей, первоклассных профессионалов и активных общественных деятелей. Но многие из них привыкли выполнять лишь одну функцию – карательную... Сообщить о нарушении, раскритиковать проект приспособления, создать общественный резонанс... Разумеется, иногда такие шаги бывают нужными и полностью оправданными. Но порой для того, чтобы новоиспеченный собственник усадьбы поступил правильно, нужно по-доброму и без лишних эмоций направить его в нужную сторону. Нашему профессиональному сообществу стоило бы научиться быть помощниками, консультантами и союзниками будущих инвесторов. Это – вернейший шаг к тому, чтобы люди ощущали всестороннюю поддержку специалистов и не боялись браться за восстановление усадеб. Во-вторых, усадьбе, помимо владельца, жизненно важен хранитель – человек, кото-

Усадьба Кузьминки. Конный двор и пруд. Фото автора

«В ожидании». Фото автора

рый долгие годы жил интересами объекта и изучал его историю. Как правило, такой энтузиаст обязательно есть при каждой достопримечательности. Как же больно слышать истории о том, как новый собственник отстраняет хранителя от усадьбы! В абсолютном большинстве случаев это является несправедливым и крайне недальновидным шагом. Ведь хранитель, который знает об усадьбе и ее окружении все и даже больше, может стать первым союзником в деле восстановления. Этот человек не только всегда придет на помощь, но и поможет наладить взаимоотношения с местными жителями, наладить экскурсионную деятельность, и, в случае драматических событий – на время взять управление усадьбой в свои руки. В руки, которые любят усадьбу и никогда ее не предадут. В роли хранителей также могут выступить потомки владельцев усадьбы. Прекрасный пример распределения ролей «инвестор-хранитель» мы можем наблюдать на примере московской усадьбы Зубовых. Новая владелица усадьбы Мария Александровна Соколова отвечает за развитие и функционирование усадьбы, а потомок владельцев особняка – Мария Васильевна Зубова, проживает в своем фамильном доме и сердечно оберегает его многовековые традиции.

Как же меняется отношение российского общества к новым собственникам старинных усадеб? И меняется ли оно вообще? К счастью – да. Мы уже прожили тот этап, когда сам факт частного усадебного владения вызывал множество вопросов и критики. Россияне стали относиться к собственникам усадеб с симпатией и сочувствием. По сей день недопонимание возникает в вопросах доступа к памятнику. Иные частные дома и закрытые ре-

зиденции не готовы принимать туристов каждый день. Для собственного удобства они организуют специальные приемные дни, в которые туристы смогут попасть на территорию поместья в составе экскурсионной группы. Такой подход не оставляет туристам возможности к спонтанному путешествию, что, несомненно, печалит многих любителей старины. Но в сложившейся ситуации, все же, нужно отнестись с пониманием. Большинство европейских усадеб и дворцов, находящихся в частном владении, работают по аналогичному принципу. Ведь только так возможно соблюдать адекватный баланс между приватностью и включенностью в туристический оборот.

В завершении статьи мне хотелось бы еще раз обратить ваше внимание на необходимость всеобщей включенности в сохранение культурного наследия нашей страны. Чем раньше мы поймем, что нынешний собственники усадьбы – это не супермэны, а такие же люди, которые могут терпеть финансовые потрясения, не справляться с рядом задач и нуждаться в помощи, тем выше в нашей стране будет авторитет меценатства. Чем быстрее мы осознаем, что наши таланты и профессиональные навыки мы можем применять не только для того, чтобы грубо критиковать, тем быстрее мы сформируем сообщество специалистов, поддерживающих будущих меценатов. И, наконец, чем раньше мы осознаем, что иногда помощь усадьбам напрямую зависит от нас – и это не красивые слова, а руководство к действию, тем больше прекрасных памятников получат шанс на новую жизнь. А в мире, где популяризуется эстетика безобразного, будет появляться больше красоты и гармонии.

Памяти Михаила Ивановича Гоняного,
историка, археолога, внесшего большой вклад
в исследование Подмосковья

Егор Прокофьев «Ореховские курганы XI–XIII веков нашей эры»

Нелегальные копатели

Л.В. Кондрашев, первый заместитель руководителя Департамента культурного наследия города Москвы, главный археолог города Москвы; **В.В. Бреев**, секретарь Общественного совета ГУ МВД России по городу Москве, член Общественной палаты города Москвы; **Е.Н. Чуракова**, заместитель начальника Управления сохранения объектов археологического наследия Мосгорнаследия

Археологические работы в мире проводятся профессиональными археологами с целью изучения и сохранения археологического наследия и введения в научный оборот всей полученной информации. Однако мы сталкиваемся и с таким повсеместно встречающимся явлением, как нелегальные копатели или как они сами себя часто называют романтическим именем: «черные археологи». Для кого-то из них нелегальные раскопки – игра, авантюра, приключение, для кого-то желание найти сокровище и обогатиться. При этом уничтожается весь исторический контекст места, его историческая информативность.

Например, предъявляется воровски вырытая бутылка – мы можем определить, что это XIX век или аптечный пузырек, допустим, фабрики Феррейна, но, когда вещи обнаружены археологом, который работает профессионально, грамотно, по методике, фиксируя не только сам предмет обнаружения, но и слой, мы можем, сопоставляя все уже известные факты о месте и сами предметы, получить новую интересную информацию по истории места.

А нелегальные копатели бросаются как «сороки» на блестящее, выхватывают эти предметы для своего обогащения или даже «спортивного» интереса и уничтожают нашу историю. Они то-ропятся вырыть всё самое ценное на их взгляд и продать через Интернет в частные руки, а по сути – в неизвестность. Находки не фиксируются ни по географическим координатам, ни по культурному слою. Для науки пропадают не только эти вещи, но и

Рейд археологов против нелегальных копателей совместно с полицией

Конфискованные орудия труда нелегальных копателей

многие уникальные свидетельства, которые выбрасываются как обыкновенный мусор. «Горе-копатели» к кропотливой работе не готовы, они хотят разбогатеть немедленно! Вот причина, по которой официальная археология склонна называть таких дельцов – грабителями. Юношеский азарт приводит к гибели важной исторической информации и даже может сломать жизненный путь самого кладоискателя.

Российское законодательство в отношении этих действий предусматривает административную и уголовную ответственность.

Во-первых, работы должны проводиться при наличии специального разрешения (открытого листа) на руководителя раскопок, чтобы он, обладая профессиональными качествами, провел исследования местности в полном объеме: чтобы в дальнейшем любой исследователь мог этой информацией воспользоваться. А во-вторых, для нелегальных копателей согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрено наказание, а в отдельных случаях и уголовное наказание по 243.2 статье Уголовного кодекса Российской Федерации.

Цель археолога — это получение исторических и археологических данных, а цель копателей – приобретение в свое личное распоряжение, коллекционное или незаконно-коммерческое, тех артефактов, которые содержатся на объектах археологического наследия.

Совместно с правоохранительными органами и с Общественным советом при ГУ МВД России по городу Москве Мосгорнаследие организовало взаимодействие с отделениями полиции. Проводятся регулярные рейды, разъяснительная работа с участковыми, изданы «Методические рекомендации по предотвращению проведения несанкционированных археологических полевых работ на территории города Москвы».

Поставленная задача была осуществлена: каждый участковый, особенно в Новой Москве, имеет такую брошюру, и там прописано, какие статьи Уголовного кодекса Российской Федерации и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях регулируют вопросы организации и проведения археологических работ. Стали доступными для понимания принципы определения на месте, какие работы являются санкционированными, а какие нет. Также были даны рекомендации для должностных лиц, что делать в случае выявления признаков противоправной деятельности. Самое главное в этой работе, что в противодействие нелегальным раскопкам вовлекаются действительно заинтересованные люди.

К сожалению, на волне, когда в Россию хлынул шквал металлодетекторов, запрещенных к реализации в ряде стран, в СМИ прошла «рекламная компания» о появившихся новых поисковых возможностях, облегчающих исследовательскую деятельность, археологи столкнулись с

Майя Макарова. «Город будущего»

Рейд археологов против нелегальных копателей совместно с полицией

Рейд археологов против нелегальных копателей совместно с полицией

примером обратной рекламы: «вы представляете, какие огромные ценности раскопали и продали на рынке нелегальные копатели, и все они теперь богаты». На этой волне многие, как настоящие любители истории, так и откровенные барыги, жаждущие несметных богатств, кинулись искать сокровища.

Однако, есть и весьма отрадная информация: два человека, пойманных в недавнем прошлом за попытку нелегально исследовать окрестности с помощью металлодетектора, после проведения разъяснительных действий, вступили в ряды археологических организаций и работают в качестве землекопов под руководством профессиональных археологов. Тем самым они удовлетворяют свою тягу к истории, но их деятельность теперь под пристальным контролем профессионалов-археологов.

В настоящее время, учитывая большую загрузку археологов и участковых, создана группа общественных инспекторов. К ним на помощь приходят местные жители, которые если видят какие-то подозрительные движения на полях или в лесах, сразу информируют своего участкового. Они знают телефон горячей

линии Департамента культурного наследия города Москвы, главного археолога города Москвы и участкового, между всеми налажено тесное взаимодействие. Это очень полезная практика сохранения объектов археологического наследия и предотвращения незаконных действий. Мосгорнаследие рассматривает дела об административных правонарушениях и передает их в суд, и его представители не могут на месте потребовать от человека, ведущего подозрительную деятельность, документы и тем более провести его задержание, зато это может сделать сотрудник полиции. Только благодаря тесному сотрудничеству и слаженной, системной работе всех заинтересованных организаций мы можем обеспечить сохранность неизученных археологами территорий.

Для информации:

Археологические полевые работы в городе Москве как работы по сохранению объектов археологического наследия в соответствии со ст. 45 пп.1,2, 3, 8 Федерального закона проводятся:

на основании разрешения (открытого листа) на право проведения работ определенного вида по выявлению и изучению объектов археологического наследия, выдаваемого в порядке устанавливаемым уполномоченным Правительством РФ органом исполнительной власти научному руководителю работ;

в соответствии с методическими положениями свода реставрационных правил СРП-2007, рекомендованного к применению Министерством культуры РФ (циркулярное письмо Минкультуры от 10.12.2007 №78-01-35/04-ДА).

Виды археологических работ в Москве:

- разведки – археологические исследования с целью обнаружения и первоначального полевого изучения, научного обследования объектов археологического наследия, а также получения современных данных о ранее выявленных объектах археологического наследия;
- раскопки – археологические работы с полным или частичным изъятием находок из раскопов, проводимые с целью всестороннего исследования, точной фиксации и научной оценки объекта археологического наследия с полной характеристикой его

топографии, стратиграфии, культурного слоя, сооружений, археологического материала, датировки и т.п.;

- наблюдения – полевые исследования, проводящиеся на территории объекта культурного (археологического) наследия, устанавливающие контроль со стороны специалиста-археолога за проведением земляных работ,
- предпроектные археологические или архитектурно-археологические исследования – раскопки или разведки в составе комплексных научных исследований объектов культурного наследия и (или) их территорий для получения данных и принятия на их основе проектных решений для проведения работ по сохранению объектов культурного (археологического) наследия. Проведение предпроектных археологических работ осуществляется как до выполнения ремонтно-реставрационных работ на объекте культурного наследия, так и в процессе их производства;
- геофизические изыскания – исследования, проводящиеся с целью обнаружения сохранных участков культурного слоя и скрытых объектов неразрушающими методами без проведения земляных работ.

Анастасия Гришина. «Живописный мост»

Новые форматы краеведения: опыт Центра Гиляровского

М. Никитина, ведущий методист
Центра Гиляровского; **Н. Сучков**, старший научный
сотрудник Центра Гиляровского

Мы попытаемся описать новые форматы краеведческих событий, которые проходят в Центре Гиляровского, самом молодом филиале Музея Москвы (открылся в декабре 2017 года). Центр фокусируется на социальной истории Москвы и уделяет особое внимание частной памяти и документальным свидетельствам, стремится к глубокому пониманию ушедшего времени, устройства городского пространства, изменений городского уклада и восприятия города его жителями.

Для поддержания диалога с аудиторией на высоком профессиональном уровне мы, авторы, как сотрудники Центра Гиляровского особое значение уделяем репрезентации проводимых исследований, возможностям такого донесения краеведческих знаний, которое бы вызывало живой интерес и отклик у посетителей. Для реализации этой задачи разработали новые экспериментальные форматы, о которых пойдет речь в статье. Это исследовательская лаборатория, ридинг-группа и кино клуб о Москве. В приложениях в конце статьи указаны темы прошедших встреч каждого из форматов.

Исследовательская лаборатория

Цикл диалоговых встреч, где в качестве объекта рассмотрения выбрана определенная градостроительная единица Москвы с разноплановой историей трансформаций, на основе которой удастся выстроить насыщенный деталями нарратив. Первый сезон исследовательской лаборатории, проходивший с февраля по декабрь 2021 года, был посвящен площадям Садового кольца, второй сезон предполагается посвятить другим городам, включенным в состав Москвы в XX веке. Каждая встреча разделена на три блока – 1) история градостроительства (рассказывает Никита Сучков), 2) анализ знаковых архитектурных объектов (рассматривает Мария Никитина) и 3) интерактивная

рубрика “Угадай-ка”, где участникам по фрагменту малознакомой детали предлагается назвать место или объект (как показывает опыт – рубрика пользуется большим интересом у аудитории, участники встреч активно включаются в обсуждение).

В исследовательской лаборатории мы стремимся создать пространство, где краеведческое знание может быть визуализировано и представлено публике, встречи дают возможность рассмотреть детали, визуальные материалы на большом экране, вовлекают информацию в форму, доступную для анализа и исследования широкому кругу людей. Основным подходом к реализации формата является полноценное вовлечение аудитории в исследование территории. Это достигается за счет нескольких составляющих, которые мы далее рассмотрим.

Натурное обследование. Перед проведением встречи мы отправляемся в экспедицию по анализируемой территории и на встрече транслируем полученные наблюдения. Это работает на обогащение сухой исследовательской информации эмоциональными впечатлениями от увиденного. Например, во время экспедиции по Сухаревской площади удалось рассмотреть детали Дома Миансаровой, где архитектор использовал приемы декорирования, принятые в московской архитектуре конца XVII века, создав тем самым стиливую перекличку с Сухаревой башней. В наши дни ее уже нет, но представить ее декор можно благодаря деталям фасада этого дома. Другой пример – во время экспедиции по Триумфальной площади удалось выявить габариты кинотеатра “Москва”, встроенного в административное новое многоэтажное здание Министерства общего машиностроения (ныне – Москомархитектура), они легко считываются благодаря иному ритму и размеру окон и заложенным проемам.

Использование фондов Музея Москвы. Как правило, такие материалы преимущественно не знакомы широкой публике, являются уникальными, благодаря чему удастся создать ощущение экс-

клюдивности подачи. При иллюстрировании рассказа о некоторых площадях удалось продемонстрировать гравюры, рисунки и акварели малоизвестных художников, ранее нигде не показанные. При поиске материалов о площади Курского вокзала удалось найти в фондах записку краеведа начала XX века Миллера, сделанную по заказу метрополитена перед строительством станции метро «Курская». В ней подробно изложены все этапы застройки близлежащей территории, которые помогли в составлении нарратива о площади.

Анализ доступных интернет-ресурсов коллективной памяти (фотографии PastVu и комментарии к ним, карты EtoMesto и т.д.). Благодаря этим ресурсам удается уточнить местонахождение скверов, фонтанов, скульптур, которые раньше находились на площадях, но ныне не существуют. В определение местонахождения малых архитектурных форм по архивным фотографиям и картам активно включаются и посетители.

Запрос воспоминаний. По завершении встреч авторы опрашивают участников встречи на предмет воспоминаний. Таким образом, например, при обсуждении Таганской площади удалось познакомиться с воспоминаниями посетителей лаборатории о первых парадах в честь Великой Отечественной войны и шествии на похоронах Высоцкого.

Приглашение профессионального сообщества – архитекторов, проектировщиков, урбанистов, историков транспорта. Междисциплинарный подход заимствован из урбанистики, где вовлечение в команду специалистов разного профиля – архитекторов, социологов, антропологов, историков – позволяет более детально и разнопланово проанализировать территорию. Например, на встречи, посвященные привокзальным площадям (Павелецкая, Курского вокзала), удалось привлечь историка транспорта, экскурсовода Музея Москвы Марию Калиш, которая подробнее рассказала о здании вокзала и появлении железной дороги. Показателен кейс с Павелецкой площадью: к обсуждению присоединились специалисты проектного бюро АРЕХ – авторы современной

реконструкции площади, которые дополнили нарратив об истории рассказом о ее современной реконструкции. Фактически на презентации этого общественного пространства была реализована метафора площади как места встречи, пересечения потоков, обмена идеями, место общения, создана платформа для общественного обсуждения.

Ридинг-группа “Московский текст”
Это цикл междисциплинарных исследовательских семинаров Центра Гиляровского. Участники читают и обсуждают художественные и публицистические произведения, в которых городское пространство является не просто местом действия, а самостоятельным героем. Вместе с искусствоведом Марией Никитиной и филологом Екатериной Задирко участники ридинг-группы анализируют, как соотносится художественный мир произведения и реальное пространство города, как перемещаются герои произведения, почему автор упоминает одни места и не упоминает других, как взгляд на город и его архитектуру отражает дух эпохи.

Программа ридинг-групп следует хронологическому принципу: от текстов XVIII века к произведениям современной литературы. По итогам проведенных встреч накоплен большой материал: отрывки текстов, конспекты вступительных лекций, визуальный материал и видеозаписи встреч. Сейчас мы думаем над цифровым проектом “Литературная карта Москвы”, где к отдельным локациям будут привязаны аудиозаписи с рассказами об их литературной репутации. Открывают каждую встречу вступительные лекции ведущих, в которых дается литературный и исторический контекст выбранного произведения, затем участники по очереди читают фрагменты произведений, обращают внимание на детали и задают вопросы ведущим и другим участникам, обсуждают, как проявился образ Москвы в том или ином фрагменте.

Формат встреч
Первые четыре встречи ридинг-группы прошли в пространстве Центра Гиляров-

ского. С началом пандемии наши семинары, как и вся образовательная программа музея, перешли онлайн-формат, который сохраняется и сейчас. Оба формата (очные и онлайн) имеют свои преимущества.

Преимущества очных встреч:
Формирование сообщества вокруг пространства музея
Камерный формат
Возможность

Преимущества онлайн-формата:
Расширение целевой аудитории. Возможность подключения участников из других городов
Возможность варьировать степень вовлеченности: быть просто слушателем, читать текст, комментировать прочитанное, задавать вопросы и принимать участие в обсуждении голосом или в чате.

В чате можно оперативно делиться ссылками на дополнительные материалы, видео и фото по теме. За коммуникацию в чате отвечает наша коллега Екатерина Задирко, но иногда и сами участники вступают там в дискуссию, что не мешает общему ходу встречи.

Есть пространство для импровизации: однажды мы читали отрывки из “Воскресения” Льва Толстого и там упоминалось, что в квартире надзирателя его дочь играла “надоевшую рапсодию Листа”. Одна из наших участниц тут же вызвалась исполнить ее в прямом эфире.

В последнее время мы опробовали гибридный формат, встречи проходят офлайн, но с возможностью подключения в зуме.

Принципы ридинг-группы “Московский текст”
Свежий взгляд: мы берем тексты не самых известных авторов или тексты известных авторов, которые находятся на периферии их творческой биографии. В любом случае, призма, через которую мы смотрим на тексты является новой для всех участников: и ведущих, и слушателей.

Междисциплинарность: ведущие – филолог и искусствовед. В основе наших

встреч – не лекция – монолог, а диалог двух ведущих филолога и искусствоведа. Это создает особую атмосферу беседы, в которой у каждого есть своя экспертная позиция, но при этом никто не является истиной в последней инстанции. Этими двумя специальностями подходы к изучению города не исчерпываются, а значит, что мы открыты для участия представителей других специальностей.

Полифония. Это и возможность высказаться наравне с экспертами и сам факт того, что тексты озвучиваются множественством голосов. Мы принципиально не беремся за большие тексты и не просим их предварительно прочитать.

Синхронизация. Проводим встречи в рамках образовательной программы к выставкам Музея Москвы: встреча в рамках образовательной программы к выставке (рассматривали альбом вместе с Рустамом Габбасовым – сокуратором выставки “ВХУТЕМАС 100. Школа авангарда”); встреча по метро в литературе к выставке “Обратная сторона метро”: встреча про Сухареву башню в рамках выставки “Миф о Сухаревой башне”. Мы выступаем в информационном партнерстве с другими музеями (например, музеем Леонида Андреева в Северном Бутове) и библиотеками (Некрасовка)

Принципы создают благоприятную атмосферу для включения новых участников, гибкую исследовательскую рамку и возможность экспериментировать с форматами, синхронизируя наши встречи с образовательными программами Музея Москвы и других культурных институций.

Кроме регулярных встреч также проводятся онлайн-марафоны, приуроченные к Библионочи: марафон «Московский текст»; библионочь про космос.

Москововедческий киноклуб

Третий междисциплинарный формат Центра Гиляровского – москововедческий киноклуб. В нем соединяются исследование города через анализ визуальных источников и просмотр, и обсуждение кино как форма досуга.

Кинематограф как источник может быть задействован при подготовке выставки, но в рамках осмотра экспозиции зритель, как правило, не имеет возможности ознакомиться с фильмами целиком, их восприятие остается фрагментарным.

Если показывать несколько фрагментов друг за другом, часть ускользнет от зрительского внимания, а возможности одновременно демонстрировать несколько кинофрагментов нет.

Не всегда есть возможность транслировать сразу несколько фрагментов, связанных с темой и дать к каждому из них подробный комментарий. «Московское метро в кино» – подборка отрывков фильмов, в которых фигурирует московское метро и анализ того, как изменился образ метро от 1930-х и до наших дней. Подобно тому, как на выставке была показана обратная не парадная сторона метро, на кинопросмотре мы сделали акцент на метро как на периферийном, но важном элементе городского пейзажа.

Кино может фиксировать утраченные места Москвы.

В рамках выставки «Миф о Сухаревой башне» первый сезон москововедческого киноклуба был посвящен Москве 1920-х годов, ее восприятию на трех уровнях: дома («Дом на Трубной»), улицы («Третья Мещанская») и города («Человек с киноаппаратом»). Главная тема – взаимодействие старого и нового города, который снова стал столицей.

Второй сезон киноклуба – цикл показов «В главной роли Москва» под открытым небом, организованный вместе с сетью кинотеатров «Каро». Мы вышли на новую аудиторию и соединили впечатления от города на экране и города реального (двор Музея Москвы).

Третий сезон собрал фильмы 1960–1980-х годов, посвященные Москве как месту встречи или расставания героев. Хронологический период выбран так, чтобы зрители смогли поделиться своими воспоминаниями о той эпохе, а тема близка многим и может стать красной нитью в обсуждении образа города.

Варвара Нестерова. «Уходящая натура»

По QR-коду вы можете посмотреть специальный выпуск программы «Московское краеведение», посвященный развитию множества современных проектов в сфере популяризации культурного наследия на конкретных примерах

Софья Зарва. «Церковь Вознесения Господня в Коломенском»

Москва XVI века, как пространство дипло- матического ритуала. Церемониал и топография

М.В. Моисеев, заведующий сектором научно-просветительской работы ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы», отдел «Музей археологии Москвы»

Развитие международных связей Русского государства в XV – начале XVII столетий приводило к формированию посольского церемониала, который постепенно усложнялся. Одним из существенных моментов церемониальных действий был ритуал приема и содержания иностранных послов, который в общих чертах изучен в базовой для этой темы работе Л. Юзефовича. Вместе с тем, нам представляется, что пока еще не прояснен вопрос как реальная топография города отразилась в символическом конструировании пространства посольского «гостеприимства», какую эволюцию прошел этот своеобразный топографо-семиотический инжиниринг. Иначе говоря, что было принято показывать иноземцам в начале XVI века, что в середине и конце столетия.

Несмотря на то, что каждый исследователь русского средневековья испытывает очевидный источниковый голод, именно для изучения означенной проблемы мы имеем уникальную возможность осветить разные стороны изучаемого явления различными источниками, так как в нашем распоряжении не только сочинения иноземцев о Московии, но и синхронные русские дипломатические материалы, сохранившиеся как в виде посольских книг, так и столбцов. В данной работе я постараюсь следовать компаративистской методе, сравнивая показания указанных источников. Для «чистоты эксперимента» в работе будут использованы только те сочинения иностранцев, которые были в Москве в качестве дипломатов.

Общий маршрут следования иноземных дипломатов в Москве от посольского двора в Кремль был установлен еще Л. Юзефовичем. Что они видели на этом пути? Р. Ченслор так описывал свои общие впечатления: «Сама Москва очень велика. Я считаю, что город в целом больше, чем Лондон с предместьями. Но она построена очень грубо и стоит без всякого порядка. Все дома деревянные, что очень опасно в пожарном отношении. Есть в Москве прекрасный замок, высокие стены которого выстроены из кирпича. Говорят, что стены эти толщиною в 18 футов, но я не верю этому, они не кажутся такими. Впрочем, я не знаю этого наверно, так как ни один иностранец не допускается к их осмотру. По одну сторону замка проходит ров, по другую — река, называемая Москвой (Moscu), текущая в Татарию и в море, называемое Каспийским. С северной стороны расположен нижний город; он также окружен кирпичными стенами и таким образом примыкает к стенам замка». Из этого описания, равно как из других ясно, что послы имели представления о Москве весьма общие. Они видели крепости, особенности застройки, однако имели поверхностное представление об административном устройстве города, чаще всего у них не было информации, позволяющей идентифицировать большинство увиденных объектов. Сам маршрут, что подтверждается и большинством других описаний, выстраивался таким образом, чтобы сконцентрировать взгляд дипломатов на Кремле и отчасти Китай-городе. В целом, посольские книги фиксируют некое разнообразие маршрутов следования послов по Москве, но при этом указывают на их строгость. Так, имперских послов в начале XVI века везли по Тверской дороге, этот же маршрут использовался и для иерархов, приезжавших с православного Востока. Встречали польско-литовских дипломатов у перевоза через Москва-реку у села Дрогомиллова, с 1560-х годов маршрут следования посольства был конкретизирован и включал в себя следование и по Тверской улице и по Сретенке, но в целом именно движение по последней улице было основным. При необходимости членов миссии размещали на частных дво-

рах. В 40–50-е годы XVI века это был район Чертолья, а после попадания его в опричнину стали использоваться территории Занеглименья и в целом Большого посада (Китай-города). Английские же послы следовали по Сретенке и затем въезжали в Китай-город. Татарские посольства двигались с юга и юго-востока современной Москвы. Двигаясь по Серпуховской дороге, крымские послы достигали посольского двора расположенного на территории ограниченной современными Мароновским переулком, Крымским тупиком и Крымским валом. В районе современной Якиманки располагались и ногайские послы. В мае 1551 года напротив Наливок был устроен ногайский торг. В июле 1551 года послы правителя Ногайской Орды Юсуфа были размещены на Рунновской улице «...у Никиты святого, на Миткине дворе подъячего», ныне эта улица известна как переулок между Озерковской набережной и Большой Татарской улицей. Довольно часто ногаи размещались у Симонова монастыря (ныне Даниловский район Москвы). Итак, в XVI веке в Москве было принято татарских послов размещать в Замоскворечье, заметно тяготение к районам Якиманки и району Татарской слободы XVII столетия. Для дипломатов христианских стран предназначались Китай-город и районы, расположенные к северо-западу от Кремля. Само следование иностранных послов выстраивалось с учетом презентационных нужд, и было существенным моментом в деле репрезентации страны и власти московских правителей.

Дальнейший путь послов в Кремль и по Кремлю красочно описывался самими дипломатами и был полно рассмотрен Л. Юзефовичем. Послов встречало множество людей разных чинов, нарядно одетых. «Они представляли собой миниатюрный слепок социальный структуры русского общества, точнее — верхних его слоев». В кремлевском дворце, на пиру начинался апофеоз роскоши. «Когда великий князь занял свое место, толмач пришел за мною во внешние покои, где сидели сто или больше дворян, все в роскошном золотом платье; оттуда я пошел в зал совета, где сидел сам великий

Михаил Крыжанский. «Мост на городском пруду»

князь со своею знатью, которая составляла великолепную свиту. Они сидели вдоль стен комнаты на возвышении, но так, что сам великий князь сидел много выше их на позолоченном сидении в длинной одежде, отделанной листовым золотом, в царской короне на голове и с жезлом из золота и хрусталя в правой руке; другой рукой он опирался на ручку кресла». «Посередине палаты стоял стол, или поставец для посуды: он был полон золотых кубков, среди которых стояли четыре чудесных жбана, или кружки (crudences), как их здесь называют. Я думаю, что они были высотой в добрые полтора ярда. У поставца стояли два дворянина с салфетками на плечах; каждый из них держал в руках золотую чашу, украшенную жемчугом и драгоценными камнями: это были личные чаши великого князя, когда у него являлось желание, он выпивал их одним духом. Что касается яств, подаваемых великому князю, то они подавались без всякого порядка, но сервировка была очень богата: все подавалось на золоте не только ему самому, но и всем нам, и блюда были массивные, кубки также были золотые и очень массивные». Так описывал увиденное Р. Ченслор. Ему вторит Кобенцель: «В Московском Дворце Государя так много серебра и золота, что почти не возможно сосчитать всех сосудов. Там же

хранится казна, в которой, кроме денег, есть разные драгоценности». На пирах члены посольства могли одариваться шубами.

Впрочем, повседневный быт посольств был довольно утомительным. Послы и их свита могли подолгу ждать реакции на послания своих правителей, а свободное передвижение вне резиденции городскими властями не приветствовалось. Дипломаты прибегали к разным уловкам для того чтобы добиться возможности хотя бы временно покинуть опостылевшее подворье. Между русскими приставами и членами польско-литовских посольств не единожды возникали споры о том, где поить коней. Наказы предписывали для этого использовать воду из колодцев, бывших на подворье, а литвины настаивали на том, что вода в них дурна и требовали пустить их к реке. Интересно, что при царе Борисе Федоровиче для иранских послов был сделан послабления режима, благодаря чему им удалось совершить несколько прогулок по городу, что было описано в записках Орудж-бека баята.

Сам этот казус Орудж-бек передает следующим образом: «Когда бы мы ни пожелали осматривать Москву, от нас посылали к коменданту крепости за разрешением, и тогда он давал нам четырех солдат для охраны». Целью этих вояжей был «ос-

Наталия Рудоманова. «Мои Кузьминки»

мотор диковин» города и особенно сокровищницы царя. Перед сокровищницей стояли статуи двух львов «одна, по-видимому, из серебра, другая – из золота». Ко всему прочему им показывали «огромную клетку с дикими зверями: среди других там был лев...», а также «главную площадь, где разместилась основная часть артиллерии».

По странному стечению обстоятельств эти сообщения Орудж-бека прошли стороной и москвоведы и исследователи дипломатического церемониала, хотя информационный потенциал этих известий весьма богат. Персидские послы, получив разрешение на прогулку, покидали свое подворье с сопровождающей их охраной. Из того, что они увидели в царствующем граде далеко не все запомнилось, и оказалось затем записано. Именно поэтому интересно, что избирательная память сохранила, так как это своего рода «маяки» позволяющие реконструировать не только топографию Москвы, но и культурный ландшафт столицы. Анализ этого сообщения позволяет предположить, что Орудж-бек в

своем описании объединил впечатления от нескольких московских прогулок. Территориально они охватили Кремль и Китай-город. С начала автор упоминает сокровищницу, в которой члены посольства провели изрядное количество времени, осматривая царские сокровища. Располагалась она в Кремле перед ней стояли две статуи львов, как минимум одно из скульптурных изображений царя зверей имеет донативное происхождение. Известно, что австрийский император подарил Грозному царю скульптуру льва.

После осмотра кремлевской сокровищницы послы приступили к осмотру некоего подобия зоопарка, «выставки» артиллерии и торговых рядов. Все эти «точки осмотра» располагались вне Кремля, а именно на Красной площади. Для уточнения этого суждения рассмотрим подробнее вопрос о «зоопарке». Главной его достопримечательностью был лев, о жизни которого в Москве у нас есть довольно широкий круг источников. Известно, что впервые эти диковинные звери попали в столицу в 1558 году как посоль-

ский дар английской королевы Марии и ее мужа, доставленный Э. Дженкинсом. В Москве львиная чета прожила вплоть до пожара 1571 года, в котором она погибла. Место ее пребывания достаточно точно локализуется по запискам Г. Штадена, указывавшем, что жили животные во рву около двойных ворот. Двойных ворот в Москве того времени было всего двое: Москворецкие и Неглименские (позднее и сейчас – Воскресенские). Именно последние ворота среди горожан имели название – Львиных. Интересно, что после гибели львов, присланных Марией Тюдор, зверинец недолго простоял пустующим: в 1586 году королева Елизавета прислала с Дж. Горсеем новую партию, размещенную там же. Во всяком случае, в Пискаревском летописце в статье под 7108 годом в контексте рассказа о градостроительных мероприятиях Бориса Годунова этот участок площади вновь упоминается как место где «львы сидели». Видимо именно обстоятельством достаточной длительности проживания львов в одном месте можно объяснить, что городская молва сохранила память о проживании этих диковинных зверей у Неглименских ворот Китай-города и забыла о проживавшем здесь же, но недолгий срок, слоне.

Следующий пункт этой своеобразной экскурсионной программы персидских послов – «артиллерийская выставка». Здесь послы рассматривали пушки, среди которых имелись весьма большие, что создало у них ложное представление о том, что перед ними представлена основная часть русской артиллерии. Место это обнаруживается легко, благо, что оно отражено и на планах Москвы начала XVII столетия и выявлено археологически. Орудж-бек вместе со спутниками обозревали раскат, располагавшийся справа от Никольской башни.

Свои воспоминания о прогулках по Москве автор завершает упоминанием торговых рядов, под которыми, скорее всего, надо понимать каменные ряды, выстроенные незадолго до приезда персидских послов и которые ограничивали Красную площадь с восточной стороны.

Итак, перед нами набросанный пунктиром маршрут посольской прогулки по столи-

це. Проходил он по Кремлю и Красной площади, на этом маршруте лежали различные диковины: отражавшие дипломатические успехи (демонстрация в разных видах даров), мощь оружия (раскат) и деловую активность Годуновской России. Перед нами сохраненный крестившимся персом сценарий репрезентации царской власти, который реализовался посредством вывода (по их просьбе) иностранных послов в город. Под охраной, в сопровождении пристава они знакомились в Москве с тем, что им показывали. По мысли организаторов этого действия дипломаты должны были, как минимум, поразиться увиденным диковинам и составить по ним представление об успешности или величии царской власти. В случае с Орудж-беком эта цель оказалась в общих чертах достигнута.

Очевидно, что на протяжении большей части XVI столетия репрезентация власти в России осуществлялась через показную роскошь, демонстрацию сокровищ, дорогой посуды и парадного платья. Сам же город в этом процессе был задействован минимально. Однако постепенно картина стала меняться. В городе появляются дополнительные достопримечательности, которые тоже начинают использоваться в репрезентации царской власти. Особенно ярким, но недолгим, было функционирование своеобразного зоопарка на Красной площади, который показывали персидским послам. Общий маршрут выстраивался таким образом, чтобы показать различные диковины: отражавшие дипломатические успехи (демонстрация в разных видах даров), мощь оружия (раскат) и деловую активность Годуновской России (торговые ряды).

В целом, можно сказать, что именно ко времени Бориса Годунова посольский церемониал, особенно в части использования города как символического пространства репрезентации власти, пережил очевидные изменения. Но и в данном случае использовалось лишь ограниченное число мест, которые никогда не выходили за границы Кремля и Красной площади.

Арина Буракова. «Красные дома»

Книга В.А. Гиляровского «Москва и москвичи» как документ культуры Москвы XIX–XX веков (для создания уроков по краеведению в обще- образовательной школе)

Ю.А. Васильева, магистрант 2-го курса ГАОУ ВО МГПУ

В книге В.А. Гиляровского «Москва и москвичи» запечатлены составляющие культурной деятельности и досуга москвичей, к которым относятся такие институты городской жизни как баня, театр, художественные выставки, рестораны. Аналитика этих ниш формирует представление о повседневном быте москвичей на рубеже XIX–XX веков, что позволяет использовать указанное произведение на уроках краеведения в средней общеобразовательной школе.

Культурная жизнь Москвы XIX – начала XX века отличалась особым укладом и бытом разных сословий и потому представляет большой интерес для ученых. Конкретные реалии жизни горожан отразились и в произведениях знаменитых бытописателей Москвы: П.Д. Боборыкина, И.Е. Забелина и В.А. Гиляровского. Из их книг читатель узнает, какие заведения посещали москвичи, чем занимались в свободное время, — словом, знакомится с культурной составляющей быта людей. Главный труд бытописателя и журналиста В.А. Гиляровского — книга «Москва и москвичи», имеет большую ценность для ученых и читателей, поскольку она содержит фактический, документальный материал, с помощью которого писатель воссоздает картину происходящего: становление общественного строя Москвы, картины быта бедных людей, преступность некоторых районов столицы и т. д. Изучение культуры и истории родного края необходимо для всех школьников независимо от возраста. Сейчас остро стоит вопрос внедрения в школы такого предмета, как «москвоведение». Мы

считаем, что в рамках этого предмета может изучаться книга В.А. Гиляровского «Москва и москвичи», в особенности потому, что в произведении уделяется пристальное внимание культурной и социальной сферам жизни общества, что является важным аспектом краеведения (можно вспомнить слова советского педагога и краеведа И.М. Гревса о том, что «город, край, подобно человеку, следует исследовать во всей его природе, во всех потребностях и разносторонней деятельности: в его анатомии, физиологии, психологии (как личность) и социологии (как элемент общества)»). Краеведческую направленность книги «Москва и москвичи» отмечает и И.Н. Сухих: «Анекдотические истории у Гиляровского нанизываются на географический стержень», но затем вносит важный комментарий: «От обычной краеведческой литературы ее отличает, однако, опора на личный опыт и хищный — репортерский интерес не к памятникам, а к людям, причем — обычным»¹.

Чтобы вписать книгу В.А. Гиляровского «Москва и москвичи» в учебную программу общеобразовательной школы в рамках такого предмета, как Московведение, можно руководствоваться концепцией педагога-краеведа Л.К. Ермолаевой, рекомендованной в 1995 году Комитетом по образованию Санкт-Петербурга в помощь учителям и методистам. Согласно этой концепции, краеведческий материал можно ввести как отдельными курсами, так и фрагментарными сюжетами в отдельных предметах². Таким образом, книгу «Москва и москвичи» можно изучать как в курсе отдельного предмета — Московведения, так и использовать при создании уроков по литературе в профильных классах (на основе фольклорных, этнографических, натуралистических материалов, использованных в исследовании) в общеобразовательных школах г. Москвы.

Книгу «Москва и москвичи» можно ввести в план следующих образовательных программ:

Рабочая программа по литературе для 10–11 классов общеобразовательной школы (автор-составитель: В.В. Агеносов). Книга «Москва и москвичи» может изучаться в конце раздела «Литературный процесс 1920–х годов».

Рабочая программа по литературе для 10–11 классов общеобразовательной школы (авторы-составители: В.П. Журавлев, И.С. Збарский, В.И. Коровин, В.Я. Корвина, В.П. Полухина). Книга «Москва и москвичи» может изучаться в разделе «Русская литература 20–40-х годов».

Эти образовательные программы предполагают углубленное изучение русской литературы, которое осуществляется в профильных классах общеобразовательных школ. По нашему мнению, книгу «Москва и москвичи» можно вписать в указанные разделы, поскольку дата издания произведения (1926 год) укладывается в хронологические рамки, отмеченные в разделах.

Также материалы из книги В.А. Гиляровского «Москва и москвичи» могут применяться на уроках истории (для актуализации знаний о том, что происходило в Москве на рубеже XIX–XX веков) и обществознания (с целью сохранения и передачи знаний об общественном строе Москвы, выявления ценностной ориентации книги «Москва и москвичи»). Использование метапредметных связей при изучении этого произведения расширит знания учеников об историческом состоянии Москвы на рубеже веков.

Поскольку книга В.А. Гиляровского «Москва и москвичи» интересует нас как источник важных сведений о быте и культуре людей, об общественных процессах определенных этапов московской жизни, предлагаем остановиться подробнее на основных моментах из книги, освещающих эти стороны жизни.

Особенности культурной среды Москвы уже были описаны исследователями — литературоведами и историографами. Например, в физиологическом очерке В.Г. Белинского «Петербург и Москва», созданном в 1844 году, Москва предстает как город с семейственным характером, со множеством удобств, с разгульной веселой жизнью. В очерке Белинского также описываются места, которые часто посещают москвичи: «В Москве много трактиров, и они всегда битком набиты преимущественно тем народом, который в них только пьет чай»⁴.

Описанные В.Г. Белинским трактиры, гостиницы относятся к формам обслуживания (равно как и бани, аптеки, лавки и прочее). Это понятие было употреблено исследователем Л.В. Кошман в контексте участия этих заведений в «формировании специфически городской среды»⁵.

Трактиры и кабаки, по Гиляровскому, считались у москвичей одними из самых популярных мест. В главе «Трактиры» читатель узнает, что трактиры были для многих москвичей «первой вещью»: для коммерсантов это заведение заменяло биржу, для одиноких людей — столовую. Еще подобные таверны были местом для дружеских бесед в часы отдыха и местом для деловых свиданий, поэтому встретить там можно было и богачей, и босых. Состоятельные горожане, к примеру, предпочитали завтракать в фешенебельном трактире «Славянский базар».

Второе место, без которого не могли жить москвичи (и которое является формой обслуживания) — бани. Надо сказать, что в литературе о банном быте Москвы ничего не сказано. Гиляровский поясняет это так: «Тогда все это было у всех на глазах, и никого не интересовало писать о том, что все знают: ну кто будет читать

о банях?»⁶. Теперь же книга «Москва и москвичи» — редкий и ценный источник, из которого можно узнать об этой важной составляющей культурной жизни горожан.

«Каждое сословие имело свои излюбленные бани. Богатые и вообще люди со средствами шли в “дворянское” отделение. Рабочие и беднота — в “простонародные” за пятак»⁷.

Бани считались одним из самых грязных заведений в городе, поскольку там оказывали различные медицинские услуги — цирюльники стригли, брили посетителей, срезали мозоли, выдергивали зубы, пускали кровь, ставили пиявок.

Если говорить о культурной среде как о среде искусства, то Л.В. Кошман отмечает, что ее «формировал театр»⁸. В книге Гиляровского встречается упоминание о театре Корша. Надо сказать, что русский драматический театр, основанный Федором Адамовичем Коршем (известным антрепренером и драматургом), был самым крупным и популярным в Москве общедоступным театром, поэтому посещали его как состоятельные горожане, так и, например, малообеспеченные студенты «Ляпинки» (или иначе, ляпинцы). «Были у ляпинцев и свои развлечения — театр Корша присылал им пять раз в неделю бесплатные билеты на галерку, а цирк Саламонского каждый день, кроме суббот, когда сборы всегда были полные, присылал двадцать медных блях, которые заведующий Михалыч и раздавал студентам, требуя за каждую бляху почему-то одну копейку»⁹.

Упоминания о Москве как о настоящей культурной столице мы встречаем и у А.П. Швырева: она «притягивала к себе таланты, и культурная среда древней столицы формировала свободную атмосферу

1 Гревс И.М. История и краеведение. Журнал «Краеведение». М., 1926. Цит. по изд. Краеведческий альманах «Отечество». М.: Профиздат, 1991. С. 6.
2 Сухих И.Н. «Московский текст» бродяги Гиляя // Звезда. 2004. № 4. С. 222. URL: <https://www.booksite.ru/guilyai/article5.htm> (дата обращения: 19.08.2021).
3 О концепции краеведческого образования в Петерб. школах. Мэрия СПб, Комитет по образ. пик. №1137 — у.д. От 15.09.95.

4 Гиляровский В.А. Москва и москвичи. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. С. 49.
5 Гиляровский В.А. Москва и москвичи. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. С. 29.
6 Гиляровский В.А. Москва и москвичи. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. С. 335.
7 Гиляровский В.А. Москва и москвичи. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. С. 335.
8 Кошман Л.В. Город в общественно-культурной жизни // Очерки русской культуры XIX в. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 34.
9 Гиляровский В.А. Москва и москвичи. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. С. 148.

творчества»¹⁰. В главе «Начинающие художники» описаны ученические выставки, которые пользовались у москвичей в XIX веке большой популярностью: «Ученические выставки бывали раз в году — с 25 декабря по 7 января. На выставках экспонировались летние ученические работы. <...> Ученические выставки пользовались популярностью, их посещали, о них писали, их любила Москва»¹¹.

Модные выставки также проводило «Общество любителей художеств». Зимой члены общества устраивали «пятницы», на которых по вечерам собирались художники. В главе «Среды художников» находим следующее описание: «...ставилась натура, и они (художники. — Ю.В.), “уставля брады свои” в пюпитры, молчаливо и сосредоточенно рисовали, попивая чай и перекидываясь между собой редкими словами. Иногда кто-нибудь в это время играл на рояле, кто-нибудь из гостей-певцов пел или читал стихи»¹².

Без чего еще сложно представить жизнь москвичей на рубеже веков, так это без посещения клубов и кружков. В главе «Два кружка» говорится о московских артистическом и литературно-художественном кружках, в которых собирались люди, объединенные любовью к искусству. В артистический кружок съезжались провинциальные актеры, чтобы заключить условия с антрепренерами на новый сезон. Во втором кружке проходили артистические вечера с пением и музыкой на рояле. Клубной улицей по праву считалась Дмитровка. На ней «помещались три клуба: Английский клуб в доме Муравьева, там же Дворянский, потом переехавший в дом Благородного собрания; затем в дом Муравьева переехал

Приказчиий клуб, а в дом Мятлева — Купеческий»¹³.

Историк Г.Н. Ульянова в монографии «Досуг и развлечения. Зарождение массовой культуры» в качестве одного из динамично развивающихся в конце XIX — начале XX в. явлений выделяет эстраду. Этот вид сценического искусства в указанный период отличался «жанровой мозаичностью: в ней (эстраде. — Ю.В.) соседствовали “низкие жанры” <...> и жанры, тяготевшие к условному академизму, что выражалось во внимании к культуре звучания музыкальных номеров и сценического поведения»¹⁴. Г.Н. Ульянова зоострает внимание на ярких эстрадных представлениях в московском ресторане «Яр», славившемся своим подбором артистов и репертуара. Гиляровский тоже отмечает в книге «Москва и москвичи», что «Яр» был популярным светским заведением, отвечавшим вкусам купечества: «На обедах играл оркестр Степана Рябова, а пели хоры — то цыганский, то венгерский, чаще же русский от “Яра”»¹⁵.

Исследователь Е.В. Долгих в качестве важнейших составляющих культуры повседневности называет организацию городского пространства и времени (в нее входят сплетни, анекдоты, слухи), городскую топографию — закрепление определенных амплуа за кварталами, театры и рестораны как точки пересечения общественного и семейного быта¹⁶.

Особенности городской топографии присутствуют также в монографии А.П. Шевырева: исследователь обращает внимание на то, что каждое сословие и каждая социальная группа имели свои центры: лучшие рестораны были в Охотном ряду, Тверская улица была местом обитания

богатых домовладельцев и дорогих магазинов, торговля велась на Китай-городе¹⁷. Грязь и неухоженность рынков, жульничество продавцов подробно описаны Гиляровским в книге «Москва и москвичи»: «Чуть свет являлись на толкучку торговки, барахольщики первой категории и скупщики, а из желающих продать — столичная беднота: лишившиеся места чиновники приносили последнюю шинелишку с собачьим воротником, бедный студент продавал сюртук, чтобы заплатить за угол, из которого его гонят на улицу, голодная мать, продающая одеяльце и подушку своего ребенка, и жена обанкротившегося купца, когда-то богатая, боязливо предлагала самовар, чтобы купить еду сидящему в долговом отделении мужу»¹⁸.

Неблагополучно устроившиеся люди обитали в трущобах Хитровки. По словам исследователя О.В. Рощиной, трущобы у Гиляровского становятся «не только основной приметой времени, но и неким символом жизни общества»¹⁹. Оборванцы из Хитрового рынка ведут преступный образ жизни, воруют, питаются объедками. «В тумане двигаются толпы оборванцев, мелькают около туманных, как в бане, огоньков. Это торговки съестными припасами сидят рядами на огромных чугунах или корчагах с “тушенкой”, жареной протухлой колбасой, кипящей в железных ящиках над жаровнями, с бульонкой, которую больше называют “собачья радость”...»²⁰.

В книге «Москва и москвичи» можно увидеть, как автор стремится полно и объективно отобразить окружавшую его действительность. Возможность исследовать самые темные закоулки и трущобы столицы, бывать на светских мероприятиях, общаться с людьми из разных слоев населения позволила Гиляровскому всесторонне описать жизнь москвичей и их культуру. Кни-

га «Москва и москвичи» дает возможность узнать историю становления быта в Москве на рубеже XIX–XX веков, что позволяет назвать ее документом эпохи, а также использовать в учебных программах общеобразовательных школ г. Москвы.

Литература

- Белинский В.Г. Вступление к «Физиологии Петербурга» // В.Г. Белинский. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Наука, 1953–1959. Т. 8. 728 с.
- Гиляровский В.А. Москва и москвичи. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. 448 с.
- Гревс И.М. История и краеведение. Журнал «Краеведение». М., 1926. Цит. по изд. Краеведческий альманах «Отечество». М.: Профиздат, 1991. С. 6.
- Долгих Е.В. Городская повседневность рубежа XIX–XX вв.: структура общественного быта // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2010. № 1. С. 49–64. URL: <https://rucont.ru/efd/378281> (дата обращения: 9.10.2020).
- О концепции краеведческого образования в Петерб. школах. Мэрия СПб, Комитет по образ. пик. №1137 — у.д. От 15.09.95.
- Кошман Л.В. Город в общественно-культурной жизни // Очерки русской культуры XIX в. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 12–72.
- Рощина О.В. Социальная очеркистика В.А. Гиляровского и В.М. Дорошевича в аспекте традиций народознания // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова: Серия «Филологические науки». 2012. № 3. С. 49–54
- Сухих И.Н. «Московский текст» бродяги Гиляя // Звезда. 2004. № 4. С. 222–233. URL: <https://www.booksite.ru/guilyai/article5.htm> (дата обращения: 9.10.2020).
- Ульянова Г.Н. Досуг и развлечения. Зарождение массовой культуры // Очерки истории русской культуры. Конец XIX — начало XX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 455–526.
- Шевырев А.П. Культурная среда столичного города. Петербург и Москва // Очерки русской культуры XIX в. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 73–124.

10 Шевырев А.П. Культурная среда столичного города. Петербург и Москва // Очерки русской культуры XIX в. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 99.

11 Гиляровский В.А. Москва и москвичи. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. С. 162.

12 Гиляровский В.А. Москва и москвичи. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. С. 149.

13 Гиляровский В.А. Москва и москвичи. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. С. 126.

14 Ульянова Г.Н. Досуг и развлечения. Зарождение массовой культуры // Очерки истории русской культуры. Конец XIX — начало XX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 494.

15 Гиляровский В.А. Москва и москвичи. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. С. 127.

16 Долгих Е.В. Городская повседневность рубежа XIX–XX вв.: структура общественного быта // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2010. № 1. С. 51. URL: <https://rucont.ru/efd/378281> (дата обращения: 19.08.2021).

17 Шевырев А.П. Культурная среда столичного города. Петербург и Москва // Очерки русской культуры XIX в. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 103.

18 Гиляровский В.А. Москва и москвичи. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. С. 85–86.

19 Рощина О.В. Социальная очеркистика В.А. Гиляровского и В.М. Дорошевича в аспекте традиций народознания // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова: Серия «Филологические науки». 2012. № 3. С. 50.

20 Гиляровский В.А. Москва и москвичи. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. С. 17.

Надежда Мариночкина. «Музей космонавтики. ВДНХ»

Виртуальная и дополненная реальность как ресурс проектирования современного москвоведения

М.Е. Набокина, доцент кафедры отечественной истории ГАОУ ВО МГПУ; **Ж.Ю. Московцева**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории ГАОУ ВО МГПУ

Актуальность поднятой проблемы обусловлена тем, что многие объекты исторического и культурного наследия города Москвы по разным причинам могут быть сложно доступны или вообще недоступны для посещения: это объекты с особым охраняемым статусом, режимные объекты, достопримечательности, находящиеся на этапе длительного восстановления, реконструкции или реставрации, законсервированные объекты, руинированные памятники, объекты, временно находящиеся в аварийном состоянии и т.д.

Также, необходимо учитывать, что в Москве существует ряд экскурсионных объектов, доступ к которым связан с сезонностью, возможностью посещения экскурсионными группами только по предварительной записи или в определённый период.

Полагаем, что при проектировании современного курса москвоведения необходимо также учитывать и физически утраченные, не сохранившиеся памятники истории и культуры города Москвы, которые бесспорно также являются частью её социокультурного пространства.

Кроме того, в ряде случаев, даже при условии доступности показа экстерьера экскурсионного объекта, интерьеры здания могут оставаться малодоступными для посещения: здания ряда государственных и частных учреждений, объекты жилого фонда и т.д.

Думается, что особенно актуальны виртуальные экскурсии по памятникам и памятным местам, при посещении которых ограничена или запрещена частная фото и видеосъёмка. Отметим, что в эту категорию входят практически все культовые сооружения: храмы и монастыри города Москвы, где разрешение на проведение фото и видеосъёмки можно получить только по благословению настоятеля.

Полагаем, что разработка и реализация виртуальных экскурсий особенно актуальна по достопримечательностям, доступ к которым ограничен для массового посещения, невозможен или затруднителен по тем или иным причинам.

Однако, создание и осуществление экскурсий с применением виртуальной и дополненной реальностей перспективны не только в отношении обозначенных категорий объектов. Думается, что оптимум в этом вопросе состоит в сосуществовании виртуальных экскурсий наряду с очными, что тоже обусловлено целым рядом причин.

В современных условиях жанр виртуальных экскурсий становится перспективным направлением в мировом и отечественном экскурсоведении, музейной и экскурсионной педагогике¹. Во-первых, это связано с зависимостью офлайн экскурсий от особенностей эпидемиологической ситуации в стране в целом, и в конкретном городе, в частности.

Во-вторых, в современном образовательном пространстве нельзя обойти категории обучающихся, для которых очные экскурсии являются временно или постоянно затруднительными или полностью невозможными. Прежде всего, это обстоятельство необходимо учитывать в контексте развития инклюзивного образования, при обучении детей с ОВЗ, а также в рамках реализации проектов «Московское долголетие» и «Серебряный университет»².

Кроме того, необходимо отметить, что обучающимися по курсу москвоведения могут быть не только жители нашей столицы, но и иностранцы, жители других городов, Подмосковья и Новой Москвы, которым также очное посещение

того или иного экскурсионного объекта может быть затруднительно в силу территориальной отдалённости от постоянного места жительства.

Вместе с тем, уроки-экскурсии с применением виртуальной и дополненной реальностей актуальны для всех обучающихся нашего мегаполиса. Современные экскурсоводы, учителя и преподаватели при осуществлении очных экскурсий нередко сталкиваются с проблемой низкого познавательного интереса учащихся. Виртуальные экскурсии обладают потенциалом повышения познавательного интереса и познавательной активности³, могут стимулировать и мотивировать к дальнейшему групповому или самостоятельному посещению экскурсионного объекта в реальном времени и пространстве.

Под дополненной реальностью в данном случае мы понимаем внесение уточняющих подписей, указателей, изображений на реальные фотографии, соотнесение старых фотографий, открыток с историческими, культурными объектами, артефактами и современных их изображений, видеоконтент с эффектом 3D, видеоизображения, сопровождающиеся музыкальными композициями, погружающими в эпоху и т.п.

Мы хорошо понимаем, что современные тенденции компьютеризации и цифровизации вызывают определённые изменения в рецепции информационного поля, в особенности, у подрастающего поколения, формируют так называемое клиповое мышление⁴. Можно сколь угодно долго обсуждать и критиковать эти явления, при этом необходимо отметить, что так называемый визуальный поворот, как в исторической науке,

так и в образовании⁵ уже произошёл, поэтому весьма важной представляется разработка доступного, качественного и профессионального контента в цифровой среде в целом и в цифровой образовательной среде в частности.

Отметим, что виртуальные экскурсии по сравнению с городскими пешеходными и/или автобусными имеют ряд очевидных преимуществ. К основным достоинствам следует отнести следующие возможности, которые предоставляет технология виртуальных экскурсий.

Во-первых, проведение виртуальных экскурсий требует гораздо меньших материальных и организационных затрат по сравнению с очными.

Во-вторых, в рамках виртуальной экскурсии возможно выстраивание маршрута между объектами, находящимися в значительной удалённости друг от друга. В этой связи, необходимо учитывать, что ряд экскурсионных маршрутов, в особенности тематических, возможно реализовать только виртуально.

При этом работая с виртуальной и дополненной реальностями автор не ограничен пространством, территориальным расположением объектов, что особенно важно в свете развития новых экскурсионных направлений, таких как урбанизм, туристско-рекреационное районирование, история окраинных и спальных районов Москвы, история Новой Москвы и т.д.

В-третьих, виртуальные экскурсии обладают большим преимуществом перед реальными в отношении экскурсионного показа. Виртуальная и дополненная реальности позволяют осуществить всесторонний показ экскурсионного объекта с практически любого ракурса, а также с любым уровнем детализации.

Кроме того, виртуальная экскурсия позволяет осуществить многократность прохождения экскурсионного маршрута,

что имеет особое значение для реализации учебных целей экскурсии и достижения предметных результатов обучающимися.

Наконец, виртуальная экскурсия позволяет встроить «портфель экскурсовода» в цифровой контент экскурсии, что расширяет как удобство его просмотра экскурсантами, так и концентрацию внимания сугубо на экскурсионном рассказе самого экскурсовода. Перевод «портфеля экскурсовода» в электронный формат несомненно положительно сказывается на качестве иллюстрируемого материала, доступности его для экскурсантов, уровне детализации.

Вместе с тем, подготовка и проведение виртуальных экскурсий имеет и свои особенности, которые сопряжены с тем, что по некоторым методическим аспектам виртуальные экскурсии проигрывают экскурсиям в реальном времени и пространстве.

Во-первых, подготовка виртуальных экскурсий может быть связана с необходимостью овладения специальными ИКТ-компетенциями⁶, наличием дорогостоящего оборудования и большим количеством времени и трудозатрат на разработку, со сложностью отбора или самостоятельного создания удачного иллюстративного материала.

Во-вторых, необходимо учитывать, что проведение виртуальной экскурсии более ограничено во времени. Оптимальное время проведения виртуальной экскурсии варьируется от 10 до 30 минут, тогда как продолжительность очных экскурсий начинается от 45 минут. Более длительные виртуальные экскурсии рассеивают внимание обучающихся и снижают образовательные результаты мероприятия.

Важно учитывать, что с методической точки зрения, виртуальная экскурсия более ограничена в интерактивном контакте с

1 Мышева Т.П. Создание виртуального музея как эффективная медиаобразовательная технология при изучении истории / Т.П. Мышева, С.Ю. Шалова // Медиаобразование. – 2013. – № 4. – С. 117-124.

2 Набокина М.Е. Особенности разработки и реализации городских пешеходных экскурсий для студентов «Серебряного» возраста // Работа с Будущим в контексте непрерывного образования.

Сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции. – М.: МГПУ, 2019. – С.216 – 220.

3 Платунова Е.В. Виртуальные экскурсии как средство формирования познавательных универсальных учебных действий, обучающихся // Молодой ученый. – 2017. – №14. – С. 645-647.

4 Селиванов В.В., Селиванова Л.Н. Виртуальная реальность как метод и средство обучения // Образовательные технологии и общество. – 2014. – Т. 17, № 3. – С. 378–391.

5 Хеннер Е.К. Структурирование и формализация требований к компьютерной грамотности и ИКТ-компетентности субъектов системы непрерывного образования / Е.К. Хеннер // Информатизация образования и науки. – 2009. – № 2. – С. 71-85.

6 Гриншкун В.В. Школьная информатика в контексте фундаментализации образования / В.В. Гриншкун, И.В. Левченко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. – 2009. – № 1. – С. 55-64; Лебедева М.Б., Шилова О.Н. Что такое ИКТ-компетентность студентов педагогического университета и как ее формировать? // Информатика и образование. – 2004. – № 3. – С.95-100.

По QR-коду вы можете совершить
видеоэкскурсию
по Большой Ордынке
с Виталием Калашниковым

По QR-коду вы можете
совершить виртуальный тур
по особняку А.В. Морозова

экскурсоводом/педагогом. Если говорить, например, о видео-экскурсии, то в этом жанре сложно провести экскурсию-беседу, экскурсию-квест и т.д.

Пожалуй, наибольшая трудность в создании и реализации виртуальных экскурсий связана с необходимостью виртуальной реконструкции атмосферы исторического места, созданием «эффекта погружения». Здесь очень многое зависит от возможностей, не только, но и не в последнюю очередь – технических, создать видеокартинку с 3D-эффектом, например, с подходящим и погружающим в атмосферу музыкальным сопровождением. Важно понимать, что для обучающихся с развитым кинестетическим восприятием информации, даже сложные технические эффекты дополненной реальности могут равноценно не заменить присутствия и «прикосновения» к реальным стенам, условно говоря, XIX века.

В целом, думается, что виртуальные экскурсии обладают большим педагогическим, образовательным и просветительским потенциалом. Они позволяют совершить экскурсию онлайн, в ситуации, когда очная форма представляется затруднительной или невозможной, погрузиться в мир прошлых эпох и расширить эмоционально-чувственную рецепцию окружающей действительности, почувствовать свою сопричастность и значимость в контексте связи истории государства, с историей своего района, улицы и дома, активизировать познавательный интерес обучающихся к истории и культуре Москвы, что способствует как дальнейшему достижению предметных результатов по истории России, так и развитию патриотизма и гражданской идентичности обучающихся.

Полагаем, что виртуальная и дополненная реальности являются важным и неотъемлемым ресурсом проектирования современного москвоведения, а сам жанр виртуальных экскурсий не заменяет, но значительно дополняет возможности современных уроков-экскурсий.

Литература:

1. Гриншкун В.В. Школьная информатика в контексте фундаментализации образования / В.В. Гриншкун, И.В. Левченко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. – 2009. – № 1. – С. 55-64.
2. Лебедева М.Б., Шилова О.Н. Что такое ИКТ-компетентность студентов педагогического университета и как ее формировать? // Информатика и образование. – 2004. – № 3. – С. 95-100.
3. Мышева Т.П. Создание виртуального музея как эффективная медиаобразовательная технология при изучении истории / Т.П. Мышева, С.Ю. Шалова // Медиаобразование. – 2013. – № 4. – С. 117-124.
4. Набокина М.Е. Особенности разработки и реализации городских пешеходных экскурсий для студентов «Серебряного» возраста / М.Е. Набокина // Работа с Будущим в контексте непрерывного образования. Сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции. – М.: МГПУ, 2019. – С. 216-220.
5. Платунова Е. В. Виртуальные экскурсии как средство формирования познавательных универсальных учебных действий, обучающихся / Е.В. Платунова // Молодой ученый. – 2017. – №14. – С. 645-647.
6. Селиванов В.В., Селиванова Л.Н. Виртуальная реальность как метод и средство обучения / В.В. Селиванов, Л.Н. Селиванова // Образовательные технологии и общество. – 2014. – Т. 17, № 3. – С. 378-391.
7. Хеннер Е.К. Структурирование и формализация требований к компьютерной грамотности и ИКТ-компетентности субъектов системы непрерывного образования / Е.К. Хеннер // Информатизация образования и науки. – 2009. – № 2. – С. 71-85.

Полина Литвинова. «Весенний вечер в Косино»

Москва в мифологическом пространстве «Войны и мира» Л.Н.Толстого

Е.Ю. Полтавец, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ИГН МГПУ

Г.П. Федотов писал: «Старая Москва не могла художественно осмыслить свое призвание. Это сделал Толстой, в котором воплотился гений Москвы, как в Достоевском гений Петербурга»¹. Русский мыслитель имел в виду, конечно, творчество Л.Н. Толстого, прежде всего образ Москвы в романах «Война и мир» и «Анна Каренина». Интересно, что ни грибоедовская, ни пушкинская Москва не называются Федотовым в качестве художественных образов, которые можно поставить по значимости рядом с толстовским образом Москвы.

В наше время школьное «литературное московведение», произведения русских писателей, изображавших столицу, ее исторические испытания и ее современную жизнь, – это, разумеется, опора школьного московведения как исторической дисциплины и составляющей современного образования. При этом изображение Москвы в творчестве Л.Н. Толстого, особенно в «Войне и мире», имеет особое значение для «московского текста» русской литературы, а стало быть, и для «литературного московведения».

Э.Е. Зайденшнур в своей монографии о создании «Войны и мира» не случайно распределила материал по главам: «В Петербурге»,

---

¹ Федотов Г.П. Три столицы. [Электронный ресурс].
URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/fedotov/fedotov_gp_tri_stolici/
(дата обращения 16.09.2021).

«В Москве», «В деревне», «Война и народ на войне». Она отметила: «В Москве центр сюжетной линии – Ростовы», «в деревне – это сюжетная линия Болконских»². Может быть, такое распределение было задумано самим Толстым еще при первой публикации в журнале «Русский вестник», где было начато печатание «Войны и мира» под названием «Тысяча восемьсот пятый год» (1865 – 1866). В журнальной публикации группы печатаемых глав были озаглавлены Толстым: «В Петербурге», «В Москве», «В деревне». Действительно, характеристика Ростовых отчасти определяет и смысловую доминанту образа Москвы в «Войне и мире» (но только до трагических эпизодов, связанных с Москвой 1812 года). В первых двух томах «Войны и мира» местом действия московских глав является большей частью дом Ростовых, главными героями московских эпизодов предстают Ростовы, поэтому и Москва выглядит такой же, как эта семья, – хлебосольной, патриархальной и просто-душной.

В отличие от Болконских и Пьера Безухова, Ростовы не являются героями философских и нравственных поисков; место же действия в эпизодах мировоззренческих споров, разговоров, мучительных размышлений князя Андрея, Пьера, княжны Марьи – это деревня, иногда Петербург, иногда театр войны, но не Москва и не дом Ростовых. В Москве же – именины, обеды, праздники, прием в Английском клубе в честь Багратиона, танцевальные вечера Иогеля и веселье у Ростовых.

Картина мирной московской жизни дополняется описанием карточной игры у Долохова в «Английской гостинице», где московское веселье Ростова оборачивается серьезным проигрышем (но не серьезными размышлениями отца и сына о разорении). В Москву, на «ярмарку невест», приезжает добывать богатую невесту Борис Друбецкой, московский

уклад жизни демонстрирует уютный гостеприимный дом Ахросимовой.

К концу второго тома общее впечатление патриархального московского благополучия нарушается. Московский театр, московский дом Безуховых (особенно в отсутствие Пьера, когда Элен зазывает Ростовых на вечер m-lle Georges), холостая компания Анатоля, лихой ямщик Балага – этот пестрый московский мир начинает приобретать зловещие оттенки. Приближается час пожара-«экспиротиса» для этого мира, катастрофа 1812 года (а не только роковая ошибка Наташи, согласившейся бежать с Курагиным). Как Москва уже больше не вернется к своему допожарному облику, так и Наташа изменится внешне и внутренне после пережитого, и Пьер, встретившийся с Ростовой в послевоенной Москве, не сразу ее узнает.

Допожарная Москва, в которой так весело жилось непритязательным Ростовым, никогда не была счастливым домом для Пьера и Болконских. В Москве происходит дуэль Пьера с Долоховым, переезд в Москву отца и дочери Болконских обостряет тяжелый характер старого князя, князь Андрей узнает об измене невесты, приехав в Москву. Концовка второго тома – небесный пейзаж с кометой в небе над Москвой – отделяет в книге Толстого Москву историческую, бытовую, довоенную и допожарную от Москвы «фениксоподобной», героической и мифологической.

«Миф является единственной формой осмысления исторического события»³, – указывают авторы Введения к сборнику «Война 1812 года и концепт 'отечество'. Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России: исследования и материалы», связывая природу мифа не только с литературой или фольклором, но и с «мышлением человека вообще», и подчеркивая, что «любое историческое знание состоятельно не фактически, а только интерпре-

тационно»⁴. Мифология «Москвы двенадцатого года» вобрала в себя и фольклор, и «литературную мифологию» стихотворных жанров, и эпизоды исторических романов, и военную историографию с военной мемуаристикой, и частные эпистолярии, и афишки Ф.В. Ростопчина, и карикатуры И.И. Теребенева, и медальоны Ф.П. Толстого, и даже слухи, распускавшиеся французами (например, о мирных договоренностях Наполеона с Александром, якобы задерживающих Наполеона в Москве), и устные нарративы, распространявшиеся в русской армии и ополчении (о страшных призраках и «чудотворениях», пугавших в Москве Наполеона), и многое другое. «Мифологизированная история почти не отличима от историфицированной мифологии. В этих условиях все мифологическое апеллирует к опыту исторических осмыслений, а все историческое охотно ложится в рамки мифологических структур»⁵, – писал В.Н. Топоров.

Сложившуюся к середине века мифологию Москвы двенадцатого года Толстой в «Войне и мире» удачно опровергает, создавая свою московскую мифологию. И не только московскую, но и мифологию всей эпохи наполеоновских войн, отчасти и периода зарождения декабристского движения (в «Эпилоге»). Для того чтобы иметь право на свое слово и свое видение, автор «Войны и мира» скрупулезно изучает исторические документы, предпринимает поездку на поле Бородина, чтобы осмотреть во всех подробностях место величайшей битвы... И в результате парадоксально заявляет: «Я напишу такое бородинское сражение, какого еще не было»⁶. Полемика Толстого с официальной историографией, зачастую справедливо воспринимавшейся им (в части трудов и отечественных, и зарубежных, наполеоновских истори-

ков) как историография недобросовестная и ангажированная, объясняется не только желанием установить истину, развенчать ложные представления о героизме, выступить с демократических позиций. Главным для Толстого было создать книгу о том, как мир может противостоять войне. В своем проекте вечного мира, которым, в сущности, книга Толстого и является, автор «Войны и мира» показывает на примере России, как «простота, добро и правда победили в 1812 году силу, не соблюдавшую простоты, исполненную зла и фальши»⁷. Как сказал Л. Фейхтвангер, «Толстой, который написал “Войну и мир”, несомненно, хотел написать не историю наполеоновских походов, а выразить собственные (вполне современные) идеи о войне и мире»⁸. Смысл «Войны и мира» четко определил мыслитель русского зарубежья В.Н. Ильин, когда писал, что Толстой предпринял изображение Отечественной войны 1812 года, чтобы Россия и весь мир осознали миссию России как «миссию вселенского миротворчества, в котором и надо искать тайны моральных борений и побед Толстого, всю тайну его философии»⁹.

Центральными локусами для разворачивания этого грандиозного миротворческого проекта Толстого являются в «Войне и мире» Бородинское поле и Москва 1812 года. Образ Москвы в третьем и четвертом томах «Войны и мира» вбирает в себя мифологию города-победителя наряду с мифологией завоеванного города, эсхатологический миф наряду с мифологией «вечного города», с антропоморфным (город-мать, город-дева) и числовым кодом. Не с точки зрения политической истории Европы или даже мировой истории рассматривает Толстой значение Бородинского сражения, оставления Москвы русскими и последующего из-

4 Там же. С. 9.

5 Топоров В.Н. Vilnius, Wilno, Вильна: Город и миф // Балто-славянские этноязыковые контакты. М.: Наука, 1980. С. 3 – 71. С. 9.

6 Письмо Л.Н.Толстого С.А.Толстой от 27 сентября 1867 г.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. М.: ГИХЛ, 1928 – 1958. Т.83. С.152 – 153.

7 Страхов Н.Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. 431 с. С. 330.

8 Фейхтвангер Л. Собр. соч. в 12 т. М.: Худож. лит., 1963 – 1968. Т.12. 767 с. С. 668.

9 Ильин В.Н. Мирозерцание графа Льва Николаевича Толстого. СПб.: РХГИ, 2000. 480 с. С.111.

2 Зайденшнур Э.Е. «Война и мир» Л.Н.Толстого. Создание великой книги. М.: Книга, 1966. 403 с. С. 80, 95.

3 Война 1812 года и концепт 'отечество'. Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России: исследования и материалы. Тверь: СФК-Офис, 2012. 688 с. С.5.

гнания наполеоновской армии из России. «Война и мир», по образцу сакральных текстов, Библии и «Махабхараты», провозглашает нравственное и сакральное значение исторических событий.

Дотолстовская литературная мифология «сожженной Москвы» заслуживает упоминания хотя бы потому, что была той традицией, против которой выступил Толстой в «Войне и мире». «Московский текст» лирики 1812 года в жанровом отношении ориентируется на классицизм и подражает античным образцам («гимн», «молитва», «песнь», «видение», «френос»). В стихотворении А.Х. Востокова «Певец на гробах братьев-воинов россиян» Москва показана в соответствии с мифологией города-матери: «Как древня мать Москва, лия потоки слез / Сложив венец с главы, отдавшись в власть Небес, / Прескорбья полный взор вокруг себя вращала...»¹⁰.

Как замечает М.В. Строганов, «редкий автор (как Батюшков) избежал этой исторической позы, даже Жуковский смоделировал условно-декоративную, совершенно оперную ситуацию: “певец во стане русских воинов” проводит октябрьскую ночь у костра за весьма длительной пирушкой и песнопением»¹¹. Примером жанра, «соединяющего в себе плач и видение, является стихотворение В.В. Капниста “Видение плачущего над Москвою россиянина, 1812 года, октября 28 дня”»¹², – пишет В.А. Доманский, указывая при этом на «длинноты, лексические архаизмы, высокое косноязычие, традиционные образы и поэтические формулы»¹³.

Но вот «Русская песня во время занятия Москвы неприятелями, посвященная любезным соотечественникам», подписанная криптонимом А.Н. (Наумова Анна Александровна) и опубликованная в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (Москва, 1814), ориентирована в большей степени на

фольклорные образцы (былина, историческая песня), как это видно уже из авторской жанровой дефиниции («русская песня»). Как ни странно, эта псевдонародная песня производит более личностное и трогательное впечатление, чем высокие аллегории гимнов и френосов:

*Где ты, матушка белокаменна,
Москва красная, златоглавая,
Царства Русского дочь любимая,
Милой родины коренной удел,
Царя белого самопервый град,
Трудолюбия мать заботлива,
Древней старости слава вечная?
<...>*

*А Москва-река обогрилася,
Не струей течет – но котлом кипит,
Не мосты по ней – тела мертвые,
Не суда плывут – жертвы мщенья...¹⁴*

И т.д. Исторические романы о Москве 1812 года появились, понятное дело, несколько позже.

«Сожженная Москва» Г.П. Данилевского (1886) не в счет, но романы М.Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831) и Р.М. Зотова «Леонид, или некоторые черты из жизни Наполеона» (1832), «Два брата, или Москва в 1812 году» (1850), которые интересовали Л.Н. Толстого в пору работы над «Войной и миром», можно считать первыми и наиболее заметными образцами раскрытия московской темы 1812 года «по-вальтерскоттовски». С 1842 по 1850 годы Загоскин издавал серию очерков «Москва и москвичи» (название, использованное впоследствии В.А. Гиляровским), где сформулировал свою историософскую идею: «Москва не город, не столица, а целый русский мир <...>, в ней собраны вместе все образчики главных начал, составляющих то огромное тело, которому Петербург служит главою, а Москва – сердцем»¹⁵. (Курсив наш. – Е.П.).

Посмотрим, как Толстой пересматривает миф о Москве и москвичах «двенадцатого года». Главный вопрос московского мифа о 1812 году – это причины пожара Москвы. Ф.В. Ростопчин издал в Париже в 1823 году свои заметки «Правда о пожаре Москвы», написанные по-французски, в которых вместо правды «изошрлся в противоречивых двусмысленностях»¹⁶, по оценке современных историков. В изображении Толстого Ростопчин малодушен и тщеславен, что косвенно подтверждается ростопчинскими заметками, в которых он то потакает мифу о героическом подвиге московского саможжения, то выгораживает себя, опасаясь, что разоренные москвичи не смогут простить ему невнятицу распоряжений перед вступлением в Москву французов, заодно и пожар.

Французы усматривали в сожжении Москвы «варварство» русских, а в русских солдатских песнях и другом русском фольклоре причиной пожара и разрушений Москвы назывался исключительно неприятель. Но к концу 1820-х годов представления о том, что Москва была сожжена героическими самоотверженными жителями, уже доминировали в русском обществе.

Европа в вопросе пожара Москвы доверилась Дж. Г. Байрону, который описал в поэме «Бронзовый век» (1823), как Наполеон увидал пожар Москвы:

*.....он же увидал –
Но как? – в огне, куда бросал солдат
Фитиль, бедняк валил солону с хат,
Торговец же – запасы многих лет,
Князь – свой дворец – и вот, Москвы
уж нет!*

*Какой вулкан! Что Этна пред тобой?
Что грозный Геклы отблеск вековой?
Везувий пошло блещет всякий раз,
Как зрелище для сотен праздных глаз:
Ты заревом откинулась в века,*

*Не ведая соперницы, пока
Иной огонь весь мир не озарит,
Что все державы в пепел превратит!¹⁷*

Пожар древней русской столицы Байрон явно сопоставляет с эсхатологическим экипирисисом.

Создававшиеся в 1830-е годы русские романы о наполеоновских войнах, разумеется, в том же романтическом духе повествовали о героическом самопожертвовании Москвы. В романе «Леонид, или некоторые черты из жизни Наполеона» Р.М. Зотов вкладывает в уста француза, генерала Жерара Дюрока такие слова: «Ни греки, ни римляне не могут похвалиться подобными чертами. Древнюю свою столицу, мать городов своих, богатства и памятники многих веков, великолепные здания, храмы, рынки – все это собственными руками предать пламени, чтоб лишить нас пособий, признаюсь, геройство непостижимое!»¹⁸. В числе поджигателей нет ни одного наполеоновского солдата. «Это были все русские, – говорит Дюрок. – Купцы, которых почитают столь корыстолюбивыми, зажигали свои лавки, мастеровые свои рабочие, мещане собственные дома...»¹⁹. О том, что Москву подожгли героические москвичи, говорится и в романе Зотова «Два брата, или Москва в 1812 году» (1850). М.Н. Загоскин в романе «Рославлев» предлагает следующее рассуждение: «Точно ли русские, а не французы сожгли Москву? <...> Нет! Мы не уступим никому чести московского пожара»²⁰. Герои романа ведут такой диалог:

– Как будто бы вы не знаете русского человека: гори все огнем, лишь только злодеям в руки не доставайся.

– Да, это характеристическая черта нашего народа, и надобно сказать правду, в этом есть что-то великое, возвышающее душу...²¹

10 Цит. по: Война 1812 года и концепт 'отечество'. С. 355.

11 Там же. С. 212.

12 Доманский В.А. Изображение Отечественной войны 1812 года в русской поэзии //

Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года. С. 290 – 307. С. 299.

13 Там же.

14 Цит. по: Война 1812 года и концепт 'отечество'. С. 356 – 357.

15 Загоскин М.Н. Избранное. М.: Сов. Россия, 1991. 336 с. С. 278.

16 Искюль С.Н. Война и мир в России 1812 года. СПб.: Петрополис, 2017. 848 с. С. 408.

17 Байрон Дж.Г. Бронзовый век. [Электронный ресурс].

URL: <http://ino-lit.ru/lit/text/334/491/Byron/bronzovyj-vek.htm> (дата обращения: 21.09.2021).

18 Зотов Р.М. Собр. соч. в 5 т. М. Терра – Terra, 1996. Т. 3. 619 с. С. 486.

19 Там же.

20 Загоскин М.Н. Рославлев, или русские в 1812 году. М.: Худож. лит., 1980. 391 с. С. 230.

21 Там же. С. 217.

В более поздних очерках «Москва и москвичи» Загоскин намекает на осуждение иностранцами и непонимание в Европе великодушия русских: «Обидное название северных варваров; название, данное нам французами, вероятно, потому, что мы за пожар Москвы не отомстили разорением Парижа»²².

А.С. Пушкин в своем «Рославлеве», полемически направленном против «Рославлева» Загоскина, патриотическую риторику превращает в безыскусный рассказ молоденькой барышни, а роль Полины, которая у Загоскина погибает, не разрешив классицистический конфликт долга и страсти, переосмысливает. Убежденная французом Сеникуром, что Москву подожгли русские, пушкинская Полина восклицает: «Вселенная изумится великой жертве! Теперь и падение наше мне не страшно, честь наша спасена; никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который рубит сам себе руки и жжет свою столицу»²³. (В знаменитых картинках И.И. Теребенева находился и сюжет о «русском Сцеволе»: русский мужик замахивается топором, чтобы отрубить себе руку, на которую французы якобы поставили клеймо.).

Таким образом, Москва-спасительница и у Пушкина предстает как героиня самопожертвования, но конфликт благочестивой и верной заветам отцов России с наглым наполеоновским нашествием (представленный в «Рославлеве» Загоскина) в романе Пушкина получает гораздо более крупный масштаб, подсвечен метаисторией: «великая жертва», изумляющая Вселенную, сопоставима с голгофской. Сближение лубочной картинки, изображавшей «русского Сцеволу», с плутарховским сюжетом имело не только казенно-патриотический смысл, но и метаисторический: это проекция Москвы 1812 года на осаду Рима войском Порсены и вообще еще одно подтверждение приобщения Москвы к лику «вечных городов».

Толстой в «Войне и мире» московский миф о самопожертвовании москвичей последовательно разоблачает. По его мнению, оставленный жителями и занятый неприятелем город должен был неминуемо стать жертвой пожара. «Ежели и были поджоги <...>, то поджоги нельзя принять за причину, так как без поджогов было бы то же самое»²⁴. Ни варварски настроенные захватчики, ни самоотверженные москвичи, опозитизированные Загоскиным, не поджигали Москву. В статье «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”» Толстой продолжает разрушение мифа: «Растопчин не всегда с факелом зажигал вороновский дом (он даже никогда этого не делал)»²⁵. С большой долей иронии изображается в «Войне и мире» приезд государя в Москву (эпизоды в Кремле и в Слободском дворце), воодушевление московского дворянства и купечества. Москвичи, покидавшие город перед вступлением в него французской армии, уезжали «каждый для себя, а вместе с тем только вследствие того, что они уехали, и совершилось то величественное событие, которое навсегда останется лучшей славой русского народа»²⁶. Лучшая слава русского народа, таким образом, в первую очередь принадлежит Москве. Кроме того, по Толстому, эта лучшая слава еще не осознана как глубокое народное чувство, как то превосходство духа, благодаря которому на наполеоновское нашествие «была наложена рука сильнейшего духом противника»²⁷. Поэтому мифология, порожденная патриотической и героической риторикой, затемняет, по Толстому, истинный смысл «величественного события». «Рассказы, описания того времени все без исключения говорят только о самопожертвовании, любви к отечеству, отчаянье, горе и геройстве русских. В действительности же это так не было <...>. В армии, которая отступала за Москву, почти не говорили и не думали о

По QR-коду вы можете совершить видеозаписи по усадьбе Орлова-Денисова на улице Большая Лубянка – это один из московских домов, попавших на страницы романа-эпопеи Л.Н. Толстого

22 Загоскин М.Н. Избранное. С. 217.

23 Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. М.: Наука, 1962 – 1966. Т. 6. 840 с. С.213.

24 Толстой. Т. 11. С. 358.

25 Толстой. Т. 16. С. 10.

26 Толстой. Т. 11. С. 280.

27 Толстой. Т. 11. С. 265.

Анастасия Калинина. «Золотая осень в парке «Рассказовка»

Анна Неклюдова. «Парк «Битца»

Москве, и, глядя на ее пожарище, никто не клялся отомстить французам, а думали о следующей трети жалованья, о следующей стоянке, о Матрешке-марки-тантше и тому подобное...»²⁸, – говорит Толстой о настроениях в Москве и в армии.

Такая дегероизация славных страниц истории ужаснула некоторых участников наполеоновских войн и очевидцев 1812 года, у которых был свой миф о том, чему они были очевидцы, и свой миф о себе самих как очевидцах. Так, П.А. Вяземский назвал «Войну и мир» «протестом против 1812 года» и возмущенно указывал, что «нельзя описывать исторические дни Москвы, как Грибоедов описывал в комедии своей ее ежедневную жизнь»²⁹.

Однако для современников Толстого не было понятно, что преодоление дотолстовского мифа о Москве 1812 года в «Войне и мире» связано с историософской концепцией Толстого. Во-первых, он выступил против любой поэтизации войны.

Во-вторых, в центре внимания Толстого не историческое, а нравственное и сакральное значение 1) Бородинского сражения и 2) пожара, а затем возрождения Москвы. Подобно тому, как Гомер прояснил и концептуализировал в «Илиаде» миф троянский, Толстой в «Войне и мире» обновил миф о Москве «двенадцатого года», придал «висящему вопросу жизни или смерти»³⁰ (объединяя в этих ключевых словах судьбу Андрея Болконского и всей России) значение метаисторической кризисной ситуации. Недаром именно на фоне московского пожара происходит примирение князя Андрея и Наташи, именно на фоне пожара Пьер из человека, задумавшего убийство, превращается в спасителя девочки и женщины.

Образ Москвы в «Войне и мире» проецируется на древнейшие мифологические образы: пчелиного улья, муравьиной «кочки»; упоминание «сфинкса» в эпизоде свидания Наташи и князя Андрея при

отблесках московского пожара содержит имплицитную отсылку к фениксу и теме возрождения. Полемически направив свое произведение против мифологизации отдельного, пусть и грандиозного исторического события (войны 1812 года), Толстой создал в «Войне и мире» свой религиозно-дидактический текст, в котором отвел России и прежде всего Москве сoterиологическую роль – явить пример нравственной победы не только над Наполеоном, но и над любой войной, послужить примером реализации толстовского проекта вечного мира.

Литература

- Байрон Дж.Г. Бронзовый век. [Электронный ресурс]. URL: <http://ino-lit.ru/lit/text/334/491/Byron/bronzovyy-vek.htm> (дата обращения: 21.09.2021).
- Война 1812 года и концепт 'отечество'. Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России: исследования и материалы. Тверь: СФК-Офис, 2012. 688 с.
- Доманский В.А. Изображение Отечественной войны 1812 года в русской поэзии // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года. С. 290 – 307.
- Загоскин М.Н. Рославлев, или русские в 1812 году. М.: Худож. лит., 1980. 391 с.

- Загоскин М.Н. Избранное. М.: Сов. Россия, 1991. 336 с.
- Зайдешнур Э.Е. «Война и мир» Л.Н.Толстого. Создание великой книги. М.: Книга, 1966. 403 с.
- Зотов Р.М. Собр. соч. в 5 т. М. Терра – Terra, 1996. Т. 3. 619 с.
- Ильин В.Н. Миросозерцание графа Льва Николаевича Толстого. СПб.: РХГИ, 2000. 480 с.
- Искуль С.Н. Война и мир в России 1812 года. СПб.: Петрополис, 2017. 848 с.
- Москва в 1812 году. Письма, дневники, записки, воспоминания современников. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2012. 560 с.
- Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. М.: Наука, 1962 – 1966. Т. 6. 840 с.
- Страхов Н.Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. 431 с.
- Толстой Л.Н. Полн. Собр. соч. в 90 т. М.: ГИХЛ, 1928 – 1958.
- Топоров В.Н. Vilnius, Wilno, Вильна: Город и миф // Балто-славянские этноязыковые контакты. М.: Наука, 1980. С. 3 – 71.
- Федотов Г.П. Три столицы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/fedotov/fedotov_gp_tri_stolici/ (дата обращения 16.09.2021).
- Фейхтвангер Л. Собр. соч. в 12 т. М.: Худож. лит., 1963 – 1968. Т.12. 767 с.

28 Толстой. Т.12. С. 14.

29 Цит. по: Москва в 1812 году. Письма, дневники, записки, воспоминания современников. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2012. 560 с. С. 495.

30 Толстой. Т.11. С. 389.

Проект «Московский Достоевский: семейное путешествие»

А.В. Лисицкий, вице-президент делового клуба «Наследие и экономика», заместитель директора Московской областной государственной библиотеки «Библиотека наследия», кандидат культурологии; **Ю.Ю. Куварзина**, директор библиотеки № 19 имени Ф.М. Достоевского

Арсений Должанский. «Любимый 27 трамвай в Коптево»

Несомненно, что «культурный код» семьи является одним из краеугольных камней общероссийского культурного кода. Целевые аудитории проекта, в частности, семьи, нацеленные на осознанное воспитание детей, получают возможность получить знания о семье Ф.М. Достоевского как особого типа партнерства, основанного на национальных семейных ценностях, сравнить его со своими и понять, какие формы должно обрести «семейство народное» в XXI веке. Отправной точкой проекта стали глобальные изменения, которые влияют на ситуацию с институтом семьи в России. В силу позднего присоединения к «обществу потребления» страна проходит их в ускоренном режиме, при этом, отставая от многих других стран, что может быть для нас несомненным благом.

Проект «Московский Достоевский: семейное путешествие», поддержанный Президентским Фондом культурных инициатив¹ – это продолжение работы нашей команды с московским и подмосковным наследием Достоевских, начатой в проекте «Детский Достоевский». Его идея состоит в семейном путешествии во времени и пространстве, а также в прошлое наших семейных традиций. Оно предполагает погружение в эмоциональную «матрицу», семейный код семьи Достоевских. В центре нашего внимания – работа не только и не столько с литературным наследием Ф.М. Достоевского (хотя и оно в проекте будет частично представлено), но, прежде всего, это попытка понять круг ценностей семьи Ф.М. Достоевского (в детстве и во втором браке), к ее культурному коду как особого типа партнерства, ставящего своей целью воспитание де-

¹ <https://фондкультурныхинициатив.пф/public/application/item?id=bea122ee-2ed8-4d06-9894-442552953b56>

тей, как «лучших людей». О чем сам Ф.М. Достоевский, по воспоминаниям младшего брата, говорил так: «Это было не так давно, а именно в конце 70-х годов. Я как-то разговорился с ним о нашем давно прошедшем и упомянул об отце. Брат мгновенно воодушевился, схватил меня за руку повыше локтя (обыкновенная его привычка, когда он говорил по душе) и горячо высказал: «Да знаешь ли, брат, ведь это были люди передовые, и в настоящую минуту они были бы передовыми!.. А уж такими семьянинами, такими отцами... нам с тобою не быть, брат»»¹.

Целью нашей инициативы является актуализация семейной модели Ф.М. Достоевского как формы партнерства, призванного помочь решить современные семейные проблемы через осмысление горожанами нематериального и материального наследия семьи Достоевских в Москве и Московской области. Среди задач проекта:

- Популяризация партнерской модели семьи Достоевских среди семей Москвы и Московской области через знакомство с сюжетами семейной жизни и реконструкцию «хроник семейной жизни» Достоевских.
- Создание и продвижение новых информационных продуктов для семейной аудитории, связанных с материальным и нематериальным наследием Достоевских.
- Популяризация литературного творчества Ф.М. Достоевского, связанного с семейной темой.
- Знакомство с местами в Москве и Подмосковье, объектами материального культурного наследия, связанного с семейным наследием Достоевских.

Несомненно, что «культурный код» семьи является одним из краеугольных камней общероссийского культурного кода. Целевые аудитории проекта, в частности, семьи, нацеленные на осознанное воспитание детей, получают возможность получить знания о семье Ф.М. Достоев-

ского как особого типа партнерства, основанного на национальных семейных ценностях, сравнить его со своими и понять, какие формы должна обрести «семейство народное» в XXI веке.

Отправной точкой проекта стали глобальные изменения, которые влияют на ситуацию с институтом семьи в России. В силу позднего присоединения к «обществу потребления» страна проходит их в ускоренном режиме, при этом, отставая

Институт российской семьи находится как в кризисе, так и в поиске эффективной национальной модели, учитывающей реалии XXI века. Для части профессионалов новой видится партнерская модель отношений. В ней ты берешь на себя свою долю ответственности, и бонусом получаешь свою долю прав. Когда оба мнения имеют вес, семья будет крепкой и перспективной...

от многих других стран, что может быть для нас несомненным благом. Тем не менее, ряд негативных тенденций налицо «Мы сплошь и рядом наблюдаем противоречивое отношение к семье, как к важной, значимой части жизни – говорит российский врач-психотерапевт Айна Громова. – Само понятие “брак” девальвируется. Появились однополые и “шведские” семьи, чайлдфри, суррогатное материнство, гостевые браки, полный отказ от долгосрочных обязательств и регистрации отношений. Подобные тренды и веяния заполонили неокрепшие умы современного населения и поколебали веру в традиционные семейные ценности, некогда присущие нашим

соотечественникам. Люди начали проще относиться к разводам. К сожалению, наше государство явно недостаточно поддерживает продвижение семейных ценностей через отечественные СМИ и телевидение. Об этом говорят материалы исследований среди представителей СМИ. Институт российской семьи находится как в кризисе, так и в поиске эффективной национальной модели, учитывающей реалии XXI века. Для части профессионалов новой волны видится партнерская модель отношений. В ней ты берешь на себя свою долю ответственности, и бонусом получаешь свою долю прав. Когда оба мнения имеют вес, семья будет крепкой и перспективной...» Но каких важных элементов (прежде всего, ценностных) здесь не хватает? Не «изобретаем ли мы велосипед», когда ответы можно найти в нашем наследии? Они есть у Ф.М. Достоевского. Трагедию современной ему и последующих эпох он видел в том, что в российском государстве всё больше становится «случайных» и «странных» семейств. «Современное русское семейство становится всё более и более случайным. Именно случайное семейство – вот определение современной русской семьи. Старый облик свой она как-то вдруг потеряла в предшествующие периоды русской истории, семейство не было более распатано, разложено, более... не оформлено. Есть три показателя «странного семейства». В нем нарушены естественные межличностные связи. Отношения между родителями проявляются то в ссорах, то в молчании, глубоко ощущается духовная изолированность. Оно имеет искажённую систему ценностей, что заметно отражается на процессе воспитания» (Дневник писателя. // http://royallib.com/book/dostoevskiy_fedor/dnevnik_pisatelya.html). В пример «странным» и «случайным» семействам автор ставит иной тип семьи. В нем царит настоящая любовь родителей к детям, здесь «заботятся не только о материальном, но и о нравственном благополучии своего ребёнка... формируется истинная национальная личность, и именно народные семейства создают сильное национальное государство».

Такая модель, безусловно, основана на партнерстве, но в ее основу заложены еще мощные духовные ценности. Именно ее Достоевский видел в семье родителей и реализовал в своем втором браке.

Значительное место в этой модели занимала Москва, где прошло детство писателя, жили многочисленные родственники. Но материальное и нематериальное наследие, связанное с семьей гения места и ее ценностями, почти не используется как значимый ресурс для продвижения модели «народной семьи и освоения наследия города через совместную семейную деятельность». Хотя и имеет большой потенциал для этого. Это наглядно подтверждают результаты проекта «Детский Достоевский», поддержанного Фондом Президентских Грантов в 2021 году и недавно реализованном в партнерстве с рядом организаций, в том числе с Департаментом культурного наследия, как одним из ключевых партнеров.

Календарный план разбит по сезонам с возможностью прожить «год вместе с Достоевскими». Сезон первый: «Осень. Традиции и родственники». Деятельность и продукты: интерактивные лек-

Но материальное и нематериальное наследие, связанное с семьей гения места и ее ценностями, почти не используется как значимый ресурс для продвижения модели «народной семьи» и освоения наследия города через совместную семейную деятельность. Хотя и имеет большой потенциал для этого.

ции о родственниках Ф.М. Достоевского с online-трансляциями; занятия по генеалогии своей семьи; дискуссия о семейных моделях прошлого и настоящего; передвижная выставка «Семейные традиции Достоевских в наследии Москвы» (на Страстном бульваре и в библиотеках ЦАО); запись материалов для подкастов

¹ Достоевский А. М. Воспоминания / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992, стр. 15

(с лекторами и интервью с участниками). Сезон второй: «Зима. Семейный уклад. Пора неспешной жизни». В следующих двух сезонах кроме «путешествия в прошлое», мы совершим путешествие в реальном пространстве Москвы и Подмосковья, связанном с семьей Достоевского. В Сезонах третьем: «Весна. Пора в путь» и четвертом «Лето. Даровое» будет продолжена лекционная программа; состоятся экскурсии по «Москве Достоевского» и «Дорога в Даровое»; будут проведены «мастерские» по разработке аудиогuida, медленные чтения и иммерсивный спектакль в усадьбе Даровое. У участников будет возможность включения в проект на любой стадии реализации, поскольку у них будет доступ к проектному контенту: записи на youtube и аудиоподкасты. Мы познакомим участников событий проекта с традиционным укладом семейной жизни родителей Достоевского, миром его московских родственников, его отношением к семье и детям. Поскольку цикл семьи того времени держался на важных православных праздниках, значимые события проекта будут к ним приурочены. Участникам предстоит узнать и сравнить семейные ценности настоящего и почти двухсотлетнего прошлого на основе традиций семьи Ф.М. Достоевского, выраженных в особом типе партнерских взаимоотношений. Целевая аудитория извлечет для себя значимый опыт, а также выяснит, что мы приобрели, а что утратили в ходе нашей истории.

Проект будет способствовать знакомству и апроприации наследия Ф.М. Достоевского семьями Москвы и Московской области; продвижению творчества писателя среди семейной аудитории; укреплению внутрисемейных отношений между его участниками. В основу проекта будет положено литературное наследие гения, связанное с семейной темой; воспоминания брата Андрея и жены Анны Григорьевны; краеведческая информация и другие источники, в которых описаны истории «семейства русского и благочестивого». Кроме этого, предполагается создание ряда новых творческих продуктов, о части из которых мы уже упоминали. Но позволим себе повториться.

Лучший путь для работы с ценностями – не назидательные беседы, а совместная деятельность и образовательный досуг, участие в создании продуктов проекта, эмоции, переходящие во впечатления. Москва и Московская область выбраны как место реализации проекта не случайно – именно здесь (на Божedomке и в усадьбе Даровое) прошли детские годы Ф.М. Достоевского и сформировались его взгляды на семью.

Среди них: онлайн-лекции о семейных традициях Достоевских, интернет-мост с потомками Достоевского, аудиогид «Дорога в Даровое: от Рогожской заставы до Коломны», подкасты «Московский Достоевский», передвижная выставка «Семейные традиции Достоевских в наследии Москвы», медленные чтения «Мальчик у Христа на ёлке» и «Письма в Даровое», иммерсивный спектакль «Читающий сад Феденьки Достоевского», экскурсии: «Москва Достоевского» и «Дорога в Даровое», которые помогут участникам переосмыслить и примерить на себя лучшие черты семейного кода Достоевских. Лучший путь для работы с ценностями – не назидательные беседы, а совместная деятельность и образовательный досуг, участие в создании продуктов проекта, положительные эмоции, переходящие в воспоминания о впечатлениях. Москва и Московская область выбраны как место реализации проекта не случайно – именно здесь (на Божedomке и в усадьбе Даровое) прошли детские годы Ф.М. Достоевского и сформировались его взгляды на семью. Именно для общения с родственниками он приезжал в нынешнюю столицу. Расположенное здесь материальное и связанное с ним нематериальное наследие дает возможность не только «локализовать» в пространстве заявленную тему, но и открыть горожанам, жителям области, гостям столицы и Московского региона в

целом неизвестные места, связанные с великим русским писателем. Все продукты проекта создаются на основе «культуры участия». Таким образом, у целевых аудиторий появится возможность «работать» не только с семейными ценностями Достоевских, но и с материальным и нематериальным наследием, связанным с родом Достоевских в Московском регионе.

Целевые группы проекта:

- Семьи с детьми столицы и городов МО (Раменское, Бронницы, Коломна, Луховицы, Зарайск), нацеленные на осознанное воспитание детей и взаимоуважение всех её членов.
- Краеведы, литературоведы и семейные психологи, интересующиеся творчеством и преподносимой в нём системой семейных ценностей Ф.М. Достоевского
- Интернет-аудитория, интересующая проблемами осознанного воспитания детей, моделью семьи Ф.М. Достоевского и его наследием.

Среди качественных результатов: улучшение коммуникации между членами семей-участников проекта; появление у целевых аудиторий любимых мест столицы, связанных с местами Ф.М. Достоевского, увеличение знаний в области русской классической литературы, краеведения Москвы, модели ценностей семьи Достоевских; появление новых форм семейного досуга, связанных с местами детства Ф.М. Достоевского; увеличение известности памятных мест Ф.М. Достоевского. Способ измерения: количество пользователей аудиогидов и участников экскурсий, их отзывы.

Среди пула партнерских организаций, реализующих проект – Библиотека имени Ф.М. Достоевского, ГБУК г. Москвы «ЦБС ЦАО», Дом Ф.М. Достоевского в Москве (Государственный Литературный музей имени В.И. Даля), Департамент культурного наследия города Москвы, государственный музей-заповедник «Зарайский кремль» (филиалом которого является усадьба Достоевских в селе Даровое), портал «izi.TRAVEL», Деловой клуб «Наследие и экономика» и ряд других организаций.

После завершения проекта, планируется, что информационно-туристические продукты, созданные совместно с семьями Москвы, будут размещены на платформах открытого доступа, что даст возможность горожанам получить в использование новую краеведческую информацию в доступной популярной форме. Участники – семьи с детьми будут приглашены на другие просветительские проекты библиотек и музеев, посещение культурных мероприятий войдет в традицию семей.

Результаты проекта и появившиеся новые идеи будут использованы в других проектах о Достоевском в Москве, где авторы проекта выступают партнерами или консультантами по формам актуализации. Партнерства, возникшие в процессе проекта, станут основой для создания новых продуктов (экскурсий, квизов, семинаров и пр.), а также форм семейного досуга жителей Москвы и Московской области. Планируется также, что команда проекта выступит партнерами для проекта «Деревенский мир Феденьки Достоевского», реализуемого нашими коллегами из АНО «Коломенский Посад».

По QR-коду вы можете посмотреть лекцию Андрея Лисицкого «Семейное древо Достоевских»

Эльвира Лягина. «Останкинская телебашня»

Парадокс об Останкине. Несколько тезисов к экзегетике Останкинского ансамбля

Г.В. Вдовин

Московский музей-усадьба Останкино

- 4 И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес,
и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли.
- 5 И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны
человеческие.
- 6 И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали
они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать;
- 7 сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи
другого.
- 8 И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить
город.
- 9 Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли,
и оттуда рассеял их Господь по всей земле.

Быт.11:4–9

Спектакль подобен хорошо организованному обществу, где каждый
жертвует своими правами для блага всех и всего целого. Кто же лучше
определит меру этой жертвы? Энтузиаст? Фанатик? Конечно, нет.
В обществе – это будет справедливый человек, на сцене — актер
с холодной головой.

Д. Дидро. Парадокс об актере

1. Заимствуя лекало заголовка у одного из самых популярных авторов XVIII столетия, позволю себе посвятить свой доклад парадоксальности самой идеи Останкина.
И смысл моего дискурса – не столько в констатации противоречивого, по нашей постромантической мерке, замысла Останкина, а в привлечении внимания к тому обстоятельству, что эта **противоречивость замысла останкинского ансамбля не может не обуславливать наши реставрационные помыслы**.
2. Между тем всякий незавершенный замысел неотменно провоцирует наследников на окончание, доделывание, соавторство.
Будем откровенны. Среди всех наследников и мы – исследователи и реставраторы Останкина, подверженные искушению содеяния, греху подмены бережения соделыванием.
3. Кроме того, заметим, мы имеем свежесостоявшийся «казус Царицына», продолжающий пугать москвичей и россиян всякой реставрацией подлинного памятника, в том числе и останкинской реставрацией, как угрозой кардинального новодела.
4. Приступая, вместе с Правительством Москвы, Мосгорнаследием, Департаментом культуры, командой «Моспроекта-2» и гражданским обществом к проектированию идеологии реставрации, мы задумались над особенностями замысла останкинского ансамбля. Над теми специфическими чертами, что его обуславливают.
5. Попытаемся, наконец, их обозначить.
  - 5.1. Останкино, в отличие от вседоступного Кускова, задумывалось, как топос для избранных. Стало быть, мы имеем дело с антиномией **«общедоступное – элитарное»**.
И проект реставрации и приспособления предлагает нам не так выбрать меж **«популярным – избранным»**, как найти пресловутую середину меж ними в реставрации и приспособлении элитарного памятника.
  - 5.2. Зиждя Останкино, гр. Н.П. Шереметев неотменно полагал, что строит памятник на века, о чем не раз упоминал, в том числе и в завещательном письме сыну. Однако, воздвигая абсолютистский классический памятник вечности, он постоянно его перестраивает и совершенствует. Граф умирает, продолжая утверждать, что Останкино не достроено. Тем самым, речь идет о противоречии **«завершенное – незавершенное»**.
  - 5.3. Означенная только что проблема **«finito – non finito»** напрямую выводит нас на вопрос об авторстве дворца и ансамбля, в целом. Многие поколения исследователей положили годы на утверждение двух концепций.
Если коротко, то исследователи 1900-х–1920-х годов доказывали авторство гранд-зодчих: Кампорези, Старова, Бренны, при участии крепостных П. Аргунова, Г. Дикушина и др., в качестве прорабов и соавторов. Эту точку зрения поддержали исследователи 1980-х–2010-х. И, не скрою, аз многогрешный, в том числе.
Ученые 1930-х–1970-х годов, исповедуя идею Бессонова о значимой роли творчества крепостных в истории русского искусства XVIII – первой половины XIX века, и вдохновившись разработками К.А. Соловьева, настаивали на концептуальном первенстве подневольных зодчих.
Будем, притом, откровенны. Проект «Останкинский дворец-музей творчества крепостных» второй половины 1930-х годов, на-

- смерть напуганного отсидкой по делу промпартии Соловьева, основанный на мыслях форсоца Бессонова, дал блестящие результаты: был сохранен памятник, была сохранена коллекция, был сохранен коллектив.
Будучи одним из тех исследователей, кто документально доказывал, что И.Е. Старов и В. Бренна дистанционно проектировали дворец в Останкине, и, продолжая настаивать на этой точке зрения, вместе с тем твердо констатирую, что подлинный автор и дворца в Останкине, и усадебного парка, и, стало быть, ансамбля в целом – Н.П. Шереметев.
Значит, вопрос... Мы реставрируем проект Старова, Бренны, Кваренги, Аргунова, Дикушина или незаконченный замысел Н.П. Шереметева?
Итак, мы делаем **«finito»** или **«non finito»**?
«Finito» архитекторов, скульпторов, живописцев, мебельщиков, позолотчиков, паркетчиков, или «non finito» безвременно усопшего демиурга-заказчика?
- 5.4. Восстанавливая замысел по сценарию «finito», мы можем себе позволить достроить все недостроенное.
Реставрируя проект по режиссуре «non finito», мы решаемся на сохранение и консервацию всего незаконченного.
  - 5.5. Проблема «finito» или «non finito», помимо всего прочего, толкует нам о выборе материала для реализации замысла реставрации.
Решение «finito» позволяет воспроизведение замысла в иных материалах, ради трансляции задуманной вечности, и, кроме того, толп счастливых посетителей, приходящих круглосуточно и во все сезоны.
Вывод «non finito» понуждает принять памятник, как целокупность, как Gesamtkunstwerk, как произведение не только художества, но и инженерного искусства, не так грандара, сколь технологии.
  - 5.6. В этом контексте во всю мощь встает антиномия **«дерево – камень»**.
Строя «памятник на века» из дерева, украшая его искусственным мрамором, расписной бумагой и папье-маше, и, подводя под него минимальные фундаменты, автор Шереметев не видел в том

- противоречия потенции замысла с примененными технологиями. Мы можем полагать, что демиург в своем почтительном просветительском богоборчестве предполагал в итоге закрепить идею в вечных материалах, но этого не произошло.
- Более того, мы отчетливо видим, как наивный деревянный домик не то Ниф-Нифа, не то Наф-Нафа, стратегически и планомерно отвергал новейшие технологии имени Нуф-Нуфа. Он изверг из себя модный и всеспасительный асфальт второй половины XIX века, он отторг бетонные стяжки второй половины XX столетия.
Наивное незавершенное «дерево» планомерно и неотменно побеждает всеутвердительный «камень» вот уже третье столетие.
- 5.7. Так почему же «монумент на века», в коем, согласно показаниям, явлены «знания и вкус» богобоязненного заказчика и демиургирующего автора решен в дереве и иных органических материалах?
  - 5.7.a. Соображения акустики, коли мы имеем дело с ансамблем с театральным залом в центре.
  - 5.7.b. Возможность наискорейшей переделки содеянного, вслед за наибыстрейшей переменной замысла.
  6. Не поминая всуе, сколько храмин из мраморов, кирпичей и желез пали жертвой времени, отметим, что, стало быть, **сама пластичность идеи монумента «на века», сработанного в органических материалах обуславливает его исключительность и живучесть**.
  7. Выходит, что **«деревянность»** и **«элитарность»** Останкинского дворца, и усадьбы в целом – предикаты. И являются не только предметом охраны во всех составляющих, но и **задачей музеефикации**.
  8. Задача музеефикации напрямую обуславливает цели реставрации и приспособления ансамбля.
Ансамбля, между тем, мифологического.
  9. Останкино как миф эпохи.
    - 9.1. **Останкино – миф рубежа XVIII и XIX столетий**, подобно тому как мифологически же бытовало в культуре середины – второй половины века Кусково. Современни-

- ки отмечали наследование мифу мифа, Кускову Останкина, П.Б. Шереметеву Н.П. Шереметева, что закреплено, к примеру, в известном величании последнего «Крезом–младшим».
- 9.2. Вне мифологических представлений, вне устойчивой мифологемы невозможно понять подобные явления культуры, поскольку такой анализ будет деформировать особенности и художественный образ конкретного памятника, существенные черты культуры вообще.
- 9.3. **Останкинский комплекс и замышлялся как миф.** Мифологично само его созида-ние: глухой высокий забор, «караулы», поимка лазутчиков» и пр. – что это как не попытка инспирировать некий демигический акт, волевой «авторский жест», творение в одночасье, т.е. по мавновению.
- Примечательно, что все годы (1792-1798) стройка была окружена строжайшей тайной. «В большой дом и протчия (мesta – Вд.) приезжих из господ и одним словом никакого звания, хотя бы и из родственников моих ближних, кроме тех мастеровых, которые при строении находятся в работе, отнюдь никого не впускать». Это распоряжение графа от ноября 1792 много раз повторяется впоследствии. Меры предпринимались нешуточные: «Для предосторожности ж, чтоб снаружи в окошки не могли и то смотреть, то окна снизу и внутри заколотить толстым холстом; для воздуху ж, когда понадобится, то отворять одни верхние». Предосторожности не ограничивались периметром строящегося театра-дворца; тайна окружала всю созидаемую усадьбу: «Большой мост в Останкове рогаткою и закинуть, но для одного виду, что будто исправляется оный починкою, разобрать несколько бревен непременно, а для проезду на случай сделать небольшой (мост – Вд.) внизу». И уж, конечно, «из определенных (графским указом – Вд.) гусар иметь беспрестанный день и ночь караул». Строгости распространяются даже на тех художников и мастеров, которые работают в Останкине, например на замечательного мебельщика Павла Споля: «Делать, наблюдая при том, чтобы Споль, где не должно ему быть, во внутренно-

сти большого дому отнюдь не допускаем был...» Но тот же Споль, работавший не только у Н.П. Шереметева, но и во многих других московских домах и подозреваемый, соответственно, в художественном шпионаже, используется если не в качестве контрразведчика, то, по крайней мере, в роли прикрытия и шпионской «наживки»: «Попросить Споля, чтобы он с тобою (А. Агаповым – тогдашним останкинским управляющим – Вд.) съездил в новостроющийся дом графа Безбородки, где тебе сделать замечание, нет ли каких новостей и редкостей, как-то в убранстве и прочем и представить ко мне; Сполю ж оно не объявлять». Естественно, что в этой обстановке всеобщей подозрительности любой пришлец видится шпионом и поступают с ним жестоко: «На представление от Агапова, по случаю открывшегося обстоятельства с французом, который снимал вид Останкову, нахожу что поступлено с ним весьма неразсудительно и сурово, то впредь в подобных сему случаях, дабы посторонние не могли быть допускаемы к рассматриванию останковских строений, наблюдать предосторожность, хотя и должно, но надлежит рассматривать важности происшествиев и человека, а потому, соображаясь, и следует обходиться порядочным образом и объяснять более на словах, а грубых и неприступных поступков не делать».

Зачем столько предосторожностей при совершении «величайшего, достойного удивления и принятого с восхищением публикою дела»? Быть может сами отзывы современников и мемории записанные со слов участников отвечают нам? «(...) когда император Павел изъявил желание свое посетить Останкино, граф Н.П. Шереметев приготовил ему сюрприз: лишь только государь стал проезжать местность густой рощи (Марьиной рощи, тогда густой – Вд.), вдруг, как из под распахнутого занавеса, открылась ему полная панорама Останкина – дворец, широкий зеркальный пруд, перед ним прекрасный фасад церкви и сад со всею улыбчивою окрестностью своею. В ожидании императора сделана была от начала рощи до самого Останкина просека, у каждого надпиленного дерева стоял

человек и по данному сигналу сваливал дерево. Император чрезвычайно удивился внезапной перемене декораций, долго любовался ею и благодарил графа за доставленное ему удовольствие». Все эти «вдруг», «внезапно», «неожиданно», которыми изобилуют описания современников, открывают нам то, что можно назвать «**останкинским мифом**», мифом о творении в одночасье, мифом «потемкинских деревень», мифом России XVIII века, мифом, берущим свое начало в чудесном явлении Санкт-Петербурга среди «топи блат», никогда не умиравшем, живущем и ныне в вечных рассказах о строительстве «за одну ночь» и «без единого гвоздя». Ради этого впечатления, ради этого чудесного явления, ради этого дива было предпринято столько удивительных предосторожностей и шпионских экзерсисов.

Все те же валящиеся деревья (начало, первое действие празднества – отсюда их исключительная знаковая роль) – воссоздание мифологического сего творения, модель его, повторение для «первого лица государства». В настоящей работе не место доказательству или опровержению известной идеи Маларме, высказанной в не менее известном письме к Верлену, о «первомифе» едином для всех национальных и расовых общностей, но невозможно не заметить, что для русской культуры XVIII столетия такой «первомиф» о «первотворении» был задан изначально в 1700-е годы «рождением из топи блат» Санкт-Петербурга. По этой бо-

гоборческой модели «творения в одночасье» структурированы многие мифологемы эпохи¹, особенно – усадебные. «Останкинский» миф – пример тому. Мифологема творения в одночасье устойчива и продолжает действовать спустя столетия: случайно ли массовое культурное сознание порождало и порождает вариации на тему этой архетипической мифологемы – рассказы о построении в одну ночь дворца, о соиздании за то же время пруда, о строительстве «без единого гвоздя» и пр.? «Так миф, который трансформируется, переходя (...), в конце концов изнемогает, однако не до такой степени, чтобы исчезнуть. Остается еще одна альтернатива: путь романтической разработки и путь использования мифа с целью узаконить историю»². Один из первых поэтов «подмосковных» Ю. Шамурин писал, что «все эти легенды однообразны и не обнаруживают особенного полета вдохновения: в них сквозит не только одна тревожная боязнь, что еще не совсем исчезло тяжелое прошлое, но есть память о нем, более прочная, чем наше восхищение архитектурными чудесами усадеб»³. Однако, не в том ли дело, что эта память соединена, сплавлена с «их» восхищением архитектурой усадеб?

9.4. Итак, посетитель усадьбы Останкино в XVIII столетии видится автору усадьбы в двух ипостасях – восхищенного, но постороннего зрителя и заинтересованного, равного в интенциях и сомаштабного в инвенциях автору знатока. Первая модель принадлежит более середине века, временам «Креза-старшего»,

1 Замечательно, что само открытие монумента основателю новой российской столицы было организовано подобным же образом: разом вдруг упали щиты, скрывавшие до того «Медного всадника». Т.е. церемониал был обращен к чудесному рождению города. Не приводя безбрежной библиографии, отметим, что почти все графические фиксации современников запечатлели именно это мгновение. См., например, известную гравюру А. Кола и А. Мельникова по рисунку А. Давыдова. Подробнее: Вдовин Г. Краткие тезисы к проблеме интерпретации семантики усадебного пространства и его мифологемы. (На примере Останкинского усадебного комплекса). – Искусствознание. 2003. №2

2 Леви–Стросс К. Как умирают мифы. // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1985, С.87.

3 Шамурин Ю. Подмосковные. Ч.1. М., 1912, С.6.

эпохе П.Б. Шереметева, пускавшего в свой кусковский «вертоград» всех «одетых с приличностью». Николай Петрович искренно привержен классицистическому вкусу с обостренными принципами амбивалентного авторитета, служащего как «правде», так и «кривде», подобно тому, например, как эпоха признавала и амбивалентную мораль.

Приметим, что место первых – более экстерьер, фасадические виды дворца и ансамбля в целом. Другие, пусть даже и подозреваемые в шпионаже, по свершении замысла, достойны всей полноты картины.

Однако, замысел принципиально бесконечен, по сути, нескончаем, откуда – и выбор материалов (дерево, бумага, папье-маше и пр.), властвующих здесь.

9.5. Сам выбор материала – дерева – обусловлен не только и не столько требованиями акустики, и уж тем более не легендарной «традиционностью» этого материала в России, но, главным образом, обеспечением мобильности постройки и экономии времени. **Изначальная установка на беспредельное совершенствование становящегося, развивающегося мифа диктовала выбор материала.**

9.6. Сама сложная и запутанная для современного исследователя возможностями многочисленных противоречивых версий история создания комплекса, множество имен, бесконечное и не останавливающееся совершенствование, активная чрезмерно (сравнительно с аналогичными современными ситуациями) роль заказчика – что это все, как не попытка создания образца и, следовательно, мифа: «Украсив село мое Останкино и представив оное зрителям в виде очаровательном, думал я, что совершив величайшее, достойное удивления и принятое с восхищением публикою дело, в коем видны мои знания и вкус, буду

всегда наслаждаться покойно своим произведением».

9.7. Миф – и сама краткая и яркая судьба памятника, мгновенный его расцвет.

9.8. **«Потемкинские деревни» как культурный миф второй половины XVIII века и Останкинский усадебный комплекс.** Подобно тому, как «потемкинские деревни», вопреки современному пониманию этого фразеологизма, не были призваны никого обманывать, вводить в заблуждение, «имитировать» что-либо⁴, но были неотъемлемой частью созидаемого мифа («новороссийского прожекта»), так и природа Останкинского дворца не предполагала однозначной «обманной», «имитационной» идеи. Симптоматично, что известное замечание Понятовского – «бельэтаж весь деревянный, но с таким искусством отделанный и украшенный, что никогда нельзя было бы и подумать, что он сделан из дерева» – опровергающее, казалось бы, наш тезис, свидетельствует при внимательном прочтении, что истинной природы не скрывали, но и преподносили, «рекламировали», рекламируя тем самым и миф. Вообще, как будет показано далее, риторические эффекты классицизма строятся не на обмане (имитации), но на сосуществовании, параллельном бытии, замещении. «Потемкинские деревни» («новороссийский прожект») – едва ли не вершина мифотворческих интенций эпохи – легализуют и заявляют механизм функционирования риторических эффектов зрелого классицизма, законы его мифотворчества.

Продолжая сравнение «новороссийского» и «останкинского» мифов, отметим адекватность считывания мифа: устойчивость сравнения с «арабскими ночами», празднествами «великих моголов» и пр.⁵ Сходство сравнений (к ним можно присовокупить и проводившуюся совре-

менниками аналогию с празднествами в Таврическом дворце) отчетливо демонстрируют цели авторов, создателей мифов и результаты, коих они достигали.

Только в мифе, а не вне его возможно истинное постижение природы останкинского комплекса, как, впрочем, и большинства усадеб XVIII – начала XIX века.⁶

10. **Останкино как развивающийся миф.** Созданная в конце XVIII века на северной окраине Москвы семиотическая структура оказалась наделенной могучим мифологическим потенциалом, далеко выходящим за пределы эпохи своего расцвета. Тем актуальнее проблема его генезиса и его эволюции.

10.1. Останкино, как не парадоксально это нынче звучит – **место пустое и бесплодное**. Зря ли так долго держится именование его – «Останкино, Осташково тож на суходоле». Однако эта изначальная «пустота» и «бесплодность» изначально же и насыщены. Как свидетельствует гидрогеология, под культурным слоем находятся погребенная палеодолина (в меридиональном направлении) и нерасчлененные озерные отложения днепровско-московского межледниковья с отложениями днепровской морены⁷. Не из этого ли сухого-влажного проседания – первый известный нам пространственный жест в сторону усадьбы и ее мифа – вырытый в XVI веке Останкинский пруд как первый опыт борьбы с пустотой, с хаосом, со средневековой водобоязнью, как начальное желание закрепить, структурировать пространство?

(И не такова ли, заметим в скобках, раннепетровская, предпетропавловская мифологема плещевых озер и лефортовских прудов?)

10.2. В этом аспекте мифологемы особая роль отводится останкинскому Троицкому храму с его особой семантикой, специфическим богословием⁸ как опытом закрепления Видения, нисхождения благодати, явления Троицы воочию св. Александру Свирскому, которому и посвящен один из престолов. Слово, обращенное к преподобному, как новозаветному Аврааму, удостоившемуся явления Святой Троицы в виде трех ангелов – «Я оставляю тебе мир и мир Мой подам тебе» звучит в этом контексте как архетип Нового времени с его культом делания, как провозвестие петропавловского мифа творения в одночасье⁹, как архетип усадебного строительства в том числе.

10.3. Анализируемый нами прежде останкинский миф времен расцвета усадьбы актуализирует **парадокс полноты и пустоты**, отсутствия и присутствия, «великолепнейшего» аполлонического монумена на века и деревянной, бумажной однодневки, возведенной на хилом столбчатом фундаменте.

10.4. Своеобразным развитием мифологического парадокса полноты и пустоты стал и намертво приросший к Останкину **миф о Галатее и Пигмалионе**.

Культура второй половины столетия с увлечением отыгрывала **миф Минервы и миф Дидоны**¹⁰. В официальном образе Минервы Екатерина II представляла богиней победительницей и богиней, покро-

и том же. Ту же семантическую параллель использует Г.Р. Державин и др. очевидцы праздников в Таврическом дворце. В свою очередь, останкинские праздники передают мифологическую эстафету Кузьминкам. Современники, в частности Н.А. Порецкий, сравнивают знаменитый прием в Кузьминках 29 июля 1837 г. с «пирами Потемкина-Таврического, Орлова-Чесменского, Шереметева». Подробнее: Вдовин Г.В., Лепская Л.А., Червяков А.Ф. Театр-дворец в Останкине. М., 1994.

6 Подробнее: Вдовин Г. Мир русской усадьбы – миф русской усадьбы. Опыт авторецензии. – Мир музея. 1995. №1, а так же вступительную ст.: Мир русской усадьбы – миф русской усадьбы. – Мир русской усадьбы. Каталог выставки. М., 1995.

7 Подробнее см.: Пашкин Е.М. Инженерно-геологическая диагностика деформаций памятников архитектуры. М., 1998.

8 Михайлов Б.Б. Храм Живоначальной Троицы в Останкине. М. – Козельск., 1993.

9 Особое значение имеют тут, конечно, и жизнь преподобного на берегу Святого озера в нескольких верстах от р. Свирь, и подвиг ученика его св. Адриана Ондрусовского на Ладого, и роль Александрo-Свирского монастыря в Северной войне.

10 Корндорф А. Российская Дидона, или Обратная сторона Минервы. // Искусствознание. №1. 2003. Близо примыкающий к общероссийскому мифу «Минервы – Дидоны», а то и коррелирующий с ним аполлонический миф Останкина в некоторых своих эпизодах давал неожиданные результаты: Вдовин Г. Памяти кентавромахи и лапифобии как зеркала русской культуры Нового времени. Опыт семиологического эссеизма с обилием цитат, отсутствием сносок, неоригинальным подтекстом и вовсе уж сомнительным моралите. – Октябрь. 2004. №6

4 Панченко А.М. «Потемкинские деревни» как культурный миф. // XVIII век. Сб. 14. Русская литература XVIII – начала XIX в. в общественно-культурном контексте. – Л., 1983. См. также: Вдовин Г. «Не все золото, что блестит», или «Живой труп». Заметки о риторическом эффекте в русской культуре XVIII – начала XIX в. – Вопросы искусствознания. М., 1995. №1–2

5 Действительно, известные отзывы Паже, Вигеля, Де Пуле об останкинских праздниках и оценки современниками празднеств, сопровождавших «новороссийский прожект» (Сегюр: «Мне... кажется... что это страница из «Тысячи и одной ночи», что меня зовут Джафаром и что прогуливаюсь с халифом Гаруном-аль-Рашидом...») кажутся близнецами, рассказами об одном

вительствующей искусствам. Образ любвеобильной Дидоны говорил об императрице приватно, а Эней, коим мог быть любой новый фаворит, иногда и во все опускался. Минерва и Дидона – две стороны одной медали пафосного екатерининского мифа, запечатленного эпохой во всех художествах и всех материалах.

Под барабанный бой, медь валторн, церемониальную поступь победоносных полков и «подблюдны песни щастливых селян» незаметно вызревает иной, противопоставленный имперскому миф, миф частной жизни и приватной судьбы. **Миф о Галатее и Пигмалионе**, о творении любви и оживлении любовью, **о рождении всего из ничего**.

Не раз отмечено, что книги просветителей, в особенности Руссо, «слезные комедии», ставшие модными на театре, культ природы в архитектуре и живописи, мода «а ля натюрель», «чувствительная» поэзия и «музыка сердца» способствовали общему мнению, что «и крестьянки чувствовать умеют». Далее этого утверждения никто почитай и не пошел. А если и вправду находились «Пигмалионы», то результаты их «творчества», как правило, были трагичны. Таков Руссо, проповедь которого не мешала ему отдавать всех своих внебрачных детей в приюты; таков возлюбленный и обидчик, таинственный «Sh» Л. Стерна в знаменитом его «Сентиментальном путешествии по Франции и Италии», бросивший трогательную Марию и ее ручного козленка; таков Эраст в «Бедной Лизе», толкнувший страдалицу в утопленницы... Во второй половине XVIII –

начале XIX века их – простодушных Галатей и модных Пигмалионов – сотни, если не тысячи.

История П.И. Ковалевой-Жемчуговой и графа Н.П. Шереметева – нетипична. Нехарактерна именно потому, что им – единственному Пигмалиону и единственной Галатее – удалось то, о чем остальные лишь болтали и что своекорыстно разыгрывали. Нетипична, поскольку развивая античный миф, со временем и Галатея творила Пигмалиона. Необычна, как все где, знамо дело, «кончается искусство», а, натурально, «дышит почва и судьба»¹¹.

Неслучайно пигмалионическая история нашла свое идеальное воплощение в Останкине, в усадьбе со своей устоявшейся мифологемой, поскольку и то, и другое восходит к мифу «**творения в одночасье**», к рецепту чуда «**всего из ничего**», к искони московскому парадоксу «**переполненной пустоты**»¹².

10.5. Тем пышнее расцветал миф о Галатее и Пигмалионе, окончательно закрепленный с завершением строительства Странноприимного дома в Москве (1794–1810). Получив после 1803 года, по смерти гр. П.И. Шереметевой мемориальный характер, дом этот «вдруг» выявил архитектурный жест приглашения, утверждения и зова. Плановое полукружия здания сообщает пространству внутреннего двора и всей композиции «вбв-рающее», «вводящее», «приглашающее» движение. Его энергию останавливает, не ослабляя, полукруглая двойная колоннада, предложенная Кваренги. Неторопливое достоинство этой архитектурной пластики наглядно воплощает в

композиционный и градостроительный образы новозаветное «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою Вас» (Матф. 11, 28), служившее своего рода эпиграфом замысла, девизом дома¹³.

Теперь материала для дальнейшего развития мифа стало вдосталь, и он не преминул этим воспользоваться.

Останкинский миф вышел за пределы усадьбы, увлекая за собой и посетителя, трансформируя человека «глядящего» XVIII века в человека «слушающего» XIX. И когда читаешь пушкинскую «Барышню-крестьянку», то понимаешь вдруг, что маскарад с переодеванием в крестьянское платье, затеянный «Акулиной» (Лизой-Бетси Муромской) с Алексеем Берестовым – реплика на историю Николая Петровича и Прасковьи Ивановны... А диалог – «И ты не обманешь меня?» – «Не обману». – «Побожись». – «Ну вот те *святая пятница*, приду» – отсылает вдумчивого читателя и к Прасковье Шереметевой, и к ее небесной покровительнице Параскеве Пятнице...¹⁴ И когда натужно и безуспешно пытаются петь «Вечор поздно из лесочка» – не важен голос, так же, как нужды нет выяснять кем, когда и почему сочинена песня, разошедшаяся изустно и в лубках как своего рода ария русской Галатеи...

И когда в житии св. Ксении Петербургской наталкиваешься на некую Прасковью Ивановну – постоянную и «давнюю благодетельницу и покровительницу» будущей святой, то охотно и без оснований сопрягаешь все это с образом П.И. Шереметевой...

И когда, случайно, вовсе ненароком, находишь упоминание о счастливом послевенчальном житии Н.П. Кондакова именно в Останкине и о продолжительной дружбе его с гр. С.Д. Шереметевым, то уже и не удивляешься. А где же еще жить великому русскому иконографу и с кем еще přátельствовать?

И когда вглядываешься в многочисленные истории XIX века, сконструированные по рецепту «неравный брак», то начинаешь понимать, что все они – своего рода корреляты к останкинским мифам. И что ж удивительного, если мифологема живет и далее. Так, Александр Галич, столь отзывчивый к метафизике Москвы, настойчиво проговаривает ее. (То «останкинская девочка» милиционерша «Леночка Потапова» выходит замуж за заморского принца, то, напротив, – «Отвези, ты, меня, шеф, в *Останкино*» – просит вышедший из грязи в князи, но предавший свою останкинскую любовь, партийный бонза.)

И когда в рассказах Асара Эппеля¹⁵, ярко живописующих жизнь вокруг останкинской усадьбы в 1940–е годы, жизнь так точно обдуманную, но так тщательно обходящую сам дворец, то снова утыкаешься в феномен «переполненной пустоты» и готов повторять, вслед за прыщавым виршеплетом с Ново-Московской улицы:

... *Есть в осени первоначальной...*

... *в тиши останкинских дубрав...*

... *дворец пустынный и печальный...*

... *а в нем влюбленный ходит граф...*

... *Шереметев ...*

... *Столп с Помойой...*

... *и первый в жизни поцелуй...*

... *и на скамье той потаенной...*

... *начертанное кем-то «х...»...* –

«поверх барьеров» сопрягая зачем-то помонов столп, нож Вертумна, рог изобилия, будто бы простодушные девизы «помонических» эмблем¹⁶, приапические знаки, ну, и само собой «начертанное кем-то».

10.6. Таким образом, **XIX век, время должное стать началом эстетического осмысления и присвоения Останкина новым посетителем, прошло для него почти втуне**, в силу особенностей останкинского мифа, во-первых, и достаточно последовательного нежелания наследников Н.П. Шереметева открывать

общероссийскому мифу «Минервы – Дидоны», а то и коррелирующий с ним аполлонический миф Останкина в некоторых своих эпизодах давал неожиданные результаты: Вдовин Г. Памяти кентавромахии и лапифофобии как зеркала русской культуры Нового времени. Опыт семиологического эссеизма с обилием цитат, отсутствием сносок, неоригинальным подтекстом и вовсе уж сомнительным моралите. – Октябрь. 2004. №6

11 «Знаменитейший неравный брак, брак Шереметева с Парашей, не был первым из неравных, но первым в мире частных лиц. И в этом качестве означил наступление эпохи частности на пороге XIX века», – свидетельствует один из вдумчивых специалистов по «метафизике Москвы» Рустам Рахматуллин (Облюбование Москвы. // Новый мир, 2001 №10) Заметим, что немало постарались для мифа Галатеи и останкинского мифа родственники, потомки и друзья графа Н.П. Шереметева. В огромном архиве Шереметевых документов, касающихся непосредственно Прасковьи Ивановны – наперечет. По свидетельству первого биографа актрисы Петра Безсонова, написавшего свою книгу в 1872 году, «чья-то заботливая рука тщательно изъяла все, относящееся к интимной жизни Шереметева». Подробнее: Граф Н.П. Шереметев. Личность, деятельность, судьба. М., 2001

12 А. Балдин. Московские праздные дни. // Новая Юность. №24, 1997.

13 Подробнее – Вдовин Г. Образ Москвы XVIII в. Город и человек. М., 1997.

14 Заметим в сноске, что Пушкин, как обычно, дает и повторную отсылку: «Акулина», как и П.И. Ковалева-Жемчугова – дочь кузнеца.

15 Асар Эппель. Травяная улица. М., 2000; Он же. Шампиньон моей жизни. М., 2000

16 См., например, №711 в «Избранные эмвлемы и символы...» Нестора Максимовича-Амбодика (СПб., 1811) и др. Некоторые иконологические останкинские сюжеты исследуются в упомянутых прежде наших работах.

памятник с очевидной, казалось бы, прамузейной функцией, для осмотра всех. Только в этом смысле и дачный бум рубежа XIX – XX веков, и пышность всего псевдофольклора XIX столетия в страданиях «по неравнем браке» – своего рода эстетические акты **не посетившего тогда Останкина посетителя**, своеобразно переживающего миф «переполненной пустоты».

10.7. Миф «переполненной пустоты» продолжает активно работать в останкинском локусе на протяжении всего XX столетия, воздействуя на посетителя.

10.7.1. Тотальность мифа, его всевластие над всеми социальными слоями продемонстрировали события 1917 – 1918 гг., когда «переполненная пустота» мешает грани возможного, тасуя амальгамы, путая поту- и посюстороннее, трансформируя зеркала и множа зазеркалья: и когда Шереметевы сами и добровольно отдают Останкино новой власти, и когда останкинские жители защищают усадьбу от разорителей, и когда те же аборигены и «бывший из администрации Шереметева», ставший заведующим дворцом-музеем Р.Г. Костиков «ведут самоотверженную борьбу с группой дельцов–“коммунистов” Пашкова, Предена и др.»¹⁷, и когда несколько раз неизвестные грабители, проникая во дворец, не берут ничего, прихватывая с собой разве что фрагменты драпировок¹⁸.

10.7.2. Наследуя, с одной стороны, мифу чудесного творения, с другой, замыслу пантеона искусств (знаний, умений и пр.), и, наконец, с третьей, **игровому переживанию пространства**¹⁹ со всеми его корреляциями и нарративами «потемкинских деревень», усадьба Останкино дублируется новой эпохой в феномене ВСХВ-ВДНХ как энциклопедии советского всемогущества и вокабулярия совет-

ского всезнайства. (В этом смысле, не посещавшие Останкина герои кинофильма «Свинарка и пастух», пребывая в границах Выставки достижений народного хозяйства, Останкино все-таки посещают. Да и сам сюжет шедевра советского кинореализма по сути реплика останкинскому мифу в такой его составляющей, как «неравный брак».) Приметим также, что феномен ВСХВ-ВДНХ вновь, почти как в XVIII столетии, предполагал **зрителя в двух ипостасях – потрясенного, но постороннего зрителя и заинтересованного, равного в интенциях и сомасштабного в инвенциях авторам знатока некоторых «страниц» энциклопедии.**

10.7.3. По сценарию волшебной подмены всего ничем и наоборот спасает во второй половине 1930-х годов усадьбу, дворец, коллекции К.А. Соловьев, остроумно эксплуатировавший концепцию творчества крепостных. Остроумно настолько, что сам и становится ее жертвой, забыв к концу 1950-х – началу 1960-х совершенные им же подмены, запамятавав свою ложь во спасение. **И новый посетитель усадьбы второй половины 1930-х – начала 1960-х более чем охотно принимает подмену, позволяющую ему совместить эстетическое с классовым.**

10.7.4. Опытом «творения в одночасье», но уже со знаком «-», той же «победой отсутствия над наличием» пользуются во время Отечественной войны для спасения дворца, создавая «ложную экспозицию» в интерьерах и «растворяя», при помощи маскировки, его экстерьер. Высшей оценкой этого вынужденного жеста мифа «переполненной пустоты» стали пронзительные отзывы уходящих на фронт бойцов 1942 – 1944 годов, людей, не заметивших подмены.

10.7.5. **Начало подспудного разрушения рав-**

новесия эстетического и вульгарно социологического в изводе мифа «переполненной пустоты» образца второй половины 1930-х – начала 1960-х годов фиксировано двумя знаменательными обстоятельствами.

Во-первых, это начало традиции музейного музицирования как своего рода предел советской эстетизации памятника для его посетителя²⁰.

Во-вторых, это начало строительства Останкинской телевизионной башни, ставшее своего рода кульминацией аполлонического и, стало быть солярного мифа с наследованием мифологемы Сухаревой башни и семантикой «перпендикуляра во мнимое, в вакуум», «окна в иное»²¹.

Пытающееся фиксировать метафизическую останкинскую дыру грандиозное строение, изначально обречено парадоксу: мощнейшая техногенная структура производит эфир, прогнозы, прозрения, мороки. (Не зря же Владимир Орлов поселяет всю «чисть и нечисть» во главе с альтистом Даниловым вокруг Останкина. Не зря же восставшие в 1993 приехали на телевидение и долбили именно витрину, то есть стекло как метафору эфира, как троп «отсутствия – присутствия»... Не зря же, более чем чуткий к массовому мифу Виктор Пелевин дает финальные разгадки «Generation «П»» в неких «останкинских подвалах»... Не зря же Сергей Лукьяненко как «Ночном», так и «Дневном дозоре» избирает ареной противостояния стогны и улицы вокруг Останкина... Не зря, пытаясь замещать легендарного московского «востронома» Якова Брюса на Сухаревой башне, не оставляют в покое Останкинскую всевозможные уфологи... И уж вовсе неслучайно более чем техническим происшествием мнился общественному мнению пожар башни осенью 2000 года).

Из останкинского локуса и из сознания посетителя Останкина около полувека жившего в гармоническом парадоксе эстетического – классового, уходит последняя часть дихотомии, трансформируясь в новую дихотомию эстетического – эзотерического.

10.7.6. Окончательно оформившееся к рубежу 1970-х – 1980-х годов прощание эстетического с классовым можно видеть во многих симптомах: и в том, как в окончании официального названия музея – Останкинский дворец-музей творчества крепостных – все чаще опускают два последних слова даже в официальной переписке; и в том, как мучительно, но верно меняются атрибуции крепостным творцам всего останкинского на иные, отводящие центральные роли ведущим мастерам конца XVIII столетия, замыслы которых реализовала «крепостная интеллигенция Шереметевых»²²; и в результатах социологических исследований, очевидно свидетельствующих о поисках посетителем в первую очередь «эстетического удовольствия» не без подспудной, подчас почти неосознаваемой эзотерической нотки²³; и в подспудной смене тематики выставок, лекций, экскурсий; и в мучительном преодолении своего рода *террафобии*, свойственной музею в 1970-х – 1980-х, когда Останкинский *дворец-музей* будто и не видел своего парка, панически боясь трансформации в реальный *музей-усадьбу*, в настоящий *дворцово-парковый ансамбль*²⁴.

11. Все перечисленные парадоксы останкинского ансамбля неминуемо приводят нас к констатации основных принципов реставрации, изложенных нами в техническом задании на проектирование, и, вслед, на производство работ.

Во первых, мы реставрируем «non finito», и задыхаясь от собственной смелости, не

17 Архивные материалы по национализации и образованию музея. – НА, ф. II, №361\806, Л. 1-5.

18 О передаче музея в ведомства 1919, 1922. – НА, ф. II, №478\1134, Л. 4. Для метафизиков пространства и просто для любителей исторических курьезов, с приветом братьям Стругацким, не могу не отметить, что многие документы этих времен исправно подписывает «зам. нач. музейного отдела» по фамилии Мерлин.

19 Понятие «игровое переживание пространства» без пресловутых «бахтинологических» идей тотальной «карнавализации» предложено: Раппапорт А.Г. Пространство театра и пространство города в Европе XVI–XVII вв.// Театральное пространство. Материалы научной конференции. М., 1979. На примере Останкина разрабатывалось нами в: Краткие тезисы к проблеме интерпретации семантики усадебного пространства и его мифологемы. (На примере Останкинского усадебного комплекса). – Искусствознание. 2003. №2

20 Останкинский дворец-музей творчества крепостных одним из первых в Европе и первым в СССР открыл и стал разрабатывать тему музейного музицирования как специфического музейного акта.

21 А. Балдин. Там же.

22 Новые материалы по истории русской культуры. Научные труды Останкинского дворца-музея. М., 1987. Сборник был написан и составлен еще в 1983 г.

23 Вдовин Г.В., Фоломеева И.М. и др. Итоги социологических исследований в Останкинском дворце-музее в 1984 г. – НА, ф. II, №561\1006.

Фасады Останкинского дворца

берем на себя ответственности доделывать величие незавершенного замысла. Тем самым не так реставрируя, сколь консервируя.

Во вторых, принимая Останкинский дворец, как памятник не только художества, но и инженерии, мы стремимся сохранить его уникальную конструкцию. Не только сохранить, но и демонстрировать в будущей экспозиции дворца.

В третьих, исходя из явленных в ансамбле будто бы антиномических псевдопарадоксов «вечности – времени», «каменного – деревянного», а также учитывая уникальную степень сохранности памятника, мы намерены сохранить целокупность материалов останкинского Gesamtkunstwerk.

В четвертых, осознавая парадокс изначальной «элитарности» с объявленной современной культурой нормой «всеобщности», мы зонировем 15 гектаров территории ансамбля на «строгую» и «вольную» зоны.

В пятых, мы отдаем себе отчет в необходимости музеефикации развитого останкинского мифа. Трансляция его без сомнения шанс сплотить, как минимум, местное сообщество, и, в пределе, куда как более обширные strаты.

В шестых, учитывая степень сохранности верхнего машинного отделения и, отчасти, его механизмов, с одной стороны, но

и принимая во внимание небанальность и нетипичность решения останкинской машинерии, мы не станем настаивать на воссоздании полноценного останкинского театрального действа. При этом в качестве дополнительного аргумента, мы держим в уме мифологическое преизобильное преувеличение широты останкинских празднеств.

В седьмых, отдаем себе отчет, что проектирование воссоздания утраченных построек на присоединенной территории, где будут размещены не только фондохранения и реставрационные мастерские, но и многочисленные помещения для работы с посетителями, разрывает псевдоантиномию «храмовник – социальный работник». И всему коллективу, во главе с директором, придется учиться работать по-новому, оставив насиженные места «гуру» и «последнего солдата в последнем окопе с предпоследним патроном».

Ибо, воистину, «Спектакль подобен хорошо организованному обществу, где каждый жертвует своими правами для блага всех и всего целого. Кто же лучше определит меру этой жертвы? Энтузиаст? Фанатик? Конечно, нет. В обществе – это будет справедливый человек, на сцене – актер с холодной головой».

Всех призываю – охолонуть.²⁵

²⁴ Закрытие останкинского «Увеселительного сада» с 1979 по 1993 странным образом не вызывало протеста ни у посетителей, ни у властей предрежащих.

²⁵ ...

По QR-коду вы можете посмотреть лекцию Ирины Вишняковой «История крепостных театров»

Интерьеры Останкинского дворца

Екатерина Еселева. «А из нашего окна...»

Проблематика краеведения и москвоведения в образовательных программах исторических профилей МГПУ

Е.Е. Кувшинова, старший преподаватель кафедры отечественной истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета

Обзор программ образовательной и научно-исследовательской деятельности института гуманитарных наук МГПУ в области москвоведения. В статье дается ретроспективная характеристика образовательных программ по москвоведению, оценивается научный потенциал института через освещение реализованных образовательных и научно-исследовательских проектов московской тематики. А в заключение анализируются проблемы в преподавании москвоведения в высшей и средней школе, приводятся возможные варианты их решения.

В 1990-х годах после возрождения общественных краеведческих организаций – Союза краеведов России, Москвы, Общества изучения русской усадьбы и по мере приближения 850-летнего юбилея Москвы интерес к москвоведению постоянно возрастал. Расцвету краеведения Москвы способствовала активность отдельных исследователей и профильных учреждений: архивов, методических центров, издательств. Полки книжных магазинов заполнили издания с публикациями источников по региональной истории – совместные издания Мосгорархива и ИРИ РАН, монографии вводили в научный оборот новые знания по истории, географии, культуре города, выпускались энциклопедические и справочные издания, серии путеводителей¹.

¹ История Москвы : Хрестоматия в 4 т. / Сост. М.М. Горинов. — М.: Изд. «Международный Дом Сотрудничества, Изд. объединения «Мосгорархив», 1997; История Москвы с древнейших времен до наших дней: В 3т. — М.: Изд. объединения «Мосгорархив», ОА «Московские учебники и картолитография», 1997; Рюмина Т. Д. История краеведения Москвы в конце XIX-XX веке : монография / Т. Д. Рюмина. — М. : Устойчивый мир, 1998. — 162 с.; Кондратьев И. К. Седая старина Москвы: исто

К 850-летию Москвы были подготовлены и опубликованы многочисленные учебные пособия для средней школы², появились отдельные учебники для вузов³. Включение регионального компонента в школьные и вузовские образовательные программы в 1990-х гг. способствовало обоснованию теоретических основ возрождающегося краеведческого движения в виде новых методик исследовательской и педагогической работы, новых концепций образовательных курсов. В это время в учебные программы исторического факультета МГПУ были включены теоретические и практические курсы истории Москвы и исторического краеведения Московского региона и стала интенсивно разрабатываться краеведческая тематика Москвы⁴. Общая тенденция, наметившаяся в период возрождения краеведения и совпавшая с юбилейным периодом Москвы, продолжалась и в последующие годы, но со значительно меньшей активностью, особенно в отношении изданий системного обобщающего характера.

В настоящее время краеведение Москвы по-прежнему является одним из приоритетных направлений учебной работы и научно-исследовательской деятельности Московского городского педагогического университета. Устойчивый интерес к москвоведению поддерживается здесь выпускниками МГИАИ, работающими в университете и верными традициям историко-культурного краеведения и комплексного москвоведения Сигурда Отговича Шмидта.

В учебных программах и проектных работах МГПУ прослеживаются как традиционные направления москвоведения – историческое, географическое, литературное, так и урбанистика и регионоведение. Москвоведение является в настоящем той востребованной метапредметной областью знания, которая интегрирует накопленный научный ресурс и направляет его на воспитание у школьников и студентов бережного отношения к историческим традициям города, достижениям его жителей, его архитектурной среде.

рический обзор и полный указатель ее достопримечательностей. — М., 1996; Молева Н. М. Усадьбы Москвы. — М., 1998; Молокова Т. А., Фролов В. П. История Москвы в памятниках культуры : к 850-летию столицы. — М., 1997; Москва XVII-XX вв. = Moscow XVII-XX centuries : В 5 т. — М. : ЯникО, 1997; Москва : Энциклопедия / Глав. ред. С. О. Шмидт; Сост.: М. И. Андреев, В. М. Карев; Худ. оформление А. В. Акимова, В. И. Шедько. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1997/1998. — 976 с.; Назаревский В. В. Из истории Москвы. 1147 – 1913. — М., 1997; Москва в начале XX века : Будни и праздники. Моск. старина. Новорус. стиль : Кн.-альбом / Моск. гор. об-ние архивов; Авт.-сост. А. С. Федотов. — М. : Изд-во об-ния «Мосгорархив», 1997. – 362 с 2 Глушкова В. Г. Москва : история, география, краеведение великого города и его окрестностей. — М., 1997; Бурлаева, Г. Н. Москва средневековая : учеб. пособие по москвоведению для 5-7 кл. — Москва : Перспектива, 1997. — 144 с.; Москвоведение. Здравствуй, Москва! : Учебник для 2-4 кл. нач. шк. / Н. М. Поникарова, Н. А. Горелова, И. Н. Кузина, О. Е. Тесленко. — М.: АНО ИЦ «Москвоведение», АО «Московские учебники», 1998. — 256с.; Рюмина Т. Д. История Москвы : Учеб. пособие : Для 8-9-х кл. / Моск. гор. пед. ун-т. — М. : Междунар. Дом Сотрудничества, 1996. — 268 с.

3 Москва в истории России : Учебное пособие / Моск. гос. ин-т электр. техники, ред. Б. В. Леванов. — М, 1997. — 124с.; Прохорова И. О.»Говорит Москва ! « : учеб. пособие / И. О. Прохорова. — Москва : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1998. – 95 с.; Романов А. А. История Москвы: [С древнейших времен до 90-х гг. XX в.]: Учеб. пособие для вузов и колледжей. — М.: Турист, 2000. — 204с.; Рюмина Т. Д. История Москвы : Пособие к экзаменам : Задачник-практикум / Моск. гор. пед. ун-т. — М.: МДС. — 1101с.

4 Ершова Т. В. Система управления и правительство Москвы в XII – начале XX вв. : учеб. пособие по курсу «Отеч. история» / Т. В. Ершова ; Правительство Москвы, Департамент образования г. Москвы, Моск. гор. пед. ун-т, Ист. фак., Каф. отеч. истории. — М. : МГПУ, 2003. – 84 с.; Программы курсов и планы семинарских занятий : по специализации ДС-2 «Туризм. Менеджмент туризма» / [сост. Т. В. Ершова, А. Ю. Бурлинова, Е. Е. Кувшинова ; под ред. В. А. Корнилова] ; Правительство Москвы, Департамент образования г. Москвы, Гос. образоват. учреждение, Моск. гор. пед. ун-т, Ист. фак., Кафедра отечественной истории. — М. : МГПУ, 2005. – 72 с.; Рюмина Т. Д. Краеведение в вузовском образовании: постановка проблемы / Т. Д. Рюмина, Е. Е. Кувшинова // Учитель 21 века: Эколого-краеведческая подготовка студентов пед. вузов : материалы межвузов. науч. – практ. конф. (г. Москва, 29–30 нояб. 2001 г.) / Правительство Москвы. Ком. образования. Моск. гор. пед. ун-т. Геогр. фак. МГПУ ; отв. ред. В. Т. Дмитриева. — М., 2002. — С. 16–22.

В институте гуманитарных наук МГПУ, объединившем историков и филологов, развиваются направления исторического, литературного и музейного москвоведения, большой резонанс получили курсы, посвященные историко-культурному наследию Москвы и его охране. Разработано около двух десятков программ: базовых и вариативных, курсов выбора и элективных курсов, программ дополнительного образования, например, Серебряного университета, по которым изучаются история власти и управления, экономика, социальное устройство и культура города. Комплекс применяемых педагогических методик составляют историко-архитектурные исследования с архивными изысканиями и визуальным мониторингом, экскурсионный метод научно-исследовательской учебной экскурсии, игровые формы – конкурсы, квесты, квизы, викторины⁵. В научно-методических, научно-практических и музейно-педагогических семинарах звучит тематика юбилейных дат, московского усадебного наследия, поднимаются вопросы необходимости мемориализации трудных событий военной и социальной истории города. В социокультурных и профильных практиках, реализуемых в архивах, музеях, школах города, формируются и закрепляются необходимые профессиональные компетенции обучающихся.

Мотивацию к преподаванию элементов москвоведения студенты получают также за счет участия в конкурсах научно-просветительских и научно-исследовательских проектов, молодежных фестивалях и форумах, связанных с московской тематикой. Одним из видов метапредметной учебной деятельности студентов ИГН стали традиционные конкурсы проектов, направленные на изучение и популяризацию историко-культурного наследия Москвы – «Памятники

Средневековья в современной Москве», «Памятники Нового времени в современной Москве». Победители конкурсов института выходят в дальнейшем на общероссийские и городские фестивали науки, публикуют результаты своих исследований. ИГН имеет опыт успешного участия в организации и проведении масштабных межвузовских форумов. Так межвузовский молодежный форум в музее Царицыно, посвященный 1150-летию российской государственности собрал студентов 10 московских вузов и был посвящен проблемам исторической преемственности и сохранения исторических традиций. Студенты института получили дипломы победителей сразу в нескольких номинациях, выступая с проектами по истории Москвы в музейных собраниях города. Московский форум «Синий платочек Победы» стал коммуникационной площадкой диалога разных поколений, аккумулирующей память о подвиге Народного ополчения Москвы в годы Великой Отечественной войны и подтвердившей актуальность историко-краеведческой работы обучающихся и преподавателей МГПУ в районе Ростокино. Одним из последних общероссийских конкурсов с успешным участием наших студентов стал конкурс «Битва истфаков 2020», организованный историческим журналом «Proshloe», Институтом всеобщей истории РАН и фондом развития науки и культуры «Таволга». У молодежи появляется заинтересованность в деятельности по популяризации исторического наследия, а затем – уверенность в своих знаниях и возможностях. Интерес к московской тематике окончательно оформляется при подготовке выпускных квалификационных работ.

Многие выпускники института в профессиональной деятельности учителя готовы использовать педагогический и воспита-

5 Кувшинова Е. Е. Методика исторического исследования центра Москвы / Е. Е. Кувшинова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Исторические науки». – 2012. – № 2 (10) 2012. – С. 119–126; Теоретико-методологические основы проектирования курсов по истории власти столичного мегаполиса / В. В. Кириллов, О. Г. Малышева, Е. А. Токарева, Е. Е. Кувшинова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Исторические науки». – 2020. – № 3 (39) 2020. – С. 92–102.

тельный потенциал москвоведения. Отсутствие регионального компонента в школьных программах не является абсолютным препятствием для внедрения знаний по истории, географии и культуре Москвы, воспитания у школьников ценностного бережного отношения к наследию и их адаптации к сложной организации современного города. Внеурочная и внеаудиторная деятельность учителя предполагает выход на занятия, экскурсии и учебные проекты в городской среде и в московских музеях, участвующих в проекте «Учебный день в музее». Подготовленность наших выпускников для работы на городских площадках обеспечивают Летние школы для школьников и учителей, программы которых реализуются профессорско-преподавательским составом и старшекурсниками по тематике историко-культурного наследия Москвы.

Научно-исследовательская деятельность института в большой мере посвящена московской тематике⁶. В конференциях, семинарах, публикациях поднимаются вопросы состояния регионального источниковедения и отслеживаются тенденции в историографии, анализируется имеющийся цифровой контент по истории Москвы и создается новый. ИГН проводит научно-исследовательские работы по государственным заданиям, связанные с городской тематикой: «Исследование особенностей становления и функционирования органов власти и управления города Москвы «Москва: история власти»; «Проектирование и реализация комплексной программы перспективного развития памятника исто-

рии регионального значения «Бутовский полигон» как части социально-культурной среды города Москвы, центра сохранения и формирования коллективной исторической памяти о проблемных социально-политических событиях XX века.»; «Разработка и апробация цифрового ресурса по истории и современной жизни Москвы: от анализа контента до создания образовательного онлайн продукта»; «Проектирование, методическое сопровождение и апробация московской публично-сетевой площадки по актуальным проблемам современной истории, политики и культуры» и др. Таким образом, проблематика москвоведения концентрирует научный потенциал института и направляет его на решение образовательных и исследовательских задач.

В преподавании и исследовательской работе достаточно ясно проявляются те проблемы, которые существуют сегодня в москвоведении, отмечаются дефициты ресурсов и компетенций, намечаются возможные пути совершенствования образовательных программ и дальнейшего развития теоретической части прикладной развивающейся науки, в которую частью входит москвоведение.

Во-первых, на современном этапе назрела необходимость уточнить место обширных исторических, культурологических, экономических, социологических и прочих знаний о Москве в системе наук и определиться являются ли эти знания частью урбанистики, регионалистики, локальной истории, новой локальной истории или краеведения. Необходимо определиться с назначением этого зна-

ния – оно научно-ориентированное или, по-прежнему, социально-ориентированное. Это позволит точнее определить научный объект и предмет москвоведения, использовать возможности новых методологических подходов и методов, обоснованно структурировать образовательные курсы, создать, наконец, теоретический фундамент развивающейся науки.

Во-вторых, актуальным направлением представляется дальнейшая разработка учебно-методического обеспечения для реализации москвоведческих программ, в том числе с использованием возможностей электронной образовательной среды. Остро стоит вопрос о создании универсального и полного по содержанию учебника для вузов и об обновлении линейки учебников для школ. Разработка теоретической части москвоведения в соответствии с новыми концептуальными подходами даст возможность усовершенствования структуры учебных пособий. Возникнет более гармоничное и обоснованное сочетание тематико-хронологического, отраслевого и территориального принципов этой структуры.

В-третьих, для удобства преподавания необходима большая концентрация оцифрованных источников и информации о не оцифрованных источниках по Москве в едином локализованном пространстве. Речь идет о комплексе документальных материалов, музейных предметов, редких книг, хранящихся в архивах, музеях и библиотеках для эффективного его использования в образовательном процессе. Попытки ресурсного сопровождения учителя в информационно-методическом кабинете Публичной исторической библиотеки в разделе «Преподавание региональной истории» представляются весьма полезными, но не завершенными. Создание единого Государственного музейного каталога теоретически позволяет учителю демонстрировать артефакты по истории Москвы из разных музеев, но поиск по коллекциям необходимых предметов трудоемок и занимает большое количество времени. Известный архивный проект «Архивы-школе» развивается медленно и не разрабатывает узконаправленную московскую тематику.

В настоящее время библиотеки, которые концентрировали опубликованные ресурсы о Москве – Государственная историческая публичная библиотека и Библиотека имени Н. А. Некрасова уже не ведут отдельные каталоги с московской тематикой, включая ее в общие каталоги. Проблема концентрации библиографической информации по москвоведению и краеведению существует, поскольку разнообразие тематики московских изданий затрудняет поиск в общих каталогах. Когда печатные сборники библиографии краеведения, которые составлялись московскими библиотеками, перестали выходить в конце 1990-х гг., то в Российской национальной библиотеке появились планы создания единого центра библиографической информации по краеведению, но проект развивается слишком медленно и в направлении петербурговедения.

По вышеперечисленным причинам образовательные учреждения Москвы, в частности, Институт гуманитарных наук МГПУ, испытывая потребность в базах практической и проектной работы с источниками и исследованиями, готовы к развитию партнерских отношений с профильными организациями города, в свою очередь развивающими образовательные проекты – Департаментом культурного наследия города Москвы, Департаментом культуры города Москвы, ГБУК города Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы», ГБУ «Центральный государственный архив г. Москвы» и Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. Развитие любых форм сотрудничества в направлениях научно-исследовательской, научно-просветительской и волонтерской работы с многовековым наследием города даст новый импульс развитию москвоведения и позволит эффективнее формировать ценностное отношение молодежи к историческим и современным достижениям столицы.

6 Кувшинова Е. Е. Краеведческое изучение пушкинской Москвы / Е. Е. Кувшинова // Творчество А. С. Пушкина в контексте русской и мировой культуры : Соврем. прочтение и изучение в вузе и шк.: по материалам межвуз. конф., проходившей в МГПУ 25 мая 1999 г. / редкол.: Н. П. Пишулин (отв. ред.) [и др.]. – М., 2000. – С. 137–142; Московское образование в годы войны, 1941–1945 : [сборник] / [авт.-сост.: А. Ю. Бурлинова, Е. Е. Кувшинова ; под ред: В. В. Рябова, Н. П. Пишулина, В. А. Корнилова]. – М. : Жизнь и мысль : Моск. учеб., 2007. – 526 с.; Кувшинова Е. Е. Репрессии педагогической интеллигенции Москвы в немецкой операции НКВД 1937–1938 годов / Е. Е. Кувшинова, А. Ю. Челнокова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Исторические науки». – 2020. – № 4 (40) 2020. – С. 50–62; Кувшинова Е. Е. Система образования Москвы в годы революции / Е. Е. Кувшинова // Великая российская революция: общество, человек, культура, повседневность : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. (г. Москва, г. Ульяновск, 16–18 марта 2017 г.) : [в 2 т.] / Департамент образования г. Москвы, Гос. автоном. образоват. учреждение высш. образования г. Москвы «Моск. гор. пед. ун-т» (ГАОУ ВО МГПУ), Ин-т гуманитар. наук ; [отв. ред. В. В. Кириллов ; редкол. : В. В. Рябов, О. Г. Малышева, Л. Г. Орчакова, О. А. Закиров, А. Ф. Рагимова, С. В. Черненькая, Д. П. Шульгина ; сост. И. Н. Райкова]. – М., 2017. – Т. 1. – С. 130–136.

Литература

Бурлаева Г. Н. Москва средневековая : учеб. пособие по москвоведению для 5-7 кл. — Москва : Перспектива, 1997. — 144 с.

Глушкова В. Г. Москва : история, география, краеведение великого города и его окрестностей. — М., 1997

Ершова Т. В. Система управления и правительство Москвы в XII – начале XX вв. : учеб. пособие по курсу «Отеч. история» / Т. В. Ершова ; Правительство Москвы, Департамент образования г. Москвы, Моск. гор. пед. ун-т, Ист. фак., Каф. отеч. истории. — М. : МГПУ, 2003. — 84 с.

История Москвы : Хрестоматия в 4 т. / Сост. М.М. Горинов. — М.: Изд. «Международный Дом Сотрудничества, Изд. объединения «Мосгорархив», 1997

История Москвы с древнейших времен до наших дней: В 3т. — М.: Изд. объединения «Мосгорархив», ОА «Московские учебники и картолитография», 1997

Кондратьев И. К. Седая старина Москвы: исторический обзор и полный указатель ее достопримечательностей. — М., 1996

Кувшинова Е. Е. Краеведческое изучение пушкинской Москвы / Е. Е. Кувшинова // Творчество А. С. Пушкина в контексте русской и мировой культуры : Соврем. прочтение и изучение в вузе и шк.: по материалам межвуз. конф., проходившей в МГПУ 25 мая 1999 г. / редкол.: Н. П. Пищулин (отв. ред.) [и др.]. — М., 2000. —С. 137–142;

Кувшинова Е. Е. Методика исторического исследования центра Москвы / Е. Е. Кувшинова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Исторические науки». — 2012. — № 2 (10) 2012. — С. 119–126

Кувшинова Е. Е. Репрессии педагогической интеллигенции Москвы в немецкой операции НКВД 1937–1938 годов / Е. Е. Кувшинова, А. Ю. Челнокова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Исторические науки». — 2020. — № 4 (40) 2020. — С. 50–62

Кувшинова Е. Е. Система образования Москвы в годы революции / Е. Е. Кувшинова // Великая российская революция: общество, человек, культура, повседневность : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. (г. Москва, г. Ульяновск, 16–18 марта 2017 г.) : [в 2 т.] / Департамент образования г. Москвы, Гос. автоном. образоват. учреждение высш. образования г. Москвы «Моск. гор. пед. ун-т» (ГАОУ ВО МГПУ), Ин-т гуманитар. наук ; [отв. ред. В. В. Кириллов ; редкол. : В. В. Рябов, О. Г. Малышева, Л. Г. Орчакова, О. А. Закиров, А. Ф. Рагимова, С. В. Черненькая, Д. П. Шульгина ; сост. И. Н. Райкова]. — М., 2017. — Т. 1. — С. 130–136

Молокова Т. А., Фролов В. П. История Москвы в памятниках культуры : к 850-летию столицы. — М., 1997

Москва: Энциклопедия / Глав. ред. С. О. Шмидт; Сост.: М. И. Андреев, В. М. Карев; Худ. оформление А. В. Акимова, В. И. Шедько. — М.: Большая

Российская энциклопедия, 1997/1998. — 976 с.

Москва XVII-XX вв. = Moscow XVII-XX centuries : В 5 т. — М. : ЯникО, 1997

Москва в истории России : Учебное пособие / Моск. гос. ин-т электр. техники, ред. Б. В. Леванов. — М.,1997. — 124с.

Москвоведение. Здравствуй, Москва! : Учебник для 2-4 кл. нач. шк. / Н. М. Поникарова, Н. А. Горелова, И. Н. Кузина, О. Е. Тесленко. — М.: АНО ИЦ «Москвоведение», АО «Московские учебники»,1998. — 256с.

Московское образование в годы войны, 1941–1945 : [сборник] / [авт.-сост.: А. Ю. Бурлинова, Е. Е. Кувшинова ; под ред: В. В. Рябова, Н. П. Пищулина, В. А. Корнилова]. — М. : Жизнь и мысль : Моск. учеб., 2007. — 526 с.

Назаревский В.В. Из истории Москвы. 1147 – 1913. — М., 1997; Москва в начале XX века : Будни и праздники. Моск. старина. Новорус. стиль : Кн.-альбом / Моск. гор. об-ние архивов; Авт.-сост. А. С. Федотов. — М. : Изд-во об-ния «Мосгорархив», 1997. — 362 с.

Программы курсов и планы семинарских занятий : по специализации ДС-2 «Туризм. Менеджмент туризма» / [сост. Т. В. Ершова, А. Ю. Бурлинова, Е. Е. Кувшинова ; под ред. В. А. Корнилова] ; Правительство Москвы, Департамент образования г. Москвы, Гос. образоват. учреждение, Моск. гор. пед. ун-т, Ист. фак., Кафедра отечественной истории. — М. : МГПУ, 2005. — 72 с.

Прохорова И. О.»Говорит Москва ! « : учеб. пособие / И. О. Прохорова. — Москва : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1998. — 95 с.;

Романов А. А. История Москвы: [С древнейших времен до 90-х гг. XX в.]: Учеб. пособие для вузов и колледжей. — М.: Турист, 2000. — 204с.

Рюмина Т. Д. История краеведения Москвы в конце XIX-XX веке : монография / Т. Д. Рюмина. — М. : Устойчивый мир, 1998. — 162 с.

Рюмина Т. Д. История Москвы : Учеб. пособие : Для 8-9-х кл. / Моск. гор. пед. ун-т. — М. : Междунар. Дом Сотрудничества, 1996. — 268 с.

Рюмина Т. Д. Краеведение в вузовском образовании: постановка проблемы / Т. Д. Рюмина, Е. Е. Кувшинова // Учитель 21 века: Эколого-краеведческая подготовка студентов пед. вузов : материалы межвузов. науч. – практ. конф. (г. Москва, 29–30 нояб. 2001 г.) / Правительство Москвы. Ком. образования. Моск. гор. пед. ун-т. Геогр. фак. МГПУ ; отв. ред. В. Т. Дмитриева. – М., 2002. – С. 16–22

Рюмина Т.Д. История Москвы : Пособие к экзаменам : Задачник-практикум / Моск. гор. пед. ун-т. — М.: МДС. — 1101с.

Теоретико-методологические основы проектирования курсов по истории власти столичного мегаполиса / В. В. Кириллов, О. Г. Малышева, Е. А. Токарева, Е. Е. Кувшинова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Исторические науки». — 2020. — № 3 (39) 2020. — С. 92–102

По QR-коду вы можете послушать лекцию Владислава Сергеевича Житенева (МГУ) «Исторический анализ городской среды: как и зачем проводить»

Музею Москвы –125. История в документах

Н.Ю. Катонова, кандидат искусствоведения, ученый секретарь
ГБУК «Музейное объединение «Музей Москвы»

Эли Алимханов. «Закат и рассвет империй»

За век с четвертью своей истории Музей Москвы сменил несколько локаций и названий: Музей городского хозяйства, Музей коммунального хозяйства или Московский коммунальный музей, Музей истории и реконструкции Москвы, Музей истории Москвы, и уже только потом – Музейное объединение «Музей Москвы».

Очевидно, что под любым официальным наименованием музей всегда позиционировался городскими властями, как (пользуясь распространенной в отечественном краеведении до 1917 года дефиницией) местный музей, и на различных этапах своей непростой и нелинейной истории эту миссию актуализировал, расширяя и пополняя разделы своей коллекции, участвуя в жизни города как крупный образовательный и исследовательский центр. Экспозиция открытого 1 декабря 1896 года в восточной из Крестовских водонапорных башен Московской городской управой Музея городского хозяйства вполне соответствовала определению «краеведческая», т.к. представляла природу, население, хозяйство и социальную жизнь определенной территории – Москвы. Первоначально в ней отсутствовал исторический раздел, но документы сохранили факты передачи на экспозицию уникальных исторических артефактов уже в первые годы его работы¹.

В музейных каталогах и путеводителях разных лет всегда акцентировалась учебная направленность музейной экспозиции, сфокусированность на множественном подходе к истории города, которая артикулировалась через рассказ о природном и административном устройстве Москвы, ее архитектуре и транспорте, снабжении и жизнеобеспечивающих коммуникациях, образовательных и лечебных учреждениях.

Поскольку музей был расположен в одной из Крестовских башен, де-факто он оказался подведомственным учреждением Мо-

¹ Например, клад монет, обнаруженный на территории Крестовских водонапорных башен

сковских водопроводов под руководством главного инженера Н.П. Зимина², а де-юре был приписан к статистической части (Статистическому отделу) Московской городской управы, и в этом нет ничего удивительного: во второй половине XIX века отечественная местнография или местнознание развивалось под началом губернских статистических комитетов, при них же создавались местные музеи различной специализации. 1 июля 1913 года недавний выпускник Московского Коммерческого института Петр Васильевич Сытин³, в соответствии с постановлением Московской городской управы, был назначен и. о. заведующего Музеем городского хозяйства. С первых же месяцев своей деятельности он работал над планами развития музея, превращения его в образцовый научно-методический центр, который призван был стать примером и для губернских (областных) музеев городского хозяйства.

В документальном фонде музея сохранилась рукопись доклада Петра Васильевича Сытина⁴, который он готовил для представления в Московской городской думе в 1913 году. Согласно замыслу нового заведующего, музей должен был стать учебной базой для профильных высших учебных заведений и организаций, занимающихся устройством выставок городского хозяйства Москвы в других городах. Проект развития музея также включал открытие бюро по организации экскурсий в различные городские учреждения и бюро по выдаче справок по вопросам московской муниципальной

жизни, размещение в музее городской специализированной библиотеки изданий по истории города и устройства городского хозяйства, муниципальный архив и лекторий, программа которого охватывала бы все аспекты городской жизни.

Он же пишет: «Музей городского хозяйства, и именно московского, должен иметь и всероссийское значение. Московское городское управление и хозяйство являются в России первыми по широте и разнообразию форм своей деятельности. В этом отношении большинство провинциальных городов постоянно следят за тем, что делается в Москве, и ее опыт является одним из главных факторов развития городского хозяйства всей России»⁵.

После октябрьской революции 1917 года новая власть решительно взялась за обновление музеев и обращение их просветительского потенциала на службу «делу мирового пролетариата».

В апреле 1920 года в Моссовете был создан отдел Московского коммунального хозяйства (МКХ) по руководством Г.С. Фельдмана⁶, деятельность которого была направлена на преодоление критического состояния всех коммунальных служб города (пресловутая «разруха»), и необходимость распространения коммунальной грамотности среди жителей столицы первого в мире коммунистического государства. И в этой связи вспомнили о Музее городского хозяйства, которому предстояло возродиться уже под новым наименованием «Музей комму-

нального (т.е. общинного, общественно-го) хозяйства»: «в то время предполагалось назвать все города коммунами. Поэтому выражение «Московский коммунальный музей» должно было обозначать – Музей московской коммуны, или города <Москвы>»⁷

«...призванный в жизни волею пролетариата Московский Коммунальный музей, несомненно, найдет широкий отклик и сочувствие во всех слоях населения, которые будут не только обозревателями его коллекций но примут живое участие в его строительстве, неся в него книги, модели, фотографические снимки и проч., отражающие прошлую и настоящую жизнь г. Москвы <...>»⁸.

Коммунальный музей был приписан к системе МКХ, хотя его просветительский потенциал, в особенности с учетом новых директив, призванных сформировать новую отрасль – краеведение – как часть общей работы, включенной в планы развития нового общества, вполне отвечал направлениям деятельности Наркомпроса.

20 августа 1920 года вышло Постановление Президиума Моссовета о разрешении отделу Коммунального Хозяйства (МКХ) открыть Музей Московского Коммунального Хозяйства: «Президиум М.С.Р. и К.Д.⁹, в заседании 20 августа с.г. постановил организовать и в самое непродолжительное время открыть для посетителей Московский Коммунальный музей. Прежняя Московская цензовая городская дума, – дума купцов и домовладельцев, – естественно мало интересовалась музеем.

Функционировавшее с 1896 по 1914 год в Крестовских водонапорных башнях у Виндавского вокзала, а с 1914 по 1917 г. – в полуразрушенном доме по Леонтьевскому переулку учреждение хотя и носило громкое название «Музей Московского городского хозяйства», однако, ни управления, ни хозяйства города Мо-

сквы не отражало, так как состояло главным образом из устаревших и не обновленных экспонатов города с прежних выставок или тем довольно случайного подбора.

Октябрьская революция, отдавшая государственную и коммунальную власть в руки русского пролетариата, систематически отстранявшегося царской властью в течение веков от государственного-общественного строительства жизни, властно требует ныне дать ему знания и умения, для этого строительства необходимые. Созданием Московского Коммунального музея Президиум М.С.Р. и К.Д. выполняет это требование, призывая музей, с одной стороны, популяризировать в широких массах населения знания о городской жизни вообще и коммунальных учреждениях г. Москвы в частности, с другой – помочь государству в создании кадров коммунальных работников-специалистов, свободно ориентирующихся в условиях и очередных задачах современной жизни русских городов»¹⁰.

Новое, официальное наименование воссозданного музея отличалось от прежнего определением «коммунальный» вместо «городской». Новый статус, по замыслу МКХ, подчеркивал общественный уровень владения городским хозяйством (коммуна). В соответствии с особенностями «революционного» лексикона эпохи первых послереволюционных лет, слово это имело ключевой смысл, и музей все чаще именовали в сокращенной форме: Московский коммунальный музей (что и было отражено в Постановлении президиума Моссовета от 20 августа 1920 года).

Согласно Постановлению, ведущая роль в возрождении музея отводилась межведомственной комиссии, которая выполняла функцию совета учредителей. С ее формирования П.В. Сытин и начал работу на своей старой новой должности. В со-

2 Николай Петрович Зимин (1849-1909), инженер-гидротехник, в 1875-1902 гг. – заведующий московским водопроводом. Общественный деятель, разработчик проекта Мытищинского водопровода, Рублёвской водопроводной станции, в 1907 году выступил с инициативой соединения Мытищинского и Москворецкого водопроводов.

3 П. В. Сытин (1885 – 1968), доктор исторических наук, кандидат экономических наук, автор большого количества научных и научно-популярных работ по истории и городскому хозяйству Москвы (более 1000 статей и 21 книга)

4 Ф. 2 оп. 1 Л. 35

5 Ф. 2 оп. 1 Л. 34

6 В первые месяцы Октябрьской революции задачи по объединению деятельности не ликвидированных еще органов городского и земского самоуправления и руководству осуществлял созданный 19 декабря 1917 г. Комиссариат по местному самоуправлению [СУ, 1917, N 10, ст. 153]. После ликвидации учреждений местного самоуправления Комиссариат в марте 1918 г. был упразднен, а функции его переданы созданному в аппарате Наркомата внутренних дел РСФСР отделу местного хозяйства [ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 353, лл. 12 – 22], переименованному в апреле 1920 г. в коммунальный отдел [СУ, 1920, N 66, ст. 295]. В 1921 г. он был реорганизован в Главное управление коммунального хозяйства (ГУКХ) НКВД [ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 13, д. 1в, л. 124 (точная дата не установлена)].

7 Сытин. П.В. Воспоминания о Васнецове. <...> С. 85.

8 Московский Коммунальный музей // Коммунистический труд. №140. 9 сентября 1920 г. С. 2.

9 Московского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов

10 Ссылка на документ

став комиссии вошли: от Московского университета – Д.Н. Анучин и А.Н. Реформатский; от Института народного хозяйства А.Ф. Фортунатов и И.В. Владиславлев, руководивший Библиографическим бюро Внешкольного подотдела при Наркомпросе, к которому планировалось приписать музей¹¹; от Государственного исторического музея – К.Э. Линдман; от Государственного политехнического музея – Р.В. Творыков; от Румянцевского музея – В.И. Сайтов; от Музея социальной гигиены – В.Н. Лазарев; от Музея московского коммунального хозяйства – П.В. Сытин¹².

Председателем Постоянной комиссии (Ученого совета музея) был избран академик Д.Н. Анучин, основатель русской антропологической и географической школы, а также Антропологического музея при Московском государственном университете, ученый, отличающийся энциклопедическим масштабом научных интересов.

На заседаниях комиссии Анучин отстаивал расширенную, т.е. полноценно краеведческую концепцию музея, последовательно убеждая коллег в том, что программа деятельности коммунального – т.е. городского музея, в первую очередь, должна быть посвящена Москве и ее жителям, а уже потом – городскому хозяйству, как одному из дисциплинарных направлений городского развития; что исследования истории и условий жизни горожан разных эпох и сословий должны стать приоритетной темой его выставок и экспозиций, научной работы в целом. Сытин очень ценил его поддержку.

Всего к созданию научной концепции музея города было приглашено 140 человек¹³. Наиболее профессионально авторитетной была первая группа, представляющая общий или историко-географический

(краеведный) отдел, в котором были представлены видные историки и географы, профессора С.В. Бахрушин, С.Н. Богоявленский, А.А. Борзов, С.В. Воронин, Ю.В. Готье, Д.Н. Егоров, А.А. Крубер, В.И. Пичета, Л.Д. Сеницкий и Н.В. Сторожев. В эту же комиссию вошли и москвоведы – П.А. Зякин (бывший смотритель городских училищ, один из тех, кто в 1909 году впервые выступил с инициативой расширения специализации Музея городского хозяйства), А.Ф. Родин, И.М. Тарабрин¹⁴, П.Н. Миллер. В группу художников и архитекторов были приглашены А.М. Васнецов, И.В. Жолтовский, И.П. Машков, Ф.О. Шехтель, А.В. Щусев.

«Организуя <...> Музей гор<одского> хозяйства Москвы, в будущем — музей г. Москвы, я близко сошелся с президиумом о<бществ>а «Старая Москва», и <...> привлек их в комиссии Музея. А.М. Васнецов стал руководить Архитектурно-художественной комиссией, входя в состав и Постоянной комиссии (Уч<еного> совета), П.Н. Миллер и М.И. Александровский входили в состав Историко-географической и Архивно-библиотечной комиссии Музея».

Подобный широкий или «общественный» подход к проектированию музея города Москвы вполне отражал политику Наркомпроса (прежде всего, Главнауки, Главмузея и Главархива) в формировании основных направлений организации музейного дела, а главное фиксировал стремление научных и общественных сил к созданию полноценного многопрофильного музея города, который являлся бы центром изучения Москвы.

Привлекая к созданию нового музея столь значимые научные силы, Петр Васильевич Сытин сделал все, чтобы все линии московского краеведения, местнознания проходили через Музей МКХ и способ-

ствовали его укрупнению как городского просветительского и образовательного центра. В положении музея было зафиксировано, что он рассматривается как головной по отношению к музеям его профиля, которые могли бы возникнуть при крупных предприятиях города. Музей получил право издания печатной продукции – одним из таким примеров стал журнал «Московское коммунальное хозяйство», где публиковались не только материалы, связанные с отраслевыми вопросами, но и статьи, посвященные различным аспектам изучения истории Москвы. Так, на страницах журнала регулярно размещались статьи П.В. Сытина на тему «Развитие коммунального хозяйства в Москве с XVIII по XX век», а также серийные исследования «Старая планировка и застройка Москвы», составившие базу для его фундаментальной монографии «История планировки и застройки Москвы»¹⁵, а также материалы по истории Сухаревой башни.

Коммунальный музей

«27 ноября с.г., в 7 ч. вечера, в особняке Сорокоумовской (Леонтьевский пер., 4) состоялось 1-е объединенное заседание 12 специальных комиссий Московского коммунального музея. В заседании, под председательством Г.К. Фельдмана, присутствовали члены президиума, постоянной и специальных комиссий музея, всего около 60 человек, среди которых находились профессора Московского университета, Петровской академии и Института народного хозяйства имени Карла Маркса.

Во вступительном слове председатель собрания Г.К. Фельдман, указав на задачи музея и вспомогательных учреждений при нем, приветствовал свободные методы исследования явлений коммунальной жизни, как могущие дать весьма важные практические результаты.

Заведующий музеем П.В. Сытин в докладе «История музея и работа по его органи-

зации» дал краткий очерк попыток прежнего московского городского управления на протяжении последних 25 лет создать коммунальный музей и реальную постановку вопроса о его создании в М.К.Х. и Президиуме М.С.Р. и К.Д. Бывшей гор. Управе музей был нужен, главным образом, как постоянная готовая выставка московского городского хозяйства, которую в любое время можно было бы перебросить в те русск[ие] и заграничные города, в которых Москва принимала участие в выставках, а также для того, чтобы разгрузить гор. учреждения и предприятия от любознательных провинциалов и дать последним связное представление о московском городском хозяйстве. <...>

Проф. Н.Н. Авинов, считая необходимым для музея в первую очередь заняться собиранием и систематизацией *фактических сведений о местной жизни* (выделено мною – Н.К.), указал, что собирание фактов для экспонирования без их понимания невозможно, и что для правильного понимания московской коммунальной жизни необходимо ее явления сравнить с аналогичным явлением в др[угих] русских и заграничных городах.

Д-р В.А. Левицкий подробно осветил необходимость уделить в организации музея достаточно внимания Московской губернии, ее естественно-историческим и бытовым условиям, ее хозяйственному укладу.

Удачную формулировку задач музея дал в краткой речи проф. А.И. Реформатский, указав, что музей одновременно должен быть и обсерваторий (собираение фактов) и лабораторией (изучение фактов), и аудиторией (распространение сведений среди населения) <...>»¹⁶.

2 декабря 1921 года Музей коммунального хозяйства (Московский коммунальный музей Моссовета) открылся в здании МКХ по Театральному проезду, получив помещения на третьем этаже четырехэ-

11 Интересно, что сформулированное в Постановлении 1920 года распоряжение о передаче музея в подчинение Внешкольного отдела так и не было оформлено до конца. В целях координации всей библиографической работы в Наркомпросе 3 марта 1919 г. было организовано Библиографическое бюро при Внешкольном отделе. Руководителем его был назначен И. В. Владиславлев. Все отделы Наркомпроса должны были обсуждать проекты библиографических работ совместно с Библиографическим бюро.

12 ММ. Ф. 2 оп. 1 д. 159 л.3

13 Ф. 2 оп 1 д 159, 192-199; ОФ 26 900/1 -372

14 Иван Мемнонович Тарабрин – бывший ученый секретарь первого большого исследователя Москвы Ивана Егоровича Забелина, много способствовал пополнению б-ки музея лучшими книгами по истории Москвы// Цит. по: Сытин. Воспоминания.

15 Сытин, Петр Васильевич. История планировки и застройки Москвы : Материалы и исследования / П. В. Сытин. - Москва : [Б. и.], 1950. - 2 т.; 26 см. - (Труды Музея истории и реконструкции Москвы/ Упр. культпросвет. предприятий Мосгорисполкома. Под общ. ред. Ф. И. Салова).

16 Коммунальный музей // Коммунистический труд. 1920. №215. 5 декабря. С. 3.

тажного здания напротив знаменитой гостиницы «Метрополь» в Театральном проезде, 3. Просуществовал он здесь до переезда в Сухареву башню в 1925 году.

Сытин был убежден, что размещение Коммунального музея в символическом для истории Москвы здании – очевидный путь к долгожданному преобразованию его в Музей города Москвы, и его официального перехода в подчинение другого ведомства. Собирая необходимые документы, Петр Васильевич направил в Музейный отдел Наркомпроса письмо, в котором обосновывал необходимость эксплуатации башни именно городским музеем:

«Опыт многолетней жизни Сухаревой башни показал, что для поддержания в исправности даже одного ее внешнего вида, за нею необходимо постоянное наблюдение, что отсутствие такового в прошлом вело к преждевременному обветшанию башни и к дорогостоящим ремонтам, что исправное состояние внешних частей немыслимо без надлежащего состояния внутренних частей, что, наконец, для того и другого необходимо, чтобы в Сухаревой башне помещалось хозяйственное учреждение, носящее живой общественный характер, понимающее и ценящее старину и красоту башни, и что таковым в полной мере явится только Музей города Москвы»¹⁷.

3 января 1926 года состоялось торжественное открытие музея. Среди приглашенных был и В.А. Гиляровский, который бывал в башне, когда она была еще водонапорной (до 1894 года).

Помня это, он оставил в книге почетных посетителей Музея жизнеутверждающее четверостишие:

*Вода ключевая отсюда поила
Московский народ!
Отныне живая знания сила
Отсюда к народу польет!*

1926 год, начавшийся торжественным открытием музея в Сухаревой башне, за-

кончился столь же победно – в декабре Московский Коммунальный музей отметил свое тридцатилетие. 1 декабря в газете «Известия ВЦСПС» № 278 была опубликована статья Петра Васильевича, посвященная истории музея, а также новым задачам и проектам. Подчеркивая значимость Коммунального музея для образовательных и просветительских учреждений города, Сытин уделил особенное внимание потенциальному расширению научного профиля музея в направлении музея города: «В Москве нет музея города Москвы, в котором нашли бы отражение все стороны жизни красной столицы. Московский коммунальный музей, не являясь таким музеем, все же в значительной степени заполняет этот пробел. В нем находит свое отражение и старая, и современная, и будущая Москва в ее планах, постройках, благоустройстве и прочих внешних проявлениях».

Музей располагался в Сухаревой башне вплоть до начала ее варварского разрушения в 1934 году. В 1935 году Московскому коммунальному музею было предоставлено помещение бывшей церкви Иоанна Богослова под Вязом на Новой площади. Тематические разделы его экспозиции были структурированы по принципу контраста, утвержденного в качестве единого стандарта для всех краеведческих экспозиций, ставших частью «идеологического фронта». Этап развития города, предшествующий революции 1917 года, был представлен исключительно в негативных тонах, а этапы реализации сталинского Генерального плана реконструкции Москвы — как воплощение идеала столицы первого в мире социалистического государства. Последнее иллюстрировалось макетами новой застройки жилых кварталов, схемами расширения улиц и площадей, эскизами озеленения, архитектурными планами Дворца Советов, канала Москва и проч.

16 августа 1938 года газета «Рабочая Москва» под рубрикой «Письма в редакцию» напечатала статью «Создадим Музей ре-

Автобусы «Лейланд» линии номер «3» у Крестовской заставы. Конец 1920-х годов

Сухарева башня. 1931 год

¹⁷ Ф. 179. Оп. 70. Д. 6.

конструкции Москвы», подписанную доктором архитектуры, профессором, руководителем Московского Союза архитекторов Н.Д. Колли: «Невиданными темпами осуществляется генеральный план реконструкции Москвы. Заново перестраиваются целые улицы, кварталы и площади. Столица меняет свой облик, превращается в лучший город мира. Со дня утверждения генерального плана реконструкции Москвы прошел короткий срок — 3 года. За это время проделана большая созидательная работа по переустройству столицы. Реконструкция Москвы — это история побед социализма, это яркое выражение величайшей заботы партии и правительства и лично товарища Сталина о благоустройстве города, об улучшении жизни трудящихся. Однако все, что воздвигается и реконструируется, не находит должного отображения в документах, которые должны бы рассказывать о прошлом и о прекрасном настоящем нашей столицы. Взять, к примеру, Охотный ряд. Много ли времени прошло с тех пор, когда на месте, где сейчас высятся красивые многоэтажные здания, ютились низкие лабазы и лачуги? Но что представлял собой Охотный ряд до реконструкции, как он выглядел и как шло его переустройство — это никак не зафиксировано. Кроме случайных разрозненных фотографий, никаких исторических материалов нет. То же самое можно сказать о реконструкции улицы Горького, 1-й Мещанской и других магистралей и площадей. Иначе говоря, у нас никто не заботится о создании истории, отображающей грандиозную переделку Москвы. Мне кажется, что это большое упущение и с ним надо как можно скорее покончить. Историю реконструкции Москвы нужно показать серьезно, научно и культурно, так, чтобы она явилась подлинной историей социалистического зодчества. В Москве есть Коммунальный музей. В нем собраны материалы о благоустройстве города, но они мало показывают ту громадную работу, которая сейчас происходит. Поэтому на базе Коммунального музея, а также материалов, находящихся на постоянной строительной

выставке, необходимо создать новый Музей реконструкции столицы. В этом музее нужно сосредоточить все, что относится к старой и новой Москве. Здесь должен быть собран материал об историческом развитии города с древних времен и его реконструкции. На эти темы есть немало всевозможных материалов: планы, эскизы, гравюры, чертежи, макеты, модели и т. д. Их надо только собрать, дополнить и объединить в новом музее. Этот же музей должен заняться научной работой по созданию истории реконструкции города, происходящей в настоящее время. Важно, чтобы все это дело находилось в надежных руках и было приведено в единую стройную систему».

Никаких очевидных изменений в судьбе музея публикация статьи не вызвала, и, очевидно, в подкрепление высказанных Н.Д. Колли мыслей, полгода спустя, со статьей «Создадим музей города Москвы» выступил П.Н. Миллер, имевший к созданию научной концепции музея и к формированию его коллекции самое непосредственное отношение. Статья Петра Николаевича настолько важна для понимания той миссии, которую крупнейший ученый-москвовед (и, очевидно, все сообщество краеведов Москвы) возлагал на музей, что мы приводим ее полностью: «Давно назревший вопрос о Музее города Москвы, так своевременно поднятый доктором архитектуры проф. Н. Колли в его письме в “Рабочую Москву” от 16 августа 1938 г., близок к разрешению. Культурно-массовый сектор Моссовета предложил реорганизовать находящийся в ведении Моссовета Московский коммунальный музей (Музей городского хозяйства) в Музей города Москвы. Московский коммунальный музей представляет собой солидную базу для организации Музея города Москвы. Экспозиция музея построена на основе материалов по реконструкции Москвы. Несмотря на маленькое и непригодное для музея помещение (бывшая церковь против Государственного политехнического музея), Коммунальный музей показывает на картинах, моделях,

макетах, планах, схемах, и пр. все виды нашего городского хозяйства. В вводном отделе сосредоточены материалы, раскрывающие схему построения всей музейной экспозиции. В этом отделе дана общая характеристика основных этапов исторического развития Москвы за восемь веков ее существования и характеристика современной Москвы как политического, экономического и культурного центра СССР. Показ расцвета Москвы — столицы Советского социалистического государства — конечно, неразрывно связан со Сталинской Конституцией. Экспозиция вводного отдела рисует руководящую роль товарища Сталина, московской большевистской организации и Моссовета в строительстве красной столицы. Экспозиция построена на противопоставлении Москвы социалистической Москве феодальной, Москве капиталистической. Этот метод особенно выпукло демонстрирует развитие города и тот исторический путь, который прошла красная Москва. В первой части вводного отдела показана современная Москва — столица социалистического государства, во второй — история Москвы от возникновения (XII век) до Великой Октябрьской социалистической революции. Экспозиция первой части вводного отдела опирается на следующие документы: 1) Июньский пленум ЦК ВКП(б) — 1931 г., 2) речь товарища Сталина на XVII съезде ВКП(б) — 1934 г., 3) цитаты из “Капитала” К. Маркса, посвященные капиталистическому городу, и 4) цитаты из выступлений Л. М. Кагановича на июньском пленуме ЦК ВКП(б) 1931 г., характеризующие социалистический город. Хорошо иллюстрирован отдел музея “Планировка города Москвы”, где собраны старинные и современные чертежи, планы и обширный графический материал по реконструкции Москвы в узком смысле этого слова. Ряд зал посвящен различным отделам городского хозяйства: водопроводу, канализации, освещению, жилищному строительству и пр. Однако в музее пока нет разделов, посвященных таким важным темам, как здравоохранение, на-

родное образование и пр. При реорганизации Коммунального музея в Музей города эти отделы необходимо создать. Экспозиция отделов не показывает всего имеющегося в Московском коммунальном музее разнообразного материала, накопленного им в течение своего сорокадвухлетнего существования. Этого материала много и в запаснике, и в фондах, разбросанных после вывода музея из Сухаревой башни в различных местах. Музей также обладает специальной фундаментальной библиотекой в 50 тысяч томов, находящейся в 7 км от музея, и фотолабораторией с обширной фототекой, помещающейся у Покровских ворот. Как видим, материалов для организации нового Музея города Москвы много. Но это не значит, что Коммунальный музей настолько совершенен, что его остается только переименовать в Музей города Москвы. Над реконструкцией Коммунального музея придется много поработать, значительно пополнить экспозицию его вводного отдела, перестроить экспозицию основных отделов, собрать и обработать материалы для недостающих отделов. Значительные затруднения встретятся при создании отдела истории города. Для начала найдется достаточно вполне доброкачественного материала, вплоть до картин, восстанавливающих прошлое города. Коммунальному музею, например, удалось собрать значительное количество полотен художника-академика А.М. Васнецова, руководствовавшегося при создании своих картин подлинными документами, летописями, научными исследованиями и описаниями. Но для воспроизведения полной истории, конечно, придется собрать и обработать немало дополнительных материалов. Труднее всего будет перестроить отдел реконструкции современной Москвы. Все же и здесь, если приняться теперь же за дело, можно собрать много нужного и интересного материала. Так, Постоянная всесоюзная строительная выставка имеет специальный отдел “Реконструкция Москвы”, где собраны работы архитектурно-планировочных мастерских Моссовета по реконструкции Москвы, генеральная схема плани-

ровки, архитектурные проекты отдельных улиц, архитектурных ансамблей и отдельных зданий и значительные исторические материалы. Там же имеется электрифицированная рельефная карта Москвы площадью в 36 м². В существующем помещении Коммунального музея эта карта даже не поместится. Вопрос о соответствующем помещении будущего музея должен быть поставлен в первую очередь.

Материалы для нового музея можно, безусловно, найти и во многих московских проектных, архитектурных и строительных организациях, в земельных отделах и т. п. При организации Музея города Москвы надо отрешиться от взгляда, что реконструкция Москвы ограничивается строительством (создание, планировка и т. д.). Сталинская реконструкция имеет в виду переделку всей жизни и быта столицы, строительство же составляет лишь часть грандиозного плана реконструкции.

Здесь следует подчеркнуть важность вопроса, затронутого архитектором Колли в упомянутой выше статье. Он указывает, что у нас никто не заботится о собирании материалов, отображающих грандиозную переделку Москвы и о сохранении документов, рисующих ее прошлое. Проф. Колли приводит в пример Охотный ряд, улицу Горького, 1-ю Мещанскую. «Новое строительство столицы, — говорит Н.Я. Колли, — не находит должного отражения в документах, которые должны были бы рассказать о прошлом и о прекрасном настоящем нашей столицы». Действительно, в этом отношении у нас наблюдаются кустарщина, случайность, а иногда бездеятельность или равнодушие. Так, например, в системе Академии наук имеется Комиссия содействия реконструкции Москвы. Однако, никаких результатов ее деятельности пока что не видно. Нельзя не отметить полное бездействие бывшего Центрального и Московского областного бюро краеведения, которые не находили нужным ни продолжать изучение истории Москвы, ни заботиться о сохранении материалов по истории Москвы, об организации научных докладов и работ на эту тему. В результате такого пренебрежения

ного равнодушия собрания ценнейших материалов по истории Москвы разбросаны в разных местах. Так, собранные по истории Москвы несколько тысяч томов вместе с картотеками были перевезены несколько лет тому назад в Истринский музей, за 70 км от Москвы.

В 1936 году в Областное бюро краеведения была перевезена картотека журнальных и газетных статей по истории Москвы, начиная с XVIII века. Картотека являлась частью ценнейшего собрания материалов по истории Москвы. Бюро не приложило никаких стараний, чтобы получить остальные части этого собрания материалов. После ликвидации Областного бюро краеведения это собрание поступило во Всесоюзную библиотеку имени В.И. Ленина вместе с большим рукописным архивом Комиссии по изучению старой Москвы при Московском археологическом обществе. Этот архив включает в себя около 500 протоколов заседаний, разную переписку и большое количество докладов. <...> Между тем у ряда собирателей до сих пор сохранились материалы по истории Москвы в виде библиотек, картотек и отдельных предметов, которые могли бы пополнить собрание Музея города Москвы. С концентрацией этих материалов надо спешить, так как они могут распылиться и попасть в случайные руки. Необходимость немедленно начать реорганизацию Московского коммунального музея в Музей города Москвы, сконцентрировав вокруг него всю научно-исследовательскую работу по истории Москвы, ясна. До окончательного разрешения вопроса Коммунальный музей должен теперь же приступить к организации историко-археологических исследований по трассам метро, реконструируемым площадям и улицам, берегам московских рек и другим пунктам Москвы, связанных с земляными работами, начать учет и сбор материалов по истории Москвы, разбросанных по разным учреждениям и находящихся у частных лиц. Музей города Москвы должен быть организован в наикратчайший срок».

7 февраля 1940 года Московский коммунальный музей был переименован в Музей истории и реконструкции Москвы.

У Китайгородской стены в районе Новой площади, в центре кадра — церковь Апостола Иоанна Богослова под Вязом, 1900–1910-е годы

Ознакомьтесь с коллекцией Музея Москвы, не выходя из дома

Открытка. Москва. У Китайской стены. Kitaiski Proiesd. 1910–1920-е годы

Лефортово моей юности. Памятные фрагменты исторической географии района

Анастасия Трунькина. «Водонапорная башня»

В.Ю. Пирогов, начальник Управления сохранения объектов археологического наследия Департамента культурного наследия города Москвы

В 1968 году моим родителям выделили отдельную двухкомнатную квартиру в блочной одноподъездной девятиэтажке – «родственнице» панельных «хрущёвок». Дом под № 10/12 по улице Госпитальный Вал постройки 1966 года находился на окраине исторического района Лефортово. Таким образом, мы переехали с запада старой Москвы, с Пресни, на восток.

В позднесоветское время Лефортово являлось составной частью Калининского района Москвы, протянувшегося от Старой площади до Андроновского шоссе. До войны большая часть нынешнего Лефортова относилась к Первомайскому району, а северо-восточная часть, включая военный госпиталь и Введенское кладбище – к Сталинскому району столицы.

Место, где нам предстояло жить, было насыщено памятниками истории и культуры. Рядом находилось упомянутое Введенское кладбище, основанное во время эпидемии чумы 1771 года. Его территория занимала правый крутой берег речки Синички – левого притока реки Яузы. Речка в XX веке была забрана в коллектор и её долина узнаётся по крутому спуску и подъёму у северных ворот некрополя.

Далее Госпитальный Вал вливался в Госпитальную площадь, на углу которой располагалось огромное здание военного госпиталя, давшего название Валу, площади, улице и отрезку набережной Яузы.

За Госпитальной площадью раскинулся массив Лефортовского парка – тогда парка Московского военного округа (МВО). Этот зелёный оазис для всего прилегающего района был заложен на левом берегу реки Яузы ещё в начале XVIII века как усадьба сподвижника Петра Великого графа Ф.А. Головина.

Наша девятиэтажка стояла в начале Княжекозловского переулка, названного по фамилии князя Козловского, владевшего некогда здесь участками земли. Вдоль переулка и параллельной ему Ухтомской улице (бывшей Александрo-Михайловской) стояло много бревенчатых двухэтажных барачков на несколько семей каждый.

Рядом с нашим домом тоже стоял подобный деревянный барак. В нём жили некоторые друзья моего детства и юности. Летом от его стен пахло старыми просмоленными брёвнами. Внутри

были крашеные дощатые полы и коридорная система коммунальных квартир. Под его кирпичный цоколь мы, мальчишки, прятали «клады» в виде упакованных в коробку из-под монпансье старых отечественных или иностранных монет.

Иногда я приходил в этот барак в комнату к другу делать уроки, а вокруг была обстановка деревенского быта. Металлические кровати с шишечками, радиолы «Sakta», покрытая вязаной салфеткой, круглый стол и герань на подоконниках. Рядом был обширный внутренний двор, где за столиками «резались» в домино еще не старые ветераны недавней войны. А совсем на задах стояли стеной дощатые сараи и короб с крышкой для сбора пищевых отходов, источавших невыносимое амбре.

В этих домах не было толком и водопровода, поэтому вдоль улиц во множестве стояли водоразборные колонки с короткой ручкой для качания воды. Такие и сейчас можно встретить в провинции, а тогда они стояли по всей окраинной исторической Москве.

Колонки были любимы детворой. В жаркий день из них можно напиться в любое время. Наполнить брызгалку, сделанную из выброшенных пластиковых флаконов от бытовой химии.

За двором барака стояла трёхподъездная пятиэтажка, возведённая в 1964 году (Княжекозловский пер., 6). Она заняла место нескольких деревянных домов. Таких «хрущёвок» в нашем микрорайоне было построено изрядно. Не так давно несколько из них снесено по программе реновации. В этом доме жили ребята враждебного нам двора. С подростками этого здания мы, жители Госпитального Вала иногда перекидывались камнями, но случались и перемирия.

В кирпичных и панельных домах, бараках района Ухтомской улицы – Княжекозловского переулкa жили в основном рабочие близлежащих заводов, служащие и инженерные работники разных фабрик, контор, проектных НИИ и «почтовых ящиков».

К концу XIX века вся периферия Москвы вокруг центрального ядра города представляла собой промышленно-пролетарский

пояс. Вторая столица в границах старой таможенной черты – Камер-Коллежского вала, была окружена выгонными полями и по мере роста города эти пустоши застраивались предприятиями и рабочими посёлками рядом с ними. Таковым в основном и являлось в предреволюционное время окраинное Лефортово – некогда царская резиденция и кузница по подготовке офицерских кадров. В советское время здесь построены новые предприятия и НИИ, что усилило и без того немалый процент промзон района.

Таких предприятий в то время существовало изрядное количество. На проспекте Будённого (бывший Мейеровский проезд) в районе Соколиной горы располагался большой завод «Салют». Завод изготавливал авиационные двигатели, от испытания которых стоял шум по всему району и специфический запах от отработанного топлива. В начале Авиамоторной улицы находился большой комплекс института авиационного моторостроения, от которого получила своё название самая длинная улица Лефортова.

Между улицами Золоторожский Вал и проездом завода «Серп и молот» коптило на всю округу знаменитое металлургическое предприятие «Серп и молот» (бывшее Гужона). За Шоссе Энтузиастов находились крупные заводы «Москабель» и «Компрессор» (бывший Дангауэр и Кайзер). Чуть далее по Авиамоторной улице в сторону Курской железной дороги огромные площади занимали Научно-исследовательский институт космического приборостроения и ОАО «Альтаир», занимающееся вопросами создания систем управления и связи.

В районе Самокатной улицы стояли кирпичные корпуса заводов «Мосштамп» и Московского ликёро-водочного. Рядом с нашим домом существовали фабрички и поменьше. Такие как кожевенно-фурнитурная артель на Ухтомской улице, галстучная фабрика на Новой дороге.

От Госпитального Вала начиналась Боровая улица, вся нечётная сторона которой являлась сплошной промзоной. Открывала эту застройку территория «Московской чаеразвесочной фабрики им. В.И. Ленина». Изначально Московская чайная фабрика была основана Ф.М. фон Вогау – «рус-

ским» немцем, создателем торгово-промышленной фирмы – торговый дом «Вогау и Ко». Затем, для торговли и обработки разных сортов чая в 1893 году учреждается АО «Караван». Производство её находилось в здании на Проломной ул., 17 в районе Рогожской.

Рогожская чайная фабрика была национализирована в 1919 году, а в 1933 году построили её новый корпус на Боровой улице. Эту фабрику наш класс посетил однажды в составе школьной экскурсии. Я и сейчас помню обширный фасовочный цех в чайной пыли, клубящейся в лучах солнца, крепкий запах чайного листа и станки, упаковывающие стандартные советские пачки чая. Сейчас чаеразвесочная фабрика на Боровой получила новый бренд «Никитин» и функционирует как Московская чайная фабрика.

Далее, по адресу Боровая ул., 7, располагался завод тракторных гидроагрегатов. Он был основан в 1896 году как сталелитейный. С 1911 года до революции входил в АО «Шестерня-Цитроён», где выпускались снаряды и шевронные шестерни. С начала 1950-х годов начался выпуск первых шестерённых насосов для тракторов. В 1990-е производство в Москве стало нерентабельным и заводское оборудование было перевезено в Белгород.

Постепенно с середины 1950-х деревянные коммунальные дома заменялись многоэтажными зданиями разных серий со всеми удобствами. На моих глазах завершался блочный девятиэтажный дом 8/1 по Госпитальному Валу.

Надо сказать, что наша чётная сторона Госпитального Вала от путей Казанской железной дороги и до Введенского кладбища была застроена строчкой таких стандартных блочных домов с магазинами. Дом 2/22 у Боровой улицы имел у себя популярный в определённых кругах пивбар, магазин в доме 1/18 на углу с Ухтомской улицей был продуктовым, при доме 16/2 – парикмахерская. В моём доме 10/12 размещалась булочная, а дом 8/1 был с книжным магазином.

Перед этими домами вдоль Госпитального Вала шёл неширокий бульвар со скамейками – место отдохновения пенсионеров, мам с колясками и приют местных выпивох.

Параллельно бульвару шли трамвайные пути. Трамвай был одним из основных видов транспорта в нашей округе. В Москве тогда, в основном, ездили трамваи двух типов: «бронированный» МТВ-82 (Московский трамвайный вагон), выпущавшийся на Тушинском заводе №82 и чехословацкие Татры – Т-2 и Т-3. Трамваи под номерами «38», «46», «50» ходили в сторону Преображенки, Измайлова, Шоссе Энтузиастов и Рогожской заставы. Трамвай здесь существовал с дореволюционных времён. В воспоминаниях К.Г. Паустовского в книге «Беспокойная юность» есть строки, как во время 1-й Мировой войны он сопровождал раненых в военный госпиталь на специальном трамвае. «Каждую ночь, часам к двум, когда жизнь в городе замирала, мы, трамвайщики, подавали к Брестскому вокзалу белые санитарные вагоны. Внутри вагонов были устроены подвесные пружинные койки. <...> Чаше всего мы возили раненых в главный военный госпиталь в Лефортово. С тех пор воспоминание о Лефортове связано у меня с осенними холодными ночами. Прошло уже много лет, а мне всё чудится, что в Лефортове всегда стоит такая ночь и в ней светятся скучными рядами окна военного госпиталя».¹

Нечётная сторона стороны нашей улицы до начала 2000-х была застроена конструктивистским кварталом с кирпичными домами для рабочих – калиброванных четырёхэтажек с малой площадью квартир. Это один из проектов конца 20-х годов XX века, в котором использовались минималистские принципы интернациональной архитектуры. Сейчас этот район полностью снесён и на его месте построены не менее стандартные бетонно-кирпичные жилые здания известной серии П-44-Т.

Причиной сноса старого квартала по мнению некоторых исследователей стало «крайне тяжёлое техническое состояние построенных в 1920-30-е годы зданий, обусловленное изначально плохим качеством строительных материалов, физически и морально устаревшая система их технического оснащения, а также существенно изменившиеся к настоящему времени требования ком-

Вид на старую застройку Солдатской улицы у храма Петра и Павла. Фото автора. 1979 год

Здания Золоторожского трамвайного депо. Фото начала XX века

Застройка на месте дома №9 по Красноказарменной ул. Фото 1950-х годов из архива Мосгорнаследия

Панорамный вид на застройку общины сестёр милосердия «Утоли моя печали» с Госпитального плаца. Фото начала XX века

Вид в сторону микрорайона (не сохранился) на Госпитальном Валу от Гольяновской улицы. Фото 1930-х годов

фортности проживания и устройства быта»².

Севернее Госпитального Вала на бровке надпойменной террасы реки Яузы возвышалась громада серого многоэтажного дома, построенного для рабочих завода «Серп и Молот» (ул. Госпитальный Вал, д. 5, кор. 18). Его классические портики, фронтоны, вазоны и балюстрады над карнизами отсылали к рафинированному сталинскому стилю. Авторами этого грандиозного жилого здания были молодые архитекторы Ф.А. Новиков и И.А. Покровский творившие под руководством маститого зодчего И.Н. Соболева.

Вот как описывает Феликс Новиков историю проектирования и строительства дома на Госпитальной набережной в своей книге «Зодчие и зодчество»: «Здесь я начинал свою творческую карьеру, и дом «Серпа» был первым, вошедшим в стройку. Именно здесь я впервые, увидел растущие из земли стены своего сооружения, сюда впервые пришёл на авторский надзор, тут впервые понял связь чертежа и натуры <...> Молодые зодчие – я и мой сверстник Игорь Покровский, с которым мы вместе строили наш первый дом, почувствовали вкус авторского удовлетворения. Ещё бы! Такое заметное сооружение! Только здесь непременно надо сказать слово благодарности нашему мастеру – Ивану Николаевичу Соболеву. <...> Маэстро деликатно консультировал подмастерьей, обсуждая детали классических ордеров, изображаемых нами на эскизах. Он со знанием дела, по памяти, твёрдой рукой и тонкой линией рисовал профили классических карнизов, которые нам следовало принять за образец»³.

В цоколе дома-гиганта находился большой хозяйственный магазин, где всегда пахло мылом, клеёнкой, паклей и стиральным порошком. В проездных арках, напоминающих триумфальные, всегда дуло свежим ветром с реки.

В низине, между домом и набережной находился стадион «Металлург» – «домашняя» спортивная площадка завода. Зимой там заливали общедоступный каток, где я осваивал катание на неудобных коньках типа «гаги»⁴.

Там же со склонов высоких покатых берегов мы с ребятами спускались на санках, а то

и просто на подручных картонках. На этих горках я нашёл кем-то выброшенную книгу-учебник издания 1891 года «Краткое руководство всеобщей географии для городских и уездных училищ» Н. Раевского. Это была первая в моей жизни собственная старая книга. Я с любовью дома утюгом разгладил мокрые страницы, подклеил их и это издание сохранилось до сего дня.

Левее стадиона в бывшей долине речки Синички находилась улица Новая дорога. Она выходила на Госпитальную набережную к горбату Рубцову мосту, ведущему на правый берег Яузы.

Где-то в этом месте, ближе к госпиталю, в начале XVIII века располагалась усадьба Николааса Бидлоо – придворного лейб-медика Петра Великого, приглашённого в Россию в 1702 году.

Место для усадьбы доктору по его просьбе было пожаловано Петром в 1710 году. На сохранившихся собственноручных рисунках Н. Бидлоо 1730 года представлена планировка со многими садовыми и водными затеями в виде небольшого увеселительного сада. «В целом планировка усадьбы отличается глубокой продуманностью и характеризует создателя усадьбы, Бидлоо, как знатока садово-паркового искусства. Он получил эти знания в Голландии, где встречались усадьбы подобного рода. <...> это ансамбль, созданный на основе книжного постижения европейского опыта второй половины XVII-XVIII вв. в области садово-паркового искусства, – здесь мы находим сложную форму прудов, оснащение их периметра балюстрадами, устройство террас. Отбивку пересечения осей статуями и вазами, применение классических ордеров. Обращение к образам античной мифологии и прочее, что диктовалось теорией европейского садово-паркового искусства данной эпохи»⁵.

Некоторые планировочные идеи этой усадьбы были положены в основу императорского Головинского сада, когда Бидлоо формировал водный парк для своего монаршего покровителя.

На одном из рисунков усадьбы доктор пишет: «Его Величество пожаловал мне маленький участок земли рядом с садом госпиталя, где я создал для себя сад и

прелестную деревенскую жизнь, потворствуя в этом моим врождённым вкусам. И как только этот сад, достаточно маленький, был удачно вписан в соответствующую географическую ситуацию, так прелестно посажен и взращен, он мог понравиться Его Императорскому Величеству настолько сильно, что я был почтён частыми визитами монарха»⁶.

К концу 1970-х годов все улицы моего района были застроены панельными и блочными домами разного калибра и этажности. Деревянная застройка некогда окраинного Лефортова уступала место типовому жилью. Тут можно проследить последовательность замены одного вида домов на другой.

Когда это был ближний пригород, здесь стояли одноэтажные деревянные домики с собственными садами и огородами. В раннесоветское время строится большое количество бревенчатых бараков для коммунальных квартир рабочих. В 1920-е годы появляются локальные островки конструктивистских домов, чуть позже – точечная застройка в стиле «сталинского ампира». После известного постановления ЦК КПСС и Совмина «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» 1955 года, происходит массовая замена ветхого жилья на пятиэтажки, девятиэтажки и т.д. Архитектор Ф. Новиков так пишет об этом периоде: «Н.С. Хрущёв, сменивший Сталина на Олимпе партийной власти, собрав в Кремле строителей страны и назвав все наши творческие деяния «излишеством», пригвоздил архитектурное братство к позорному столбу. Это по нашей вине народ испытывает нужду в жилище. Это мы расточительствуем, украшая свои фасады. Тщеславие зодчего – причина всенародного бедствия. Кто-то для острстки был лишён сталинской премии, присуждённой ранее за достижения в «освоении классического наследия». Дело было нешуточное. Надо было всеми средствами снижать стоимость строительства»⁷.

Проекты зданий новой архитектуры рождались в недрах Московского НИИ типологии и экспериментального проектирования (МНИИТЭП). Эти здания имели специальную аббревиатуру серий, присвоенную им разработчиками плани-

ровки домов. Так, пятиэтажки, знаменитые панельные «хрущёвки» строились с конца 1950-х до 1975 года и имели код I-515/5 с различными модификациями. Кирпичные «хрущёвки» серии I-511 возводились до 1969 года, как например дом №23 по Крюковской улице, на первом этаже которого ныне размещён музей «Лефортово». Здание это мне памятно тем, что здесь ранее была наша районная поликлиника №133.

Дом, в котором я жил с родителями – блочная девятиэтажка, – имел серию II-18. Здания такого типа строились в 1962-1972 годы. Они были первые в своём роде высокоэтажными индустриальными зданиями с лифтами, со всеми удобствами (но по минимуму).

Кирпичные дома переходного типа постройки конца 1950-х гг. были из серии К-7, как дом № 6 по Ухтомской улице.

Из большого количества серий широко распространённых в городе и Лефортове стоит упомянуть 14-ти этажные башни серии II-209А, покрытые серой фактурной крошкой (строились с 1970 по 1980 год).

Дом на Ухтомской, 8 довольно редкой серии II-46. Проект его разрабатывался совместно с чешскими архитекторами.

Оптимистически звучат слова о современном жилье в Калининском районе Москвы, как части строящегося образцового коммунистического города в статье 1976 года «Новь старого района»: «Намечено резкое улучшение качества нового строительства, и прежде всего за счёт существенного улучшения планировки квартир. Благодаря изменению пропорции жилых комнат, которые станут значительно шире, увеличится площадь общих комнат, а также подсобных помещений»⁸.

Надо всё-таки отдать должное неказистым зданиям первых МНИИТЭПовских серий. Они решили непростые проблемы миллионов москвичей, выехавших из полуподвалов, бараков и коммуналок в отдельные квартиры.

«В условиях перенаселения не только квартир, но и жилых комнат нужно было находить хоть какой-то, хотя бы элементарный, выход <...> Посмотрим, что же это были за дома. В которых квартиры

предназначались для одной семьи, но с улучшенными удобствами: без лифтов, с высотой потолка не более 2,5 м, с проходными комнатами: общий метраж даже трёхкомнатной квартиры не превышал 50 кв.м, кухни – четырёхметровые, однокомнатные квартиры с совмещёнными санузлами. А сами дома? Разной категории: одни из обожжённого красного кирпича – на десятилетия, другие из железобетонных плит и с таким же подвалом без срока износа, и наконец, из панелей, которым уже через пять-шесть лет требовался ремонт»⁹.

Сегодня, хотим ли мы этого или нет, бетонные многоэтажки сформировали облик не только Лефортова, но и остальных районов столицы. Архитектура МНИ-ИТЭПовских домов определяет восприятие города не у одного поколения москвичей.

Княжекозловский переулок был для меня основной трассой нашего микрорайона. Этот путь я прошёл сотни раз, так как в конце его на углу Лонгиновской и Ухтомской улиц стояла моя родная школа № 430. В этой школе я учился 8 лет, с 1969 по 1977 год. Здание из красного кирпича появилось здесь в 1935 году в период массового строительства подобных учебных заведений. Типовой проект, положенный за основу школы № 430 Калининского района, разработал уроженец Одессы архитектор К.И. Джус-Даниленко.

Это школа так называемой «южной ориентации» – главный фасад которой ориентирован на юг. Первое подобное здание построено на Усачёвке. С разными вариациями проект был реализован более чем в 60 постройках на территории Москвы.

Вспоминается один любопытный эпизод из школьной жизни того времени. Однажды, на уроке истории молодого преподавателя «допёк» своим поведением наш одноклассник Саша К. После нескольких замечаний неугомонному Шурику терпение у «историка» лопнуло и он, схватив распоясавшегося остролова за шиворот и ремень штанов, к всеобщему веселью класса выкинул его через дверной проём в коридор. Да, такие вольные нравы были тогда. Посмели бы нынешние учителя хоть пальцем тронуть непослушного ученика...

В треугольном сквере перед школой в 1989 году был установлен гранитный бюст героя революционных событий 1905 года, эсэра, машиниста А.В. Ухтомского, изваянный скульптором И.Л. Замедянским.

По пути в школу в том же переулке находилась большая гора металлолома. Я со своими друзьями там иногда рылся, надеясь найти что-нибудь интересное. Однажды мне там попался футляр-тубус для противогаза армии Вермахта, так называемый газбак. На внутренней стороне его крышки была приклеена бумажка с фамилией владельца. Жалею, что не сохранил такой раритет.

Также помню ещё старьевщиков, принимавших разное тряпье. За определённое количество старья они давали детям разные игрушки. Например, мне однажды достался свинцовый макет пистолета, «стреляющий» пистонами.

Наш район у Госпитального Вала, как я уже упоминал, был вполне исторический. На поверхности земли здесь можно было найти старые монеты. Так, в окрестностях своего дома я нашёл в разное время монету 15 копеек 1932 года, полкопейки эпохи Николая II, серебряный двухгривенный 1912 года, медный пятак 1924 года.

Параллельно Княжекозловскому переулку проходит Крюковская улица, соединяющая Госпитальный Вал и Лонгиновскую улицу. Улица возникла в начале XX века как проезд вдоль кладбища. На картах середины XIX века здесь обозначено село Александровское, принадлежавшее М.А. Лонгиновой, в девичестве Крюковой, – дальней родственнице М.Ю. Лермонтова.

По чётной стороне улицы с восточной стороны Введенского кладбища до конца 1980-х года стояли самодельные гаражи. Мы, мальчишки, по проходам между гаражами проникали на кладбище. Некоторые наиболее «оторванные» находили в свежевыкопанных ямах под могилы человеческие черепа и, надев их на палку, бегали пугая ребят. Да, было и такое.

Этот некрополь с детства запал мне в душу, как особое таинственное и вместе с тем красивое место. Здесь стояли старые надгробия с немецкими надписями, мрачные склепы и кованые ограды. Со

Часовня XIX века на Центральной аллее Введенского кладбища. Фото автора. 1996 год

стороны Госпитального Вала и Наличной улицы располагались монументальные кирпичные входы с фигурными металлических воротами.

Кладбище для лиц иноверческих христианских вероисповеданий было основано во время эпидемии чумы в 1771 году на окраине города – на Введенских горах. Место ему выделили у самой границы городской черты с внутренней стороны Камер-Коллежского вала. Территория некрополя заняла часть земли крестьян села Введенского на правом крутом и овражистом берегу речки Синички или Лефортовского ручья.

Решение для выделения участка под кладбище было выдано на основании указа Правительствующего Сената 29 сентября 1771 года. План его в то время представлял из себя прямоугольник со сторонами 53 x 62 сажени, примыкающий своей северо-западной стороной к Камер-Коллежскому валу.

Квадрат земли, с которого начиналось кладбище, был занят умершими разных протестантских и католических приходов: храмов Свв. Петра и Павла, Св. Михаила. Евангелическо-реформатской и Англи-

канской церквей. В конце XVIII века в Москве проживали иностранцы в основном лютеранского вероисповедания, но были и католики. Позднее, когда некрополь в начале XIX века расширился вдоль реки на северо-восток, всю среднюю его часть занял Католический участок приходов католических храмов Св. Людовика на Малой Лубянке и Свв. Петра и Павла в Милютинском переулке. За католическим, примыкая к Наличной улице, расположился новый лютеранский участок. При каждой конфессиональной территории были выстроены караульни с садами. На богатых фамильных участках появились склепы-усыпальницы. Если бы это не было кладбище, то по окультурности территории это место можно было принять за пейзажный парк.

Топографические особенности расположения кладбища этого времени отразились даже в русской исторической литературе XIX века. Герой романа Г.П. Данилевского «Сожжённая Москва» Илья Тропинин, скрываясь от французских патрулей, прячется именно на нём: «Только плёсо ручья и часть ближней рощи были освещены вышедшим из-за

облаков месяцем. Илья знал, что к роще за ручьём примыкало Введенское кладбище, а далее шли овраги, сплошной лес и поля»¹⁰.

В конце XIX века к кладбищу присоединяются новые земли и происходит членение его территории на квадраты участков. Тогда же начинает размываться конфессиональная принадлежность секторов некрополя. К могилам лютеран и католиков на новых участках присоединяются и православные захоронения.

Краевед А.В. Саладин, посетивший Иноверческий некрополь в 1916 году, так описывает свои впечатления от него: «Памятники на первый взгляд ничем, кроме, конечно, надписей, не отличаются от православных, и, только обойдя кладбище, можно убедиться, что здесь не заметно тех грубых гробниц и аналогов из песчаника с украшениями и фигурами, которых так много на православных кладбищах. Большинство памятников скромны и просты. Среди них нередко встречаются произведения настоящего современного искусства. Всё это надгробия московских коммерсантов-иностранцев, людей, обладающих значительными средствами. Фамилии Кноп, Вогау, Йокиш, Эйнем, Бодло, Пло, Мюллер, Эрлангер и т. д. здесь пестрят на многих памятниках, напоминая вывески Мясницкой улицы и Кузнецкого моста»¹¹.

Содержание некрополя регламентировалось «Уставом Комитета кладбища иностранных исповеданий», имевшим свою печать и бюджет.

После революционных потрясений Москву вынужденно покинула значительная часть иностранцев, но указанный Комитет заведовал кладбищем на Введенских горах вплоть до 1930-х годов и здесь соблюдался относительный порядок.

После Великой Отечественной войны конфессиональный признак кладбища окончательно размывается и оно превращается в обычный советский, но престижный некрополь. Ауру старины и необычности и сегодня ему придают надгробия с латинским шрифтом, обветшавшие от времени склепы и саркофаги, имена известных в своё время в Москве иностранцев.

Сейчас здесь захоронено более 50 Героев Советского Союза, около 800 – учёных и конструкторов, 300 – артистов и композиторов, 180 – художников, скульпторов и архитекторов¹² и многих других известных и не очень людей. Уникальное для столицы Введенское кладбище недавно стало вновь выявленным объектом культурного наследия. Проводится последовательная реставрация ценных исторических и художественно значимых надгробий.

К юго-западу от кладбища находится Госпитальная площадь. От неё к Яузе отходила Госпитальная, а в сторону Авиаторной – Солдатская улицы. Эти места и были ядром той Лефортовской солдатской слободы, основанной в конце XVII века для полка сподвижника Петра I Франца Лефорта – швейцарца на русской службе.

В 1692 году Лефорт был назначен командиром Первого выборного бывшего генерала Шепелева солдатского полка, получившего название Лефортовский. «Боевой выучке вверенных ему <...> восемнадцати тысяч солдат и офицеров Ф. Лефорт уделял первостепенное внимание. На левом берегу Яузы против собственного дома он устроил большой плац для учений и манёвров. За их ходом из специально оборудованной беседки часто наблюдал сам царь. В сентябре 1692 года по его распоряжению вблизи плаца началось строительство пятисот домов под казармы полка»¹³.

От тех исторических времён здесь ещё в 70-е годы прошлого века частично ещё сохранялась регулярная планировка слободы, на землях которой позднее построены корпуса больницы № 29 и панельные многоэтажные жилые дома.

Центральное место здесь до сих пор занимает каменная церковь Петра и Павла в Солдатской слободе. Первоначально слободской храм был деревянным, как и казарменные дома вокруг.

Лефортовский полк перестал существовать в 1791 году. Переименованные в 1922 году Петропавловская улица и переулок получили название Солдатских – в память о бывшей слободе.

Петропавловский храм имеет традиционную церковную архитектуру в виде ком-

пактного объёма, увенчанного пятиглавием с куполами луковичами с приделами во имя Иоанна Богослова и Преподобного Сергия Радонежского. С запада к обширной трапезной пристроена колокольня шатрового типа. Церковь была освящена в 1711 году, но её формы характерны для второй половины XVII века. Храм никогда не закрывался и служил центром притяжения для всех верующих обширной Лефортовской округи.

Церковь не раз ремонтировалась и перестраивалась – после большого пожара 1737 года и после эпидемии чумы, случившейся в 1771 году. «В пожар 1812 года здание не пострадало, но утварь была разграблена и сгорела пятая часть приходских дворов. <...> Петропавловский храм серьёзно пострадал во время страшного урагана, пронёсшегося над Лефортово 16 июня 1904 года. Были снесены и погнуты кресты, раскрыта крыша. В память об этом стихийном бедствии было решено совершать ежегодный крестный ход»¹⁴.

Для меня, родившегося и жившего в советское время, действующие храмы, и происходившие в них литургические таинства, отдавали седой древностью. Это было некоей загадкой в жизни «образцового коммунистического города» строившего светлое будущее без отживших своё культов. Но видно социалистическая действительность не очень отталкивала людей от традиционной веры.

В пасхальные службы территория у храма Петра и Павла бывала переполнена народом – верующими и просто любопытствующими. Я, подросток, с любопытством наблюдал из-за голов народа, оцепления милиции и дружинников за театрально обставленным крестным ходом, освещающим окрестности живым огнём горящих свечей.

К востоку от церкви вдоль Солдатской улицы ещё сохранялись дореволюционной постройки одно-двухэтажные каменные и деревянные дома. Некоторые с фигурными наличниками и угловыми башенками на крыше. Эти домики я фотографировал в конце 1970-х годов на свой «Зоркий-4K», уже тогда осознавая, что такую Москву уже не вернуть. Она останется только на снимках.

К Олимпиаде-80 все старые дома тотально снесли и на образовавшемся пустыре между Солдатской улицей и 2-м Краснокурсантским проездом были построены временные столовые для обслуживающего Олимпиаду персонала.

В 1985 году всё это пространство застроено мрачноватого вида светло-коричневыми многоэтажками серии П-55. Они окончательно уничтожили колорит патриархальности района Лефортовской слободы.

Надо сказать здесь и о второй архитектурной доминанте исторического Лефортова – военном госпитале. Громады его корпусов привольно раскинулись между Госпитальным Валом и рекой Яузой. Они впечатляли меня в детстве своей классической красотой и неприступностью не менее, чем загадочное Иноверческое кладбище.

Госпиталь – первое в России медицинское учреждение, – был основан вместе с Медико-хирургической школой по указу Петра I в 1706 году, который гласил: «...построить за рекою Яузой против Немецкой слободы в пристойном месте госпиталь для лечения болящих людей. А у того лечения быть дохтору Николаю Бидлу, да при нём двум лекарям <...> А на строение, и покупку лекарств, и на всякие к тому делу принадлежащие вещи, и на дачу дохтуру и лекарем и учеником жалованные деньги держать в расходов из сборов Монастырского приказа»¹⁵.

Первые деревянные госпитальные постройки вдоль Яузы были возведены под смотрением уже упоминавшегося мною голландца Н. Бидлоо – медика, выпускника Лейденского университета. Изначально в госпитале лечили всех желающих, а в 1755 году он передан из Синодальной коллегии в Военную и стал именоваться Московским Генеральным сухопутным госпиталем.

Нынешнее главное госпитальное здание дворцового вида построено на рубеже XVIII-XIX вв. по проекту ученика В.И. Баженова и М.Ф. Казакова архитектора И.В. Еготова. Его торжественная архитектура с лепными барельефами и капителями хорошо гармонирует с расположенным по соседству дворцово-парковым ансамблем Головинского сада. Под треу-

гольным фронтоном главного портика по Госпитальной улице до сих пор красуется надпись – «Военная гошпиталь». В довоенное время он назывался Московский коммунистический военный госпиталь, а сейчас это Главный военный клинический госпиталь имени академика Н.Н. Бурденко.

Ансамбль зданий военного госпиталя по Госпитальной улице дополняют расположенные по чётной стороне четыре сохранившихся дома Александровского убежища вдов и сирот Московского Братолюбивого общества, организованного в 1861 году княгиней Н.Б. Трубецкой для снабжения неимущих с детьми квартирами.

По проекту архитектора И.П. Машкова здесь в 1902 году были построены два двухэтажных «именных» дома с декором в стиле XVII века – корпус имени Королёвых и имени Р. Мак-Гилль. «Значительную часть подобных построек составляли богадельни, которые Машков возводил в разных районах Москвы по заказу <...> общества, где с 1895 года он был главным архитектором. Все богадельни имели сходную функциональную структуру. Они состояли из групп жилых комнат с парадной лестницей и групп хозяйственных помещений (кухни, кладовые, туалеты и др.), связанных с «чёрной» лестницей»¹⁶. Два дома по краям выдержаны в неоклассической стилистике начала XX века. Два несохранившихся дома были снесены в советское время.

Этот архитектурный тандем комплекса «вдовьих домов» Братолюбивого общества и фасада госпиталя с монументальным портиком со сдвоенными колоннами коринфского ордера служит для меня и по сию пору образом старого Лефортова.

Нельзя здесь не упомянуть и об одном исчезнувшем раритете, оставшимся только на фотографии. Речь идёт о чугунном люке городской канализации, находившимся напротив угла госпитального здания у входа в Лефортовский парк. Это литая крышка продолговатой формы, изготовленная в городе Нижнеднепровске в 1932 году. При очередной реконструкции дорожного покрытия оригинальный люк утрачен и заменён на стандартный, круглой формы.

Напротив храма по Солдатской улице находится ещё одно медицинское учреждение – Городская клиническая больница №29 им. Н.Э. Баумана. Она занимает исторический участок Александровской общины сестёр милосердия «Утоли моя печали», основанной в 1872 году княгиней Н.Б. Шаховской на территории усадьбы, купленной ею у купца Матвеева.

За кирпичной полупрозрачной оградой до революционной постройки просматривается здание, построенное в 1820–е годы, как полагают специалисты по проекту архитектора А. Жиллярди.

В советское время на земле больницы появилось несколько новых корпусов. В одном из них однажды некоторое время находился и я, имея возможность изучить все её исторические постройки.

Первоначально общинная больница была рассчитана на 100 мест. При главном корпусе был устроен больничный храм в два яруса. В 1902 году на территории общины возведена церковь Воскресения Словущего, существующая и ныне.

Неподалёку от храма, госпитальных и больничных построек на левом берегу Яузы привольно раскинулся старинный Головинский сад. Это бывший императорский дворцово-парковый ансамбль, а в советское время ставший парком культуры и отдыха МВО, а позднее Лефортовским парком. Главная аллея парка была ориентирована на центральную ось госпитального портика и выходила к Красноказарменной улице.

Ландшафтная композиция парка развивалась с начала XVIII века, когда его владельцем был граф Ф.А. Головин. Ядром усадьбы стал его собственный дом-дворец новой архитектуры и прямоугольный пруд перед ним.

После смерти графа в 1706 году усадьбу у его наследников в 1722 году купил Пётр I с намерением устроить здесь собственную загородную резиденцию.

Планировкой нового императорской усадьбы занимается Н. Бидлоо, разработавший в 1723 году план разбивки «водяного сада» в голландском духе.

Берега вновь устроенных каналов, островов, дамб укрепляются деревянными конструкциями. Берега посыпаются грунтом и местами выстилаются камнем. К

северу от Прямоугольного пруда Головинской усадьбы заложен зелёный партер с круглыми площадками, продолжавшийся к Яузе декоративной подпорной стенкой и вытянутым Крестовым прудом. На островах водного партера устроены деревянные беседки, менажерия и другие затеи.

После смерти императора в 1725 году в обустройстве Головинского сада наступает некоторый застой. С вступлением на престол племянницы Петра – Анны Иоанновны, – сад на Яузе назначается летней монаршей резиденцией.

Центром новой садово-парковой композиции становится новый двухэтажный деревянный дворец протяжённостью по фасаду более 200 метров, построенный по проекту молодого архитектора Ф.-Б. Растрелли.

Перед дворцом, на всю его длину, устраивается П-образный Анненгофский канал и белокаменная подпорная стенка – Анненгофская кашкада. Архитектурные детали этой стенки были обнаружены во время раскопок 2002 года.

После воцарения Елизаветы Петровны Анненгоф переименовывается обратно в Головинский сад. Садовые постройки, «водные затеи» подвергаются косметическому ремонту, строятся новые вспомогательные сооружения. «С появлением новых сооружений изменился принцип построения ансамбля, усилилась его живописность. Отсутствие единой центральной оси, составленность из нескольких зон, многоплановость композиции, состоявшей из ряда объёмов, многофасадный характер зданий <...> – всё это роднило Лефортово с древнерусскими усадебными комплексами»¹⁷.

В 1751 и 1771 годах крупные пожары уничтожили большую часть летнего дворца с тронной залой. Анненгоф и парк постепенно ветшали.

Императрица Екатерина II, сообразуясь со вкусами нового времени, переделывает Головинский сад на английский пейзажный манер. На старых фундаментах Летнего Анненгофа возводится новый каменный Екатерининский дворец с колоннадами Д. Кваренги.

Лефортовский парк или парк МВО памятен мне, школьнику, по лыжным пробежкам

вдоль его аллей и спускам по замёрзшим склонам прудов. Летом здесь был ближайший от дома зелёный остров, где на травке газонов в виду треугольного фронтона Екатерининского дворца можно было отдохнуть в жаркий день.

Ближе к воротам на Красноказарменную улицу под крутым склоном надпойменной террасы пробивался из земли даже родник, подпитывающий нижние парковые пруды.

В советское время парк был частично реконструирован по проекту архитектора М.П. Коржева, но основная историческая планировка его, включая абрис прудов и направление дорожек сохранилась. Уцелели даже три каменных садовых сооружения – «грот Растрелли», перестроенный в начале XIX века архитектором А.Н. Бакаревым, «плотина Венеры» и полуротонда с бюстом Петра Великого. Полуротонда устроена заново, как пострадавшая после мощного урагана 1904 года, который уничтожил часть Лефортова, сам парк и Анненгофскую рощу.

Центральная парковая аллея шла параллельно Яузе и была до конца 1970-х годов замощена красным кирпичём, поставленным на ребро. На этой аллее я однажды нашёл в щели между кирпичами медную денгу эпохи Елизаветы Петровны.

Парк был хорош в любую погоду. Перепады его рельефа, уединённость посреди большого города придавали его пространству романтический флёр.

В процессе длительного использования сначала в качестве парка при кадетских корпусах, а затем как парка МВО, практически без поновлений и реставраций выдающийся садово-парковый ансамбль пришёл в запустение.

Да, сохранилась система прудов и планировочная структура, но территория бывшего Головинского сада была сильно захламлена. По периметру возникли гаражи-самострои, разрослась самосевная зелень, многочисленные заборы отрезали исторические постройки военного ведомства от парковой территории.

Лефортовский парк, сохраняясь физически, почти полностью утратил блеск императорской резиденции, по существу, превратившись в обычный парк культуры и

отдыха районного масштаба.

В 1970-х годах поднимался вопрос о возрождении и реставрации парка. Но дальше благих пожеланий и эскизного проекта дело не пошло.

Внимание общественности к парку было привлечено ещё раз, когда власти города выразили намерение построить в районе Лефортова отрезок трассы Третьего транспортного кольца (ТТК).

Мысль о строительстве ТТК принималась ещё Генпланом Москвы 1935 года и стала реализовываться по откорректированному Генплану 1971 года.

Во времена так называемой перестройки проходили громкие дискуссии защитников исторического Лефортова, так и сторонников пробивки через его территорию магистрали. Первоначально рассматривалась идея прохода новой трассы через Госпитальную площадь и улицу к Яузе. По этому варианту сносились «вдовьи дома» и Лефортову, как заповедному уголку Москвы приходил конец. Позже было намечено пропустить дорогу под парком МВО.

В 1986 году принято решение постоянной комиссии по культуре и спорту Калининского райсовета, где писалось: «Учитывая угрозу невосполнимой утраты уникального исторического комплекса памятников XVII-XVIII веков <...> просить исполком Моссовета пересмотреть проект прокладки автодороги <...> решение довести до сведения: Совета Министров РСФСР, первого секретаря Московского городского комитета КПСС т. Ельцина, председателя Мосгорисполкома т. Сайкина»¹⁸.

А ведь были предложения «горячих голов» от проектировщиков – провести дорогу через Лефортовский парк открытым способом с последующим его восстановлением.

«Однако вопрос о прохождении Третьего транспортного кольца через Лефортовский парк не давал никаких альтернатив проектировщикам по обходным путям прокладки магистрали. Несмотря на жёсткую формулировку постановления ЭКОСа при Главном архитекторе: «Подтвердить все <...> решения о неприемлимости пробивки городской транспортной магистрали через исторически

ценную территорию Лефортова, строительство трассы было уже решённым делом. В 1996 году принимается постановление о строительстве подземного тоннеля под Лефортовским парком»¹⁹.

В конце 1990-х годов стройка началась, в связи с чем в парке проводились крупномасштабные археологические исследования, участником которых посчастливилось быть и мне. Но это уже другая история.

Неподалёку от входа в парк на бровке реки Яузы у Дворцового моста, чуть пониже памятника-обелиска 300-летия Лефортова, сомнительного художественного качества, стояла до недавнего времени объёмная алюминиевая фигура «Серп и молот». Этот советский знак высотой около 6 метров с чеканными изображениями революционных рабочих и солдат был установлен здесь к 50-летию юбилею Октября и ликвидирован в ельцинское время.

От Дворцового моста через Яузу полого вверх, в сторону Владимирки – Шоссе Энтузиастов уходит Красноказарменная улица. В своём начале от реки до Краснокурсантской площади она представляла собой сплошную военно-казарменную застройку, сложившуюся в XIX веке. После 1917 года военные по-прежнему оставались хозяевами этих зданий.

Открывали начало улицы длинные пропилеи Красных казарм, имеющих в своей основе постройки дворцового ведомства XVIII века. (Император Павел I, как известно не жаловавший свою матушку, отдал обширный Екатерининский дворец и все окружающие здания военным под казармы. Уже позже, в 1820-е годы и в более позднее время дворцовые здания получили ампиный декор и были надстроены.)

В доме №2 размещались в разное время Александровский брестский кадетский корпус, Московское юнкерское пехотное училище, наименованное в 1906 году Алексеевским военным училищем в честь цесаревича Алексея – сына последнего российского императора. Во время октябрьских событий 1917 года юнкера этого училища оказали отчаянное сопротивление вооружённым отрядам красных.

Вид на здание 3-го Кадетского корпуса и его сад. Фото начала XX века

В Алексеевском училище в разные годы обучались – генерал, учёный востоковед А.Е. Снесарев, будущие маршалы Советского Союза Б.М. Шапошников и А.М. Василевский, оперный певец-тенор Л.В. Собинов. В доме № 3, примыкающем к парковой зоне также находились гарнизонные казармы, квартиры преподавателей военных училищ и кадетских корпусов. И сегодня эти здания приписаны к военному ведомству.

На углу Красноказарменной улицы и нынешнего 1-го Краснокурсантского проезда в 1830-е годы было построено двухэтажное каре больших казарм в ампином стиле. Это здание бывшего 3-го Московского Императорского Александра II кадетского корпуса. С 1979 года в казармах размещается отдельный комендантский полк с батальоном почётно караула.

Сквер, находившийся напротив казарм комендантского полка, упирался в закрытую промзону завода «Серп и Молот». Промзона перекрывала прямой выезд на улицу Золоторожский Вал, делая его полутупиковым проездом. От высокой концентрации на этом пятачке Лефортова крупных военных заведений и металлургического завода район производил довольно серое впечатление.

Довершало картину исторического казарменного Лефортова громада красностенного, в стиле классической архитектуры

XVIII века, здание Екатерининского дворца.

Как уже было сказано, после смерти императрицы по распоряжению её сына Павла I дворец был преобразован в Екатерининские казармы и был отдан для размещения Московского гарнизонного полка под командованием И.П. Архарова. Затем в дворцовом здании располагаются 1-й и 2-й Кадетские корпуса. Перед дворцом устраивается кадетский плац, под который вырубается часть верхнего сада Анненгофской рощи.

История 1-го Кадетского корпуса начинается с 3 августа 1824 года, а с ноября 1903 года корпус именуется как 1-й Московский императрицы Екатерины II кадетский корпус. Многие выпускники прославили имя своей alma mater. Среди них генерал-инженер военный историк В.И. Ашхарумов, генерал от инфантерии. Военный министр и министр народного просвещения П.С. Ванновский, герой 1-й Мировой войны генерал от инфантерии А.Е. Эверт, известный художник П.А. Федотов, один из первых маршалов СССР М.Н. Тухачевский и многие другие.

Несколько позже 1-го Московского кадетского корпуса во дворце в декабре 1849 года разместился 2-й Московский корпус. Среди известных выпускников этого корпуса можно отметить генерала от кавалерии, начальника Генштаба В.В. Сахарова, ху-

дожника и беллетриста Н.Н. Каразина, писателя А.И. Куприна, выдающегося композитора А.Н. Скрябина²⁰.

В советское время в здании Екатерининского дворца располагалась Военная академия бронетанковых войск им. Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского, а затем Общевойсковая академия Вооружённых Сил Российской Федерации. Сейчас огромное каре знаменитого дворца в Лефортове пусто, но всё так же находится на балансе военного ведомства.

Учитывая, что Екатерининский дворец составлял одно неразрывное художественное и композиционное целое с Головинским садом – Лефортовским парком, неплохо бы наполнить его стены музейной функцией. Например, сделать из него военно-исторический музей Российской армии, с упором на её дореволюционную историю. Вкупе с отреставрированными фасадами и парковой территорией, думается, что он стал бы одним из самых притягательных и востребованных музеев Москвы.

Кварталы, протянувшиеся от дворца вплоть до Авиамоторной улицы и зажатые между Красноказарменной и Энергетической улицами представляют собой пространство бывшего здесь некогда регулярно спланированного Верхнего Анненгофского боскетного парка. Этот обширный парк был спроектирован и реализован по чертежам архитектора Ф.Б. Расстрелли в 1730-е годы для императрицы Анны Иоанновны. «Центральная часть Верхнего парка интерпретировалась как некая модель идеального города, известного нам по планировочным новациям архитектурных трактатов эпохи Возрождения. В данном случае она почти квадратная, с сетью широких параллельных и диагональных аллей, образующих систему звёздчатых восьмилучевых площадей. Подобная схема имела широкое распространение в итальянском и французском паркостроении»²¹.

После короткого периода существования в XVIII веке как регулярного парка он приходит в заброшенное состояние, превратившись в Анненгофскую рощу, значительно пострадавшую во время разрушительного урагана 1904 года.

В советское время этот полузаросший пустырь был застроен жильём и массивами учебных заведений – Московского энергетического института, Технического университета связи и информатики и их студенческими городками.

Улица Красноказарменная после современного Кадетского плаца по обеим сторонам застроена многоэтажными зданиями 1920-х–1960-х годов. Особо выделяется здесь протяжённый фасад дома № 9, облицованный светлой керамической плиткой, построенный в конце 1950-х на месте ветхих деревянных бараков. Дом как бы подхватывает крупный масштаб улицы, заданный в самом его начале корпусами Красных казарм. Здание имеет все приметы уходящего сталинского большого стиля – рустованную крупную кладку первого этажа, междуэтажную тягу с сухариками и карниз крыши с фигурными кронштейнами.

За домом скрывается территория, принадлежащая МВД (ныне – Росгвардии) – всегда закрытая зона, как и противоположащий Екатерининский дворец.

Далее на углу с улицей Лефортовский Вал стоит квартал из четырёх корпусов под № 12. Построенный в 1929 году как жилой комплекс для сотрудников Всесоюзного электротехнического института (ВЭИ). Авторы домов – А.В. Кузнецов, молодые тогда архитекторы братья В.Я. и Г.Я. Мовчан.

«Жилые дома, бывшие частью единого комплекса <...> института <...> единственные доступные сейчас для обозрения с улицы. Четырёхэтажные П-образные корпуса образуют внутриквартальные дворы комфортного масштаба. Фасады – с ленточными и обычными окнами, с балконами типичной формы и вертикальными окнами лестничных клеток»²².

Квартал до сих пор не утратил своего конструктивистского шарма. Корпус № 2 примечателен ещё и тем, что в нём четыре года, до своего ареста, жил сотрудник ВЭИ, выдающийся религиозный философ П.А. Флоренский.

Сразу за жилым кварталом начинается закрытая зона научного института с разновременистыми постройками – фрагмент застройки лефортовского «науголка» 1920-х годов. На её территории, скрытые

от посторонних глаз, расположены здания электротехнических лабораторий, возведённые в 1927–1929 годах по проекту архитекторов А.С. Фисенко, И.С. Николаева, В.Я. и Г.Я. Мовчан, Л.Н. Мейльмана. «Расположенные по принципу отдельных павильонов, они возводились без утверждённого плана уличной сети. Три лабораторных корпуса, <...> корпус высокого напряжения, машинно-аппаратный, электрофизический, – самые интересные и новаторские по архитектурно-планировочному решению. Они представляют собой комбинацию разновеликих объёмов, прорезанных горизонтальными ленточными окнами, проёмами-иллюминаторами, сплошными вертикалями остекления»²³. Эти белые сооружения в стиле советского конструктивизма вошли во многие книги и исследования, посвящённые мировому функционализму. К сожалению, учитывая режимность территории ВЭИ, эти уникальные здания увидеть не представляется возможным.

На противоположной стороне улицы под № 13 стоит ещё одна знаковая конструктивистская постройка – пятиэтажный учебный корпус ВЭО. Его отличительной особенностью является выдвинутая на фасадную плоскость полукруглая башня с внутренним пандусом, равномерно перфорированная по фасаду мелкими круглыми окнами-иллюминаторами. От времени корпус немного обшарпался, но да сих пор смотрится современно. В 1970-е годы, ещё не зная ничего толком о конструктивизме 1920-х годов, мне представлялось, что это здание возведено совсем недавно.

Возвратимся на соседнюю Солдатскую улицу. Её продолжением в южном направлении была самая длинная улица района – Авиамоторная. Она начиналась от улицы Лефортовский Вал и в конце упиралась в пути Курской железной дороги. Названа улица была по специализации Центрального института авиационного моторостроения им. П.И. Баранова (ЦИАМ). Этот важный для страны институт образован в 1930 году. Его производственные и проектные здания утилитарной архитектуры формируют целый квартал между Авиамоторной и Энергетической улицами.

На этом предприятии почти всю свою трудовую жизнь работала моя мать, очень гордясь причастностью к проектированию новых образцов авиамоторов для страны Советов.

В этом же квартале находится спрятанная от досужего взора знаменитая Лефортовская тюрьма. Её сохранившиеся кирпичные корпуса жёлтого цвета построены в 1881 году по проекту военного инженера Н.Н. Козлова «как тюрьма военного ведомства для нижних чинов, направляемых по приговору полковых и военно-окружных судов».

До начала XX века количество арестантов в Лефортове колебалось от 100 до 138 человек на 205 камер.

Четырёхэтажное «К»-образное здание, ограждённое по периметру четырёхметровой стеной, создавалось на уровне достижений тюремной архитектуры Западной Европы и Америки. <...> С конца двадцатых до середины пятидесятых в Лефортове осуществлялись казни «врагов народа». Трупы хоронились в тюремном дворе»²⁴.

После 1917 года здание служит в качестве чекистской тюрьмы спецназначения для содержания осуждённых на 10 лет строгой изоляции по политическим статьям. Упоминание о Лефортовской тюрьме есть в книге «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына, где он в одной из глав пишет об особенностях разных тюрем: «Или одна из лефортовских «психических» камер, вроде 111-й, окрашенная в чёрный цвет <...> с круглосуточной двадцативаттной лампочкой, а остальное – как в каждой лефортовской: асфальтовый пол; кран отопления в коридоре, в руках надзирателя; а главное – многочасовой раздирающий рёв (от аэродинамической трубы соседнего ЦАГИ (ЦИАМа – *Авт.*), рёв от которого миска с кружкой, вибрируя, съезжает со стола, рёв, при котором бесполезно разговаривать, но можно петь во весь голос, и надзиратель не слышит – а когда стихает рёв, наступает блаженство высшее, чем воля»²⁵.

Тюрьма в советское время прирастала новыми постройками и была так удачно расположена, что просто так её не особо увидишь с прилегающих улиц.

Подростком я знал, что здесь находится спецтюрьма для врагов Советской власти, диссидентов и прочих антисоветских элементов. Чтобы разглядеть её здание, нужно было подойти к ней вплотную, но это здание в силу своей тяжёлой энергетики «отталкивало» от себя, не говоря о том, чтобы его сфотографировать.

Сейчас Лефортовская тюрьма это следственный изолятор № 2 ФСИН России и подчинён Министерству юстиции РФ.

Напротив ЦИАМа находится и по сию пору здание кинотеатра «Спутник», выстроенное в 1958 году в виде стилизованного классического портика. Своё название кинотеатр получил в честь первого космического спутника Земли, запущенного в СССР в 1957 году.

Здесь я пересмотрел множество фильмов. Особенно запомнился мне премьерный показ 1973 года фильма Л.И. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию». Счастливые обладатели билетов на сеансы пробивались сквозь толпы жаждущих посмотреть это кино.

За кинотеатром находилась огромная яма с плоским дном и покатыми краями. В старое время тут был Прачечный пруд – составная часть гидросистемы утраченной на поверхности речки Синички. Память о ней сохраняется в топонимах 1-я и 2-я Синичкины улицы. Летом ложе бывшего пруда, заросшее травой, служило пространством для прогулок. Зимой его склоны использовались для ледяных горок, а в центре стояла новогодняя ель с электрогирляндами.

За ЦИАМом, ближе к началу Юрьевской улицы, располагался небольшой квартал 4-х этажных жилых домов конструктивистского типа. Одной из особенностей этих зданий был внутренний мусоропровод с выходом приёмного люка сразу на улицу на уровне цоколя. Во время постройки домов такое коммунальное новшество было оригинальным, но в процессе эксплуатации мусоропровод забивался и это представляло собой неприглядное зрелище. Сейчас эти дома снесены и на их месте построены современные многоэтажки типовой серии ТМ-25.

Ближе к метро «Авиамоторная» стоят че-

тыре дома «скворечника» постройки 1956 года. Кирпичные здания с щипцовыми фронтонами по адресу: Авиамоторная ул., 29, 31, 35, 37. По словам старожилов, их строили пленные немцы, поэтому внешне они напоминают образ бюргерских домов.

Сразу же за ними находился известный на всю округу Лефортовский колхозный рынок. Я его помню ещё деревянным с открытыми прилавками и навесами, как на старой Тишинке или существующем и сейчас Преображенском. В 1980-е годы его реконструировали, накрыв большую часть алюминиево-стеклянным павильоном. Сейчас он полностью снесён, на его месте строится жилой комплекс «Энтузиаст» от архитектурного бюро Speech.

Напротив рынка, на углу Красноказарменной и Авиамоторной улиц до начала 2000-х стояло пятиэтажное здание Калининского райкома КПСС 1930-х годов постройки. Перед ним в сквере была установлена монументальная фигура винтообразного красного знамени.

В этом доме в 1976 году меня принимали в комсомол. Чтобы получить красную книжечку ВЛКСМ, кандидату нужно было выучить за какие заслуги, когда и какой орден вручался комсомолу. Экзаменовали нас молодые комсомольские функционеры, как я уже думаю с высоты прожитых лет, будущие «прорабы перестройки» и командиры нового бизнеса.

В 2005 году старый райком снесли и на его месте построено монументальное здание префектуры ЮВАО с бизнес-центром.

Стиль нового комплекса ассоциируется с архитектурой постконструктивизма, но вся его объёмно-пространственная структура «убита» светло-коричневой «туалетной» облицовочной плиткой. (Сейчас эту легко монтируемую керамогранитную плитку часто используют для обшивки разных зданий от торговых павильонов до больших общественных сооружений, что низводит иногда неплохую архитектуру до «сантехнического» уровня.)

Перенесёмся обратно в район Дворцового – Лефортовского – моста через Яузу. Отсюда, от Красноказарменной площади на-

чинается Волочаевская улица – одна из основных в районе.

Мне она представлялась всегда какой-то унылой и серой из-за длинных кирпичных казарменных построек военного университета и корпусов трамвайно-ремонтного завода, тянувшихся по её нечётной стороне. Добавляли серой краски сюда и стандартные советские многоэтажки серии II-68-01 на чётной стороне.

Старое название этой улицы Золоторожская было заменено в 1922 году на Бухаринскую, и, в свою очередь, в 1937 году на современное название.

Казармы для 12-го гренадёрского Астраханского полка были сооружены в 1850-е-1870-е годы и перестроены в начале XX века.

Квартировавший в этой местности полк появился в 1700 году и первоначально назывался «Пехотный Романа Брюса полк». Его история богата славными делами в Северной войне и во время наполеоновских войн. Отличился полк и в период русско-турецкой войны под Плевной.

«В 1865 году полк получил номер и вплоть до 1918 года именовался 12-м гренадёрским Астраханским полком. <...> В 1900 году в Москве был торжественно отпразднован 200-летний юбилей полка, при этом царь Николай II стал его шефом и во время приездов в Москву носил мундир этого полка»²⁶.

На территории казарм в день полкового праздника 22 октября 1913 года открыт бронзовый памятник-бюст императору Александру III. На лицевой стороне гранитного постамента располагалась надпись: «Державному шефу императору Александру III Астраханские гренадёры». Памятник был уничтожен в 1918 году.

Севернее казарм Астраханского полка поднимается от Салтыкова моста Самокатная улица, на которой расположены заметные постройки XIX-XX веков. Это один из живописных уголков на левобережной Яузы.

Доминирует здесь церковный ансамбль Введенской единоверческой общины, состоящий из двух храмов: Троицкого постройки 1819 года и Введенского, сооружённого в 1822-25 годы по проекту архитектора А.Ф. Элькинского.

До революции эта улица называлась Новоблагословенной по новоблагословенному единоверческому согласию – официально разрешённому религиозному направлению, введённому в 1800 году как компромисс между официальным православием и старообрядчеством.

После 1917 года церкви были закрыты, но не снесены. У Введенского храма «срублены» до основания барабаны куполов, а Троицкий сохранил свою пятиглавую композицию, но был доведён до аварийного состояния. Его тёмный мрачный силуэт с оголённым каркасом главного купола и обезглавленной колокольней долго господствовал в широких яузских панорамах.

«Троицкая церковь относится к характерному, но довольно редкому типу церковных зданий, зрелого московского классицизма, пластика которых подчёркнута цилиндрическими угловыми объёмами. <...> Наиболее близкая аналогия – построенный в 1805-1820 гг. по проекту московского архитектора И. Манфрини пятиглавый Успенский собор в городе Мышкине Ярославской области»²⁷.

За храмом стояла трёхэтажная каменная богадельня, в которой долгое время размещалось отделение милиции и па-спортный стол района Лефортово.

Подростком я забирался на реставрационные леса храма Троицы, откуда разглядывал широкие перспективы района Немецкой слободы, застройки у Садового кольца и Лефортовской округи.

Сейчас церкви отреставрированы и в них налаживается приходская жизнь.

Ещё одна достопримечательность Самокатной улицы, сохранившаяся в полном объёме до наших дней – это комплекс краснокирпичных зданий «Московского казённого винного склада №1» (он же «Московский ликёро-водочный завод», завод «Кристалл»). Большие производственные корпуса, как я себя помню, всегда охранялись военизированной охраной. Да оно и не мудрено – ведь водка, выпускавшаяся здесь, всегда была стратегическим, политическим товаром, а то и «жидкой» валютой.

До введения государственной винной монополии в России отсутствовал стандарт водочного производства. В 1894 году по

инициативе министра финансов С.Ю. Витте был создан комитет по изучению «высших питей» во главе с химиком Д.И. Менделеевым. Было установлено, что на частных винокуренных заводах постоянно применяется некачественное сырьё, запрещённые химические добавки, а то и серная кислота для крепости. Около 65% водок, производимых частниками, содержали метиловый спирт.

Указ о введении государственной монополии на производство и продажу спиртных напитков в Российской империи был подписан С.Ю. Витте в 1896 году.

«Осуществление монополии курировало Главное управление по неокладным сборам и казённой продаже питей Министерства финансов и существовавшая при нём технико-строительная инспекция, разработавшая совместно с аналогичной инспекцией Министерства внутренних дел типовые проекты казённых винных складов-заводов по производству ректифицированного спирта и водки, штаты и систему деятельности региональных химических лабораторий»²⁸. Винная монополия была средством повышения госбюджета и способом улучшения качества продукции.

Здания «Казённого винного склада № 1» строились на месте ранее существовавших здесь винных таможенных складов. Заводские корпуса, выполненные в промышленном кирпичном стиле, возводились на рубеже XIX–XX веков по проекту гражданских инженеров Н.Г. Фалеева и В.А. Величкина. Производство было открыто 24 июня 1901 года. Всего в Москве основано три казённых винных склада.

В 1913 году общая выручка от введённой государством монополии на производство водочных изделий составила 26% в бюджет России.

После начала Первой мировой войны в России был введён «сухой закон». Производство на заводе было сведено к минимуму, а в цехах организован военный госпиталь.

Запрет на производство спиртного был продлён и после большевистского переворота, а в августе 1923 года ЦИК и СНК СССР издают совместное постановление

о возобновлении изготовления и продажи спиртных напитков. Водка в то время получила народное название «рыковка» по фамилии председателя Совнаркома.

Во время Великой Отечественной войны завод переключился на выпуск «коктейлей Молотова» и сухого спирта. Причём главный корпус предприятия получил значительные разрушения от упавшей на него в июле 1941 года фашистской авиабомбы.

После 1945 года ликёро-водочный завод вступает в наиболее стабильный период своей работы и в 1987 году получает название ОАО «Кристалл».

С 2009 года завод «Кристалл» постепенно переходит на новые производственные площадки в поселении Корыстово Каширского района Московской области. С 2012 года прекращается его существование как действующего ликёро-водочного завода с более чем 100-летней историей.

Сейчас во дворы предприятия можно зайти совершенно свободно и полюбоваться его прекрасно сохранившейся промышленной архитектурой.

Планы реновации территории бывших казённых винных складов пока не ясны. Возможно, здесь будет устроена арт-бизнес площадка по подобию близлежащих Армы, Артплея или пресненской Трёхгорки.

Москва бесконечный исторический город. Она как матрёшка, в которой упакованы районы, кварталы, улицы, а там, дома, квартиры с вещами и наконец, самое главное – люди их населяющие и создающие столицу.

Лефортово – один из многих интереснейших районов нашего мегаполиса со множеством памятников и памятных уголков. За более чем 300-летнюю историю этого места их здесь накопилось изрядное количество и каждый объект достоин отдельной статьи или книги.

За кадром нашего внимания остались обширные кварталы района за шоссе Энтузиастов, знаменитый конструктивистский Дангауэровский посёлок, большие промзоны вокруг Авиамоторной улицы и гараж Госплана гениального архитектора К.С. Мельникова. Не рассмотрена территория бывшего завода «Серп и Мо-

лот» и вагоноремонтного завода им. Войтовича, в клубе которого мне в 1978 году торжественно вручали паспорт несуществующей ныне страны – СССР.

Размеры статьи не позволяют рассказать многое, но и написанное, думаю, пробудит интерес читателя к более детальному изучению лефортовской округи.

Примечания:

1. Паустовский К.Г. Повесть о жизни. – М. Изд. «Терра».Т.5. 2002. С.39–40
2. Соловьёва Е., Царёва Т. Новые дома. Архитектура жилых комплексов Москвы 1920–1930-х годов. – М. Изд. «План». 2012. С.14
3. Новиков Ф.А. Зодчие и зодчество. – М. Изд. УРСС. 2003. С.366–368
4. «Гаги» – это обрусевшее название коньков норвежской фирмы «L.H. Hagen & Co. Christiania» (основана в 1892 году). Конькобежец, основатель и владелец фирмы Харальд Хаген в 1885 году предложил новые беговые коньки, состоящие из стальной трубки и вставленной в неё стального полоза. В нашей стране их нередко называли «норвеги», «норвежки»
5. Яйленко В.П. Очерки по истории и архитектуре Лефортова XVII–XVIII веков. – М. Изд. «Галерея». 2004. С.180–181
6. Аронова А.А. Усадьба Бидлоо – первый голландский сад в Москве. //Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. Сборник в двух томах. Т.1. Кн.1 – М. Изд. «Эко-Пресс». 2010. С.99
7. Новиков Ф.А. Указ. соч. С.369
8. Вулах А. Новь старого района. //Москва какой она будет. – М. Изд. «Московский рабочий». 1976. С.90
9. Алещенко Н.М. Москва в планах развития и реконструкции 1918–1985. – М. Изд. Главного архивного управления города Москвы. 2009. С.122
10. Данилевский Г.П. Мирович. Княжна Тарканова. Сожжённая Москва. – М. 1977. С.546
11. Саладин А.Т. Очерки истории московских кладбищ. – М. Изд. «Книжный сад». 1997. С.70
12. Артамонов М.Д. Введенские горы. – М. Изд. «Московский рабочий».1993

13. Франц Лефорт. Страницы истории. – М. Изд. Мосгорархив. 1999. С.39
14. Москва православная. Июнь. – М. Изд. «ИНТО». 1997. С.478
15. 305 лет первому государственному лечебному учреждению России. – М. Изд. «Эко-Пресс». 2012. С.6
16. Бранденбург Б.Ю., Татаржинская Я.В., Щенков А.С. Архитектор Иван Машков. – М. Изд. «Русская книга». 2001. С.29
17. Евангулова О.С. Дворцово-парковый ансамбль Лефортово. – М. С.70
18. Яницкий О. Битва за Лефортово. //Москва. Город и человек. Вып.2. Изд. «Московский рабочий». – М. 1989. С.121
19. Векслер А.Г., Воронин К.В., Пирогов В.Ю. Лефортовский парк в Москве. – М. ЦАИ. 2004. С.70
20. Андреева В.И. Военные учебные заведения в Лефортове XIX – начала XX века. // Лефортово: история, люди и судьбы/ Под общей редакцией Е.П. Миклашевской. – М. Издательский дом МЭИ. 2007
21. Холманских Г.Н. Верхний Анненгофский боскетный парк. // Научно-практическая конференция «Лефортово: история, традиции, культура». – М. С.75
22. Овсянникова Е., Васильев Н., Евстратова М., Панин О. Архитектура авангарда. Вторая половина 1920-х – первая половина 1930-х годов. – М. Изд. С.Э. Гордеев. 2011. С.347
23. Соловьёва Е., Царёва Т. Указ. соч. С.272
24. Карышев В., Бутырский Ф. Москва тюремная. – М. Изд. «Политбюро». 1998. С.90–91
25. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Т.5. – М. Изд. «ИНКОМ НВ». 1991. С.132
26. Прогулки по Лефортову. – М. Изд. МНЭПУ. 2003. С.24
27. Памятники архитектуры Москвы. Территория между Садовым кольцом и границами города XVIII века. – М. Изд. «Искусство». 1998. С.380
28. Черный А.В. К истории создания и развития ОАО «Московский завод «Кристалл» // Научно-практическая конференция «Лефортово: история, традиция, культура». – М. Изд. Мосгорархив. 2001. С.116

Благодарим за помощь в создании книги
и за предоставленные материалы:

Московскую городскую Думу,
Общественную палату города Москвы,
Московский городской педагогический университет (МГПУ),
ГБУК города Москвы «Музей-Усадьба Останкино»,
ГБУК города Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы»,
Библиотеку № 19 им. Ф.М. Достоевского ГБУК г. Москвы «ОКЦ ЦАО».

МОСКОВСКИЙ КОД
Сборник статей

Руководитель проекта: А.А. Емельянов,
руководитель Департамента культурного наследия города
Москвы.
Ответственный редактор: Ф.И. Смирнов.
Координаторы проекта: С.В. Талалаева, Н.А. Калинкина,
Д.Н. Яковлева.
Дизайн, верстка: Ф.И. Смирнов
Корректор: Бюро Sm’art.
Издатель: ИП Смирнов Филипп Игоревич.

Подписано в печать 30.08.22.
Формат 60х90 1/8.
Гарнитура Merriweather. Усл. печ. л. 12.18.

Тираж 500 экз.
Заказ № 22-1465

Отпечатано в типографии
ООО «КОДЕКС»
141033, Московская область,
г. Мытищи, мкр-н поселок Пироговский,
ул. Фабричная д. 1
Тел. +7 495 363 56 12/13
e-mail: sekret@a-kem.ru
www.a-kem.ru

По меткому замечанию академика Д.С. Лихачева – «чрезвычайно важная и исключительно редкая особенность краеведения в том, что у него нет «двух уровней»: для специалистов и для широкой публики. Оно само по себе популярно и существует постольку, поскольку в его создании и потреблении участвуют массы».

Краеведение – область человеческого знания, способствующая самоидентификации человека. Базируясь на междисциплинарном подходе, исповедуя принципы комплексного подхода, историзма и, главное, объективности, краеведение позволяет создавать исчерпывающую картину развития изучаемой области, будь то дом, улица, район или край.

База источников краеведения исключительно обширна – тут и письменные, и изобразительные, и устные сведения, а также звуковой и вещественный миры. К тому же для вовлечения в изучение края нет необходимости в длительном образовании – начинать можно здесь и сейчас, пользуясь подручными средствами. С некоторых пор краеведение не изучают в школах. Тем временем создатели сборника «Московский код» полагают, что время комплексного и междисциплинарного подхода к изучению родного края вновь наступило. Архитекторы, археологи и архивисты, биологи и военные, географы и историки, экологи и филологи, этнографы и библиографы пересматривают список целей и задач, стоящих перед современным краеведением. Сборник статей посвящен нескольким аспектам организации, содержанию и методике краеведческой работы и дает несколько примеров того, как в современном городе востребовано краеведческое знание.